

de visu

2'93

ежемесячный
историко-
литературный
и библиографический
журнал

de visu 2(3)'93

ежемесячный
историко-литературный
и библиографический
журнал

ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ	5	Вокруг гибели Надежды Львовой <i>А.В.Лавров</i>
	12	Н.А.Бердяев. Письма Андрею Белому <i>А.Г.Бойчук</i>
СТАТЬИ	24	<i>Инна Андреева</i> «Огромной рифмой связало нас...»: К истории отношений Ходасевича и Муни
БИБЛИОГРАФИЯ	42	<i>А.Л.Соболев</i> «Грядущее» Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус
	44	<i>О.С.Фигурнова</i> Игорь Северянин в Эстонии
ОБЗОРЫ	50	Книги. Журналы. Газеты. Корректуры и рукописи. «Северная Гилея»
ХРОНИКА	68	

Журнал редактируют:
Александр Галушкин и Александр Розенштром

Над номером работали:
Юрий Бин, Мария Вайсман, Юлия Дронова,
Андрей Лебедев (Париж), Сергей Путилов

Оформление:
Татьяна Чернова

При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются

Писать по адресу:
Россия, 117437, Москва,
ул. Островитянова, 19 — 139.

Телефоны: 289-63-08, 335-28-84

Подписку за рубежом осуществляет
Galina Zlotnikova:
PO Box 1641
Madison Square Station
New York, NY 10159-1641, USA

ЛР № 070205 от 22.10.91
Формат 60×84 1/8 Усл. печ. л. 9,0
Заказ 928 Тираж 1000
Производственно-издательский комбинат ВИНТИ
140010, Люберцы, Октябрьский пр-кт, 403

© Андреева И., 1993.
© Бойчук А.Г., 1993.
© Лавров А.В., 1993.
© Никитаев А.Т., 1993.
© Соболев А.Л., 1993.
© Фигурнова О.С., 1993.
© Агентство «Алфавит», «De Visu», 1993

Ежемесячный историко-литературный и библиографический журнал «De Visu» посвящен русской литературе конца XIX — первой трети XX вв. (от зарождения символизма до торжества социалистического реализма).

В каждом номере:

- Публикации и републикации неизвестных и забытых текстов русской литературы 1890-1930-х гг.*
- Статьи и исследования, посвященные литературе этого периода.*
- Книжные обзоры и рецензии*
- Ретроспективная библиография (указатели содержания журналов, тематическая библиография, Personalia и др.)*
- Текущая библиография (аннотированные тематические указатели книг, публикаций в журналах и газетсах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг.)*
- Хроника научной жизни.*

Вокруг гибели Надежды Львовой

Неизданные материалы

Во вторник 26 ноября 1913 года московская газета «Русское слово» напечатала заметку (подписанную криптонимом Н.Б.) о самоубийстве в одном из домов по Крапивинскому переулку, близ Трубной площади:

«В воскресенье, вечером, застрелилась молодая поэтесса Н.Г.Львова. <...>

Около 9-и час. вечера Н.Г.Львова позвонила по телефону к г. Брюсову и просила приехать к ней.

Г. Брюсов ответил, что ему некогда, — он занят срочной работой.

Через несколько минут г-жа Львова снова подошла к телефону и сказала г. Брюсову:

— Если вы сейчас не приедете, я застрелюсь... <...>

Минут пять спустя после разговора г-жи Львовой с г. Брюсовым в комнате грянул выстрел».

Сразу после выстрела Львова кинулась к другому жильцу дома, Меркулову, со словами: «Я застрелилась, помогите!...»

«Она назвала № телефона и сказала:

— Попросите, чтобы приехал ... <...>

Через несколько минут г. Брюсов приехал.

Наклонился к полулежащей в прихожей г-же Львовой.

Она как будто узнала его, как будто пыталась говорить, но уже не хватало сил.

Тем временем прибыла карета скорой помощи, но всякая помощь была уже бесполезна.

Минуту спустя г-жа Львова скончалась.

Г. Брюсов был страшно потрясен. Он даже не взял письма, оставленного покойной на его имя, не взял бумаг и рукописей, так же, по-видимому, предназначавшихся для него.

Он уехал.

Полиция опечатала все письма г-жи Львовой, в том числе и письмо, адресованное г. Брюсову. Забраны так же все бумаги и рукописи».

Поэт Лев Зилов сообщает о 24-м ноября — последнем дне жизни Львовой: «Весь вечер она звонила по телефону своим друзьям, говоря каждому из них, что просит приехать к ней “по очень важному делу” — и никто не откликнулся, никто не приехал. После выстрела, когда вбежали к ней соседи, она имела силы подойти к ним навстречу и просить позвонить известному поэту Б., повторяя номер его телефона.

Когда он приехал, она пыталась что-то сказать ему, но было слишком поздно: наступила последняя борьба со смертью. Покойной оставлено письмо на имя упомянутого Б.»¹.

Один из друзей Львовой, поэт Вадим Шершеневич, вспоминает о том же дне:

«Я не помню, где я был вечером, но, когда пришел домой часов в десять, я застал жену у телефона:

— Поезжай немедленно к Наде!

Я не мог добиться, в чем дело. Я отправился. <...>

На звонок мне открыл дверь человек в форме землемера, которого я раньше не видел. Он оказался братом Нади и плакал.

А в соседней комнате на столе в своей черной повязке лежала мертвая Надя. Выстрел был из нагана в сердце»².

Широкой огласки в печати имя Брюсова в связи с самоубийством Львовой не получило. Как сообщает В.Ф.Ходасевич, Иоанна Матвеевна, жена Брюсова, просила его «похлопотать, чтобы в газетах не писали лишнего», и он постарался исполнить эту просьбу: «Брюсов мало меня заботил, но мне не хотелось, чтобы репортеры копались в истории Нади»³. Но тот же Ходасевич впоследствии предъявил Брюсову, пожалуй, самый крупный моральный счет, обрисовав в мемуарах гибель Львовой как «брюсовское преступление» («Брюсов систематически приучал ее к мысли о смерти, о самоубийстве. Однажды она показала мне револьвер — подарок Брюсова»); он же привел слова о Брюсове Нины Петровской — покинутой Брюсовым несколькими годами ранее, — также совершенно недвусмысленные: «... теперь ему меня не достать <...> теперь другие страдают. Почему я знала — какие другие, — Львову он уже в то время прикончил...»⁴. Уверенность Ходасевича в том, что Брюсов — единственный и безусловный виновник самоубийства молодой поэтессы, разделялась многими. Сохранившиеся документальные материалы, раскрывающие эту историю, позволяют если не отменить однозначный моральный вердикт, вынесенный Ходасевичем, то, во всяком случае, скорректировать его, дают возможность осмыслить ситуацию, разрешившуюся выстрелом, во всей ее трагической неразрешимости.

Надежда Григорьевна Львова, дочь почтового служащего, родилась в Подольске (Московской губернии) в 1891 г., в гимназические годы участвовала в подпольном социал-демократическом союзе учащихся (в это время общалась с И.Г.Эренбургом), была судима и оправдана. Писать стихи она начала в 1910 г., а в 1911 г. выслала их на просмотр Брюсову, который открыл ей дорогу в литературу (в 1911-1913 гг. стихи Львовой печатались в журналах «Русская

мысль», «Женское дело», «Путь», «Новая жизнь», «Рампа и жизнь», в альманахе «Жатва»). К 1911 г. Брюсов относит и «начало романа с Надей»⁵ — романа, который в 1912-1913 гг. вообрал в себя основное содержание его душевных переживаний. Июнь 1913 г. Брюсов и Львова провели вместе на озере Сайма в Финляндии. Львова Брюсов посвятил свою книгу-мистификацию «Стихи Нелли» (М., 1913)⁶. Первый (и единственный) сборник Львова «Старая сказка. Стихи 1911-1912 г.», вышедший в начале лета 1913 г. в московском издательстве «Альциона» с предисловием Брюсова, позволял говорить об ее авторе как о поэте брюсовской школы: Ходасевич писал, что Львову «следует причислить ко второму поколению учеников Брюсова», переживших влияние его последних книг «Все напевы» и «Зеркало теней»⁷.

Уже в самом начале взаимоотношений Брюсова и Львова стало сказываться глубокое различие их душевных темпераментов и психологических типов, максималистского — у нее, релятивистского и «протестического» — у него. Для Львова любовь, овладевшая ею, составляла все ее существо, была единственным содержанием ее жизни, и она ожидала от Брюсова взаимного чувства, исполненного такой же полноты и интенсивности. Этого он ей дать не мог. Не готов он был и к разрыву с женой, на чем настаивала Львова. Понимая, что отношения зашли в тупик, что изменить свой семейный уклад он не в силах, Брюсов готов был прекратить эту, уже мучительную для них обоих связь, но Львова восприняла симптомы его охлаждения и отдаления как полную жизненную катастрофу. В такой ситуации самоубийству суждено было стать по-своему закономерным финалом.

Похороны Львова состоялись 27 ноября, в них участвовали Ходасевич, Шершеневич, Б.А.Садовской. Брюсов на похоронах не присутствовал: в ночь самоубийства, потрясенный случившимся, он спешно выехал из Москвы в Петербург. В день похорон в Москву из Петербурга прибывал Эмиль Верхарн. Брюсов, друживший с бельгийским поэтом, преклонявшийся перед его творчеством, был основным инициатором его российского турне, однако сопровождать Верхарна в Москве тогда он был не в силах⁸. О его внутреннем состоянии достаточно выразительно свидетельствует краткая записка, отправленная из Петербурга 25 ноября А.А.Шестеркиной (его бывлой возлюбленной и confidentке, посвященной в обстоятельства отношений с Львова); почерк, которым написан этот текст, лишь отдаленно напоминает брюсовский:

«Напишите мне
Русская Мысль
Нюстад<т>ская б⁹
Пете<р>б<ург>
Напишите *всё*
Пишите *жестко*
Я хочу жестокости
Простите мне
Я брежу
Напишите *всё*
Ваш В.»¹⁰

«Кажется, вчера я наделал много глупостей, — писал Брюсов на следующий день жене. — Послал два очень глупых истерических письма Шестеркиной и, тоже глупое, брату Н<адежды> Г<ригорьевны>»¹¹. Если бы эти письма попали Тебе в руки, *не читай их*. Не думай также, что я писал их под влиянием морфия. Нет. Все это так на меня повлияло, что я его почти не касаюсь. Вероятно, здесь же и брошу, сразу. Но я *очень* подавлен случившимся. Полагаю, что Ты понимаешь мое состояние. Отчасти ведь и *на Тебе* лежит ответственность. Не будь Тебя, не было бы и этого. *Ты не виновата*, никто не станет спорить, но Ты — среди причин, это бесспорно. Пытаюсь успокоиться и овладеть собой. Может быть, удастся. Пока оставь меня *одного*, мне это так нужно, очень. Во всяком случае, если жить дальше, то *совершенно по-другому*. Со вчерашнего дня я прежний исчез: будет ли «я» другой, еще не знаю. Но «Валерий Брюсов», тот, что был 40 лет, умер»¹².

О переживаемом внутреннем переломе Брюсов говорил и в письме к Шестеркиной от 26 ноября: «Эти дни, один с самим собой, на своем Страшном Суде, я пересматриваю всю свою жизнь, все свои дела и все помышления. Скоро будет произнесен приговор». В день похорон Львова, 27 ноября, он признавался в письме к Шестеркиной: «Я еще *ничего не знаю*. Только *начинаю* здраво мыслить. Мне надо решить нечто важное: о себе и своей жизни. Как жить и жить ли. Я теперь говорю это просто и трезво. Без истерики я думаю об этом и решаю не в безумии, но в полном сознании. *Прошу очень*: сегодня же напишите мне и пошлите письмо с курьерским поздравом Ник<олаевской> д<ороги>, чтобы я непременно получил его завтра. Сообщите *всё*, беспощадно и прямо. Сообщите, что Вам говорили обо мне *все*, друзья и враги, и даже те, о которых не смею думать (ее отец, мать, брат). Мне надо знать беспощадную истину»¹³.

В те дни в Петербурге Брюсов мало с кем виделся. В числе немногих, кто тогда с ним встречался, были Д.С.Мережковский, З.Н.Гиппиус и Д.В.Философов. Долгие годы связанные с Брюсовым обстоятельствами литературной жизни, хорошо знавшие его как сподвижника по символистской когорте, живого и энергичного собеседника-оппонента, у которого, однако, всегда и во всех смыслах был «сюртук застегнут», они были поражены его изменившимся обликом. Гиппиус вспоминает: «Брюсов так вошел, так взглянул, такое у него лицо было, что мы сразу поняли: это совсем другой Брюсов. Это настоящий, живой человек. И человек — в последнем отчаянии. Именно потому, что в тот день мы видели Брюсова человеческого и страдающего, и чувствовали близость его, и старались помочь ему, как умели, мне о свидании этом рассказывать не хочется. я его только отмечаю. Был ли Брюсов так виноват, как это ощущал? Нет, конечно. Но он был пронзен своей виной, смертью этой девушки...может быть, пронзен смертью вообще, в первый раз»¹⁴.

В середине декабря 1913 г. Брюсов приехал в санаторий доктора Максимовича в Майоренгофе (или Эдинбурге II), курорте близ Риги; там он провел весь январь 1914 г. «...Временно уйдя в другой мир,

чувствую себя почти хорошо, — сколько сейчас могу», — писал он оттуда Вяч.Иванову (20 января).¹⁵ Там им были написаны стихи, составившие цикл «Солнце золотое», навеянный воспоминаниями о Львовой.¹⁶ В этих стихах — и переживания трагической утраты («Я не был на твоей могиле»; «Моих ночей ты знаешь муки, // Ты знаешь, что храню я целой // Всю нашу светлую любовь»), и ясное свидетельство преодоления внутренней боли и возвращения к жизни и прежним ценностям:

Умершим мир! Но да не встанет
 Пред нами горестная тень!
 Что было, да не отуманит
 Теперь воспламененный день!
 Умершим мир! Но мы, мы дышим.
 Пока по жилам бьется кровь,
 Мы все призывы жизни слышим
 И твой священный зов, Любовь!¹⁷

С чтением стихотворения «Умершим мир!» Брюсов выступил на одном из публичных вечеров «Общества свободной эстетики» вскоре после возвращения из санатория. Ходасевич вспоминает: «Прослушав строфы две, я встал из-за стола и пошел к дверям. Брюсов приостановил чтение. На меня зашикали: все понимали, о чем идет речь, и требовали, чтобы я не мешал удовольствию»¹⁸.

Ниже печатаются документы, хранящиеся в Отделе рукописей Российской гос.библиотеки в Москве (РГБ): письмо Брюсова к А.А.Шестеркиной из Петербурга (О.Р., карт.129, ед.хр.2), письмо З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского к Брюсову, написанное после его пребывания в Петербурге в конце ноября 1913 г. (ф.386, карт. 94, ед.хр.45), письма А.Г.Львова (брата Н.Г.Львовой) к Брюсову (ф.386, карт.93, ед.хр.1), письмо Брюсова к А.Г.Львову и его же памятная записка «Правда о смерти Н.Г.Львовой» (ф.386, карт.71, ед.хр.52).

Брюсов — А.А.Шестеркиной

<С.-Петербург. 25 ноября 1913 г.>

Я вам что-то писал, Анечка, не знаю что — по адресу Малая Алексеевская¹⁹. Другого не знаю, но, м<ожет> б<ыть>, и эти строки дойдут. Вы знаете, что я убежал. Быть там, видеть, это слишком страшно. Быть дома, видеть тех, кто со мной, — это еще страшнее. Вы поймете, Анечка, что я эти дни не мог быть дома. Мне надо быть одному, мне надо одному пережить свое отчаянье. Ибо это — отчаянье. В ней для меня было все (теперь можно сознаться). Без нее нет ничего. Поступать иначе, чем я поступал в жизни, я не мог: это был мой долг (говорю это и теперь). Но теперь тоже мой долг поступить так, как я поступлю. Еще я убежал, чтобы это вполне понять. Понял, что больше жить нельзя и не надо. Валерия Брюсова больше нет. Это решено совсем. Его нет. Знайте. Прощайте, Анечка.

Анечка! оставайтесь моим другом, Вы, хотя я Вас эти годы обижал очень. Мне больше некого просить. Будьте там. Сделайте все, что нужно. Упросите тех, кто по закону имеет право, — позволить мне не быть в <нрзб.>. Мне хочется прислать денег, сколько надо, чтобы все было по крайней мере красиво. Зачем это, не знаю. Но так тоже надо. Анечка, милая. Достаньте где-нибудь денег и делайте все что надо. Я тотчас пришлю все из Петербурга. Я уехал с 5 рублями. Но я достану. Это моя последняя просьба. Больше ни о чем и никогда не буду, не придет<ся?> просить. Ах, Анечка! Я ее очень любил. И теперь незачем жить, незачем.

Твой В.

З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковский — Брюсову

14-12-<19>13. СПб. Серг<иевская> 83.

Валерий Яковлевич, милый, Вы нам стали близки. Мы все помним все это время, думаем о вас глубоко и нежно. Спасибо за письмо. Но так живем мы все за стенами, так не умеем ломать их. И тем отраднее простая минута, когда чувствуешь, что человек человеку — человек. Я верю теперь, что случись у нас тяжелая минута — вы не пройдете мимо. Через страдание видишь человеческие глаза. И уж потом никогда не забываешь.

Слов так мало, настоящих, и так трудно они приходят. Мы все и боимся слов. А настоящие, должно быть, самые простые, — вот как в вашем письме. Еще раз спасибо вам за него.

Что бы вы ни «решили» — мы знаем одно: мы видели вашу глубину, и все в вас будет идти из нее.

Помните, что мы помним вас всегда. Приветствуем нежно.

Ваша З.Г.

Низкий поклон И<оанне> М<атвеевне>.

Да, милый Валерий Яковлевич, и у меня все так, как пишет З.Н.

И мне еще хочется поблагодарить Вас за то, что Вы пришли тогда к нам. Значит, уж<е> раньше чувствовали, что мы можем быть близки.

Знаете, почему Вы мне особенно близки? Потому что у нас с Вами общий грех — и общее страдание. Я и почувствовал в ту минуту Ваш грех, как свой. И этого никогда не забуду. Вы научили меня многому — за это я Вам благодарен.

И еще хотелось Вам вот что сказать, только не знаю, имею ли право? Ну да все равно скажу. Если я и не сумею сказать, — Вы поймете, как надо. Я и тогда хотел Вам сказать, но не посмел, а потом много раз думал. И мне теперь кажется, что Вы сами это чувствуете.

Для нее, для ушедшей, очень важно, как Вы будете жить, т.е. не в смысле «добродетели», «нравственности», а в смысле основной глубокой воли жизни (к не-одиночеству). Вы ей можете помочь, как никто: через себя — ей.

И я верю, что так и будет. Я в силу Вашу верю. Вы в ту страшную минуту не солгали, Вы правдивы были до конца перед ней и перед собой. А для такой правды нужна большая сила. И она у Вас была и, значит, будет.

Нет, не умею, совсем не умею сказать как следует. Должно быть, потому именно, что *без права* говорю. Одно только знаю, что есть в судьбах наших общее, и мы оба этого никогда не забудем. И от этого легче.

Целую Вас крепко, милый.

Ваш Д.М.

А.Г.Львов — Брюсову

8 декабря 1913 года.

Милостивый Государь, Валерий Яковлевич,

уведомляю Вас, что Надя оставила на Ваше имя письмо, написанное перед самоубийством.

Письмо это находится в 3 уч<астве> Тверской части* при полицейском протоколе и может быть выдано только лично Вам²⁰. Надеюсь, что судьба не столкнет меня с Вами на какой-либо дороге, так как для меня слишком была бы тяжела встреча с человеком фразы (и только фразы), человеком, не сдерживающим данное честное слово, человеком, взявшим душу Нади и *убившим* ее.

Инженер-электрик

Александр Львов

*Неглинный, дом Обидиной № 27.

А.Г.Львов — Брюсову

11 января 1914 года

Милостивый Государь Валерий Яковлевич!

Пятьдесят дней тому назад скончалась Надя.

Срок, за который, мне кажется, Вы успокоились достаточно. Учитывая это, прошу Вас объяснить мне обстоятельство, которое я считаю основной и главной причиной смерти Нади (факт передачи Вами Наде револьвера, несмотря на данное Вами мне честное слово Брюсова, что, после известной Вам случайности, это оружие в руках Нади никогда больше не будет), объяснить мне без недомолвок и экивоков.

Поставлю вопрос прямо: «Считаете ли Вы себя виновным морально в самоубийстве Нади и физически в снабжении человека, уже находящегося под властью известного настроения (настроения, которое Вам именно было известно более чем кому-либо), — удобным, нестрашным, автоматически действующим средством вызвать смерть?»

Как видите, я поставил вопрос прямо, и смею думать, что получу столь же прямой, если пожелаете, личный ответ. Срок ответа на это письмо я ставлю недельный, т.е. до 18 января 1914 года.

Инженер-электрик

А.Львов

Брюсов — А.Г.Львову

27 февраля 1914.

Милостивый государь, Александр Григорьевич!

К сожалению, мое нездоровье и мое отсутствие из Москвы помешало мне раньше ответить на Ваше письмо. Хотя оно содержит совершенно неуместное, с моей точки зрения, назначение срока, к которому Вы ожидаете моего ответа, я все же с удовольствием дам Вам прямые ответы на поставленные Вами вопросы.

Вы спрашиваете, считаю ли я себя «морально виновным» в самоубийстве Н.Г. На это я должен Вам ответить: Да, считаю, — но в той же мере, в какой должны считать себя «морально виновным» и Вы лично, и все другие, бывшие с ней близкими. Среди всех лиц, окружавших Н.Г., я, наверное, больше всех заботился о ее судьбе. Я делал все, что мне казалось нужно и что было для меня возможно, чтобы ее жизнь складывалась для нее хорошо. В ущерб всем своим делам и занятиям, я посвящал Н.Г. едва ли не половину своего времени.... Хочу верить, что так же относились к ней и другие, близкие ей лица... Но, очевидно, всего этого было мало. Очевидно, ей нужно было еще что-то, что мы ей дать не могли или не сумели. В этом смысле и я, и Вы, и все мы должны считать себя «морально виновными», и тяжесть этой вины я вполне сознаю, как, вероятно, сознаете и Вы.

Вы спрашиваете далее, почему я вернул Н.Г. револьвер, который Вы у нее отняли. По многим причинам. Во-первых потому, что мне слишком трудно было отказать ей в ее настойчивой просьбе. Во-вторых потому, что она дала мне формальное обещание не пользоваться им против себя (но я ни на миг не позволяю себе упрекать ее за то, что она своего обещания не исполнила). В-третьих, наконец, потому, что человек, решившийся на самоубийство, всегда найдет для этого средства²¹. Вам, может быть, неизвестно, что я, в самом начале моего знакомства с Н.Г., дважды удерживал ее от сходного поступка в самые последние минуты. В те дни, когда Вами был отнят у Н.Г. тот револьвер, у нее в руках уже был другой, который она мне показывала. Кроме того, одна ее подруга (не знаю ее имени) приносила ей, по ее просьбе, цианистый калий, который я также видел. Мне казалось, что с таким настроением должно бороться не внешними мерами, которые должны были оказаться бесплодными, а иным путем: стараниями вызывать в Н.Г. любовь к жизни, желание жить.... Может быть, я ошибался, может быть, я не сумел или не смог привести свою мысль в исполнение, но так я рассуждал тогда. И как иначе мог я рассуждать при моей глубочайшей симпатии к Н.Г., кончина которой остается величайшим горем, испытанным мною в жизни?

Таковы мои ответы, милостивый государь. Надеюсь, что это мое интимное письмо, которое я обращаю к Вам, как к брату Н.Г., останется между нами. Мне нет причин скрывать то, что здесь сказано, но мне неприятно посвящать чужих людей в свою личную жизнь.

Примите уверения в совершенном почтении²².

Правда о смерти Н.Г.Львовой (Моя исповедь)

В ноябре 1913 г. застрелилась Надежда Григорьевна Львова. Лишь я могу выяснить причины ее смерти. Поэтому пишу мою исповедь, которая может быть обнародована только после моей смерти. Излагаю факты с полной откровенностью, не скрывая того, что бросает на меня тень, и не утаивая того, что меня оправдывает. Говорю исключительно о фактах. Своих чувств касаюсь как можно меньше. Н.Г.Львову в дальнейшем называю начальной буквой ее имени — Н. Других лиц также — буквами.

Н. принесла мне, в редакцию «Русской Мысли» свои стихи весной 1911 г. Я не обратил на них внимание. Она возобновила посещение осенью того же года. Тогда ее

стихи заинтересовали меня. Началось знакомство, сначала чисто «литературное». Я читал стихи Н., поправлял их, давал ей советы; давал ей книги для чтения, преимущественно стихи. Незаметно знакомство перешло во «флирт». Мы бывали вместе в театрах, концертах и ресторанах. Я говорил Н., что она нравится мне, целовал ее руки. Иногда просил позволения поцеловать в губы; она *всегда* отказывала. Может быть я говорил излишне вольно, но все оставалось в пределах шутки и «игры».

К весне 1912 г. я заметил, что увлекаюсь серьезно и что чувства Н. ко мне также серьезнее, чем я ожидал. Тогда я постарался прервать наши отношения. Я перестал бывать у Н., хотя она усердно звала меня. Мы стали встречаться очень редко. За все лето виделись два раза. Второй раз мы были на именинах у Ш.²³, в деревне, и, возвращаясь, опоздали ча поезд (Н. жила в Подольске). Нам пришлось провести ночь вдвоем в Москве. Но мы провели ее «как брат и сестра». Позднее я узнал, что в это время Н. уже не была девушкой. Причиной этого, по ее словам, был ее жених, которого она называла «Рубек»²⁴.

Осенью 1912 г. я еще настойчивее избегал встреч с Н., сознательно желая подавить в ней ее чувство ко мне. Я постарался занять себя другой женщиной (Е.)²⁵, чтоб только отдалиться от Н. Но она столь же настойчиво требовала, чтобы я возобновил отношения с ней. Она написала мне, что любит меня. Мне было трудно бороться, потому что я тоже любил Н.; но все же я, в ответном письме, советовал ей позабыть меня. Н. написала мне, что, *если я не буду ее любить, она убьет себя*. Тогда же она сделала попытку самоубийства: пыталась отравиться цианистым кали. После этого у меня не осталось сил бороться, и я уступил. Н. дала мне обещание, что *ничего* не будет с меня спрашивать. Но, разумеется, такие обещания никто не сдерживает. Все это было на Рождестве 1912 г.

Уже с начала 1913 г. Н. стала тяготиться нашими тайными (сравнительно) отношениями. Мы опять бывали вместе в театрах и общественных местах, но Н. желала, чтобы я стал ее мужем. Она требовала, чтобы я бросил свою жену. С первого раза я отказал. Она настаивала. Я видел, что она мучится, и мучился сам. Иногда я уступал ее настояниям, но, подумав, опять отказывался. Мне казалось нечестно бросить женщину (мою жену), с которой я прожил 17 лет, которая делила во мною все невзгоды жизни, которая меня любила и которую я любил. Кроме того, если б я ее бросил, это легло бы тяжелым камнем на мою совесть, и я все равно не мог бы быть счастлив. Вероятно даже, что жена не перенесла бы этого моего поступка и убила бы себя. Все это я объяснил Н. Она все поняла и согласилась, что я не могу и не должен сделать этот шаг. Однако, она продолжала мучиться создавшимся положением.

Летом я уезжал с женой за границу²⁶. Это тяжело отозвалось на Н. Осенью 1913 г. она возобновила свои настояния. Я, чувствуя безвыходность, обратился к морфию. Н., не видя исхода, нашла его в смерти. — Вот все, что знаю я. Может быть, были и другие причины.

Рига, 15 декабря 1913. Валерий Брюсов.

Примечания

1. Зилов Л. Памяти Н.Г. Львовой //Путь. 1913. N12. С.36.

2. Шершеневич В. Великолепный очевидец. Поэтические воспоминания 1910-1925 гг.// «Мой век, мои друзья и подруги». Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. М., 1990. С.472. В.Ф.Ходасевич в мемуарном очерке о Брюсове передает обстоятельства, предшествовавшие моменту самоубийства, несколько иначе: «...Львова позвонила по телефону Брюсову, прося тотчас приехать. Он сказал, что не может, занят. Тогда она позвонила к поэту Вадиму Шершеневичу: “Очень тоскливо, пойдемте в кинематограф”. Шершеневич не мог пойти — у него были гости. Часов в 11 она звонила ко мне — меня не было дома. Поздним вечером она застрелилась.

Об этом мне сообщили под утро» (Ходасевич Вл. Колблемый треножник. Избранное. М., 1991. С.288).

3. Там же.

4. Там же. С. 288, 276.

5. Брюсов В.Я. Канва моей жизни // РГБ, ф.386, карт. 1, ед.хр.1, л.42. Ср. записи Брюсова в «Моем “Дон-Жуанском списке”» (в рубрике «А.Серьезное»): «1911-1912 Надя (Львова)» — и в списке «Mes amantes»: «1910-1912 Надя (Н.Гр.Львова)» (Там же, ед. хр.4, л.1, 3).

6. Подробнее об этой книге и об ее биографическом подтексте см. в нашей работе «“Новые стихи Нелли” — литературная мистификация Валерия Брюсова» (Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1985. М., 1987. С.70-96).

7. Ходасевич Вл. Собр. соч. Под ред. Джона Мальмстада и Роберта Хьюза. Т.2. App Arbor, 1990. С.129. Впервые: Голос Москвы. 1913. N127, 4 июня. Подпись: В.Х — ч.

8. См. переписку Брюсова и Верхарна за октябрь — ноябрь 1913 г. и комментарии к ней Т.Г.Динесман (Литературное наследство. Т.85. Валерий Брюсов. М., 1976. С.614-620). Ср. письмо Брюсова к жене из Петербурга от 25 ноября 1913 г.: «Пытаюсь успокоиться. <...> Верхарн приезжает в среду курьерским. <...> Устрой, если можешь, встречу» (РГБ, ф.386, карт.142, ед.хр.14).

9. Адрес редакции журнала «Русская мысль», в котором Брюсов до 1913 г. заведовал литературно-критическим отделом.

10. РГБ, О.Р., карт.129, ед.хр.2.

11. Цитируемое письмо датировано Брюсовым: «25 ноября 1913. Северная гостиница»; однако, судя по упоминанию о посланных «вчера» письмах к Шестеркиной (дата на почтовых штемпелях: «СПб., 25.11.13»), оно написано 26 ноября: Брюсов ошибся в датировке.

12. РГБ, ф.386, карт.142, ед.хр.14.

13. РГБ, О.Р., карт.129, ед.хр.2.

14. Гиппиус З.Н. Стихотворения. Живые лица. М., 1991. С.270.

15. Литературное наследство. Т.85. Валерий Брюсов. С.538.

16. Цикл опубликован в альманахе «Жатва» (кн. VI—VII. М., 1915. С.3-7).

17. Брюсов В. Собр. соч. в 7-ми т. М., 1973. Т.2. С.132, 139.

18. Ходасевич В. Колеблемый треножник. С.288.

19. Имеется в виду записка, отправленная 25 ноября 1913 г.; текст ее воспроизводится в предисловии.

20. Приводим заключительные строки этого последнего письма Львовой к Брюсову: «И мне уже нет <сил?> смеяться и говорить тебе, без конца, что я тебя люблю, что тебе со мной будет совсем хорошо, что не хочу я “перешагнуть” через эти дни, о которых ты пишешь, что хочу я быть с тобой. Как хочешь, “знакомой, другом, любовницей, слугой”, — какие страшные слова ты нашел. Люблю тебя — и кем хочешь, — тем и буду. Но не буду “ничем”, не хочу и не могу быть. Ну, дай же мне руку, ответь мне скорее — я все-таки долго ждать не могу (ты не пугайся, это не угроза: это просто правда). Дай

мне руку, будь со мной, если успеешь прийти, приходи ко мне. А мою любовь — и мою жизнь взять ты должен. Неужели ты не чувствуешь <1 нрзб> этого. В последний раз — умоляю, если успеешь, приходи. Н.» (РГБ, ф.386, карт.93, ед.хр.7). 15 декабря 1913 г. Брюсов извещал А.А.Шестеркину: «Я прочел последнее письмо Нади. <...> Это жестокое и прекрасное письмо. Конечно, я плакал, читая его. Она говорит много тяжелого для меня, но вместе с тем в письме столько любви, что в самой боли читать его была и какая-то мучительная радость. <...> Я должен был все разбить, все уничтожить и все же радостным прийти к ней. Этого я не мог сделать, и в этом я виноват» (РГБ, О.Р., карт.129, ед.хр.2).

21. Брюсов здесь фактически повторяет аргументацию, содержащуюся в одном из писем Львовой к нему: «...я спрашиваю только то, что мне уже обещано. А обещания свои исполнять должно (твои вчерашние слова). Пришли мне свой револьвер. Все те “возможности” уйти, кот<орые> у меня есть, — очень мучительны. Я не хочу больше мучений. И не хочу, чтобы у меня было искаженное, синее лицо. Пусть оно останется спокойным и красивым. Это моя последняя просьба, а в них, кажется, отказывать не принято. Встань на ту точку зрения, что если у меня хватит сил нажать курок, у меня хватит сил и выпить порошок. Избавь меня от последних мучений». В другом письме к Брюсову она вновь касалась той же темы: «А все-таки ты не прав: ты должен был прислать мне то, о чем я просила» (РГБ, ф. 386, карт.93, ед.хр.7).

22. Текст приводится по машинописной копии из архива Брюсова, поэтому в нем отсутствует подпись.

23. Имеется в виду Анна Александровна Шестеркина.

24. Рубек — герой драмы Ибсена «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1899).

25. Имеется в виду Елена Александровна Сырейщикова. «Начало романа с Еленой» Брюсов относит к 1911 г. (РГБ, ф.386, карт.1, ед.хр.1, л.42), в других записях — к 1912 г. (Там же, ед.хр.4, л.1, 3). Подробнее см.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1985. С.73-74.

26. Летом 1913 г. Брюсов вместе с женой посетил Голландию.

Предисловие, публикация и примечания А.В.Лаврова.

Н.А.Бердяев

Письма Андрею Белому

Письма Николая Александровича Бердяева к Андрею Белому¹ — документ непростых, богатых неожиданными поворотами почти двадцатилетних взаимоотношений двух выдающихся представителей русской мысли, знакомство которых состоялось в Петербурге в январе 1905 г., а последняя встреча — в сентябре 1923 г. в Берлине².

Отношения Бердяева и Белого прошли несколько фазисов. Каждый из них, разумеется, прекрасно видел реальный масштаб личности другого, и выросшее между ними, по выражению Белого, «в годах жизни... чувство любви, уважения, дружбы»³ нередко — хотя и не всегда — перевешивало в обоюдных оценках и суждениях критическую пристрастность, проистекавшую от несходства позиций. Публикуемые письма в большинстве своем относятся к тому периоду их общения, когда оно перерастает в близкую дружбу, а крепнущие расположенность и понимание побеждают сохраняющиеся разногласия.

Духовная жизнь России конца 1900-1910-х гг. явила невиданное прежде обилие общественно-политических, культурологических, историософских и религиозно-философских парадигм. Недаром интеллектуальная панорама Москвы в переломном после спада первой русской революции 1908 году запечатлелась в памяти Андрея Белого как своего рода «батальное полотно»: «...из Малого Гнездиновского переулка отчетливо раздавался звук рога, и — рыцарь д'Альгейм, или рыцарь Метнер томительно звали кого-то на бой; и откуда-то откликался из дали Мясницкой едва достигающий уха звук нового рога... призывали на какие-то новые бои; засел там Бердяев; и — вывесил флаг свой; и раздавались в пространстве между Арбатом и Сивцевым вражком горячие зовы... проповедующего крестовый поход на неверных — Булгакова; прежде крепко носилась молва о Мерлине Никольского переулка, открывшего здесь лавку древностей, но под прикрытием ее проводившего алхимию опытов переплавления камня седой старины в эликсир жизни новой — М.О.Гершензоне; а из «Московского еженедельника» затрубили походом. Тревожная нота подготвления к крестовым походам тогда ощущалась везде; в демонстрациях «Дома Песни», в собраниях религиозных философов, в подготвлении какого-то выступления, ударившего, как громом: явлением сборника «Вехи».

Москва представлялась накануне жестоких идейных боев — кого с кем? Неизвестно еще: но все крепла уверенность, что идейное побоище будет; воинственный тон — креп и креп (не в одних лишь «Весах»); и становища с подозрительным любопытством ощупывали друг друга в то время... группировались и разделялись, выстраивались в шеренги, образовывали весьма перепутанную и изломанную линию... многих фронтов, уставившихся друг на друга отверстиями пушечных жерл...»⁴.

Во всех этих столкновениях и спорах писатель и философ иногда выступали относительными союзниками (что имело место, например, в 1911-12 гг., когда Белый занял по существу срединную позицию в полемике между философским ежегодником «Логос» и издательством «Путь» и даже шел на конфликт со своим ближайшим окружением, защищая Бердяева от нападок западнически настроенных «логосовцев»⁵). Но чаще, однако, полемика разводила их по разным лагерям. Основное содержание их идейного противостояния определялось фундаментальными онтологическими, гносеологическими и космологическими представлениями, неизменно привносившими в их спор «вероисповедный» оттенок. Вокруг этих представлений и таких кардинальных проблем эпохи, как кризис культуры, столкновение в российской действительности Востока и Запада, революции социальной и «революции духа», и шел главным образом между ними тот «большой диалог», в который вовлекались не только непосредственно обращенные друг к другу тексты (к примеру, статья Белого «Каменная исповедь» или статья Бердяева «Мутные лики»⁶), но и основные их произведения 1910-1920-х гг. (так, «Философия свободы» косвенно откликалась на сборник Белого «Символизм», а «Смысл творчества», интегрировавший немало тем символистской эстетики, — опять же на «Символизм» и, по-видимому, на «Трагедию творчества: Достоевский и Толстой», и т.д.).

Несколько слов об эпизодах этого диалога, отразившихся в письмах Бердяева. Одним из многих этапов его теоретического спора с Белым явилась оценка «Эмблематики смысла» — главной философской работы сборника «Символизм» (см. письмо Бердяева от 15 июня 1910 г., непосредственно предварившее печатный отзыв об «Эмблематике»⁷). Белый, по его позднейшему признанию, усматривал в постулатах Бердяева «смесь метафизики с мистикой»⁸; изъян ее состоял, по его мысли, не только в «ненаучности», но и в профанировании «последних», сокровенно-религиозных убеждений (методологическая строгость неокантианства позволяла самому Белому «формально излагать свои взгляды, не раскрывая их... мистического смысла»⁹, т.е. избегать открытого высказывания). Но и Бердяев, пристрастный и бескомпромиссный в ту пору обличитель критической гносеологии (в «Философии свободы» он назовет неокантианство «философией передних» и будет отстаивать интуитивный «метод исхождения, а не прихождения, исхождения из того, что открылось, увиделось как свет»¹⁰), отрицал *raison d'être* создававшейся Белым «системы символизма», замысел которой, по выражению современного исследователя, заключался в стремлении «рационально преодолеть рационализм»¹¹, использовать теорию Риккерта как подступ к метафизической «теогнозии». Философ оказался в числе тех немногих рецензентов, кто с

первого взгляда указал на религиозно-метафизическую подоплеку риккертства Белого (которую последний неоднократно подчеркивал¹²) и проанализировал ее. Одновременно Бердяев советовал своему адресату писать «откровенно мистические трактаты», отвергнув тем самым предпринятое Белым сциентистское обоснование мистико-религиозного идеала. «Преодоление» или своего рода «платонизация» Риккерта Белым (тезис «ценность есть символ»), с точки зрения Бердяева, отнюдь не устранила в «Эмблематике смысла» коренных пороков всякого критицизма: «трансцендентного богочувствия и богосознания», вражды к «положительному догматизму». (Ценность риккертства, и то относительную, Бердяев признает лишь позже, в связи с модификацией собственных установок¹³).

Другой эпизод их спора, поводом к которому послужило письмо Бердяева от 16 мая 1912 г., был связан с расхождениями в трактовке культурных ценностей и преломляющегося в них религиозного идеала. Программа издательства «Мусагет», одним из лидеров которого был Белый, и выпускавшегося этим издательством журнала «Труды и дни» основывалась, как известно, на лозунге «символизм как культура» (этот лозунг опирался на идею «вечного», инвариантного мистического содержания мирового искусства, философии и религиозных доктрин и в значительной мере привносил в культурную политику «Мусагета» нормативный, музеефицирующий подход). Бердяев же вдохновлялся тогда как раз противоположным культурологическим пафосом. Начало 1912 г., когда формируется концепция книги «Смысл творчества», открывает новый этап его духовного развития, протекавший под знаком пророческой устремленности к эпохе религиозного творчества, вмешивающегося в бытийственный порядок и ломающего каноны «срединной», лишенной порыва к запредельному культуры. Эти установки (отчасти возрождавшие бердяевские взгляды 1905-1906 гг., периода его наибольшей близости к идеям Мережковского и Вяч. Иванова) определили и критику в адрес автора «Символизма» и «Серебряного голубя». Отзываясь на предложение сотрудничать в «Трудах и днях», Бердяев теперь склонен подчеркивать в статьях писателя, вошедших в первый номер журнала, забвение бунта и дерзания Ницше, «запах германского культуртрегерства».

В перспективе дальнейшего диалога Белого и Бердяева существенно, что разворачивающаяся между ними в течение 1912 г. микрополемика о культуре, захватывавшая и вопрос о символизме как идейно-эстетическом феномене (по мысли философа, вне религиозного императива, как чисто литературное течение символизм уже по существу лишен смысла), и проблему воплощения духовного идеала, все же пролегалась не столь далеко, как может показаться на первый взгляд, от мотивов их идейного противостояния, наметившегося еще в 1907-1908 гг. Тогда Бердяев впервые сформулировал свои упреки Белому в смешении эсхатологического максимализма и политического радикализма¹⁴. В послеоктябрьскую эпоху, придя к развернутому обоснованию концепции «трагического гуманизма», он будет сходным образом

укорять писателя в забвении традиционных этических и культурных норм, утопическом «мистическом народничестве»¹⁵. Необходимо сказать в этой связи, что и в 1912 г. позиции Бердяева и Белого были изначально двойственными. С одной стороны, Белый уже двигался в сходом с философом направлении: «жизнетворческие» мистико-религиозные чаяния, которые всегда были у писателя очень сильны, особенно обостряются именно во второй половине 1912 г., когда начинается его кочевье по городам Европы вслед за Р.Штейнером. Напряженность «эзотерических» переживаний аккумулирует в это время давний протест Белого против рассудочной схоластики неокантианства и ограничения символизма рамками «только искусства (таким образом снимается подмеченный Бердяевым контраст между устремлениями Белого и той сглаженной относительно теургических лозунгов идеологией, которая доминировала на страницах «Трудов и дней»). Статья Белого «Круговое движение: (Сорок две арабески)»¹⁶, отразившая его «расхождение с современностью» и расставание с «мусагетскими» ориентациями, во многом совпадала с бердяевскими идеями (особенно в оценке фетишизации культурный ценностей). С другой стороны, именно Бердяев высказывал в тот момент опасения по поводу преждевременности прямых теургических призывов (см. примечание 4 к письму от 16 мая 1912 г.). Если учитывать эту диалектичность воззрений Бердяева, то прозвучавшая в начале 1920-х гг. критика Белого-«скифа», его попыток открыть в революционной стихии зародыш будущего антропософски понимаемого царства Духа, представляется достаточно закономерной.

Однако в какую бы форму ни трансформировалась «дружба-спор» Белого и Бердяева и несмотря на все разноречие их суждений по тем или иным конкретным поводам, практически в любой момент взаимоотношений у них находилось нечто сближающее и объединяющее. Помимо общности многих тем и самого «пространства» интеллектуальной деятельности, исключительно важную роль в данном случае играло, безусловно, родство исходных интуитив и духовных импульсов, единых для большинства символистов «второй волны» и представителей «нового религиозного сознания»: апокалиптически катастрофического мироощущения, обостренно персоналистского переживания сакрального космоса, наконец, утверждения примата творческой религиозной активности над историческим церковным преданием (оказавшись в конечном счете среди видных идеологов неортодоксального христианства в России первых десятилетий XX века, писатель и философ значительно разошлись, впрочем, как по содержанию, так и по времени оформления соответствующих концепций). Не менее важно, что даже на фоне тогдашней литературной и религиозно-философской среды Бердяев и Белый выделялись почти в одинаковой мере присущими им гностико-романтическим «миронеприятием» и предельной интенсивностью эсхатологизма (накладывавшегося, однако, на политические реалии диаметрально противоположным образом). Не удивительно поэтому, что в отдельные периоды у них обоих могла возникать поразительная унисонность

модусов восприятия действительности, мистико-религиозных и историсофских представлений и мифологем. Яркий и наиболее известный пример подобной унисонности — изображение дьявольской «космической провокации», окрасившей конец «петербургского периода» российской истории в «Петербурге» Белого, во многом совпавшее с бердяевской идеей распада исторического и физического бытия эпохи мировой войны и революции¹⁷. Можно привести и другие примеры. Первый роман Белого «Серебряный голубь» был чрезвычайно высоко оценен и почти восторженно принят философом (вкуче с С.Н.Булгаковым)¹⁸ как замечательное прозрение сущности русского мистического сектанства, проблема которого Бердяева тогда очень занимала. Более того, подчас правомерно, по-видимому, предположить ту или иную степень прямого взаимовлияния между ними. Так, замыслы «Серебряного голубя» и «Петербурга» (родившиеся в пору, когда писатель и философ соприкасались в понимании общественных процессов) сформировались, разумеется, в силу имманентной логики художественно-философской эволюции Белого, но вместе с тем уже на фоне и в соприкосновении с «веховством» и бердяевской критикой революционного сознания интеллигенции в том числе.

Белый-философ и особенно Белый-романист обрели в Бердяеве внимательного ценителя и вдумчивого истолкователя. И если для автора «Петербурга» философ был частым собеседником и оппонентом (а наряду с этим, как можно увидеть из настоящей подборки, помощником и советчиком в трудных жизненных ситуациях), то для создателя «Философии свободы» Белый, в конечном счете, всегда оставался одним из наиболее почитаемых писателей-современников. На это указывают и его рецензии конца 1900-х — 1910 гг. Бердяевские отзывы о «Серебряном голубе», «Петербурге» и «Символизме» относятся к числу наиболее удачных и проникновенных. Ценность этих отзывов тем выше, что создавались они, по существу, внутри символистской атмосферы, в тесном общении с автором, эпистолярном и личном (общении, мерившемся ими обоими по мерке «самого главного и конечного», как выразился Бердяев), — и поэтому сфокусированы прямо в центр проблематики писателя. И более поздние упоминания его художественных произведений у Бердяева, как правило, столь же лестны. Даже в статье «Мутные лики», резко враждебной всему комплексу представлений Белого 1917-1919 гг., он назван «самым большим русским писателем за последние десятилетия», единственным «с настоящими проблемами гениальности»¹⁹. Впоследствии Бердяев чуть приглушит подобные оценки — возможно, сочтя их несколько завышенными — но это произойдет, по всей вероятности, уже на фоне восприятия европейского романа первой половины XX столетия (об этом говорит, в частности, то обстоятельство, что в «Самопознании» наиболее оригинальным созданием Белого названы его «Симфонии»²⁰).

Письма философа — наиболее простое свидетельство того пристального внимания, с которым он долгое время обращался и к философскому, и к художественному миру Белого. «В самом А.Белом все

символично, все вызывает тревогу», — писал Бердяев в 1910 г.²¹ «А.Белый самая характерная фигура эпохи...» — напишет он в «Самопознании»²². Восприятие Белого как своего рода символа и симптома, человека, воплотившего в себе взлеты, противоречия и падения российского «духовно-культурного ренессанса» может свидетельствовать, что искания писателя, сама его универсально-разносторонняя личность на протяжении долгих лет становились у Бердяева стимулами для творчества. Справедливо и другое: отдельными гранями бердяевская мысль преломилась в произведениях Белого. Надо думать, что диалог, разворачивавшийся между ними в религиозно-философской, эстетической, историсофской плоскостях, еще будет восстановлен во всей полноте. Публикация сохранившейся части их переписки — один из необходимых шагов в этом направлении.

Письма печатаются по автографам (РГБ, ф.25, карт.9, ед.хр.16 — в этом фонде сосредоточены все выявленные на сегодня в отечественных архивохранилищах письма Н.А.Бердяева к А.Белому). Орфография Бердяева (там, где она отражает особенности его индивидуального стиля или несет смысловую нагрузку) оставлена без изменений.

1. Из писем Бердяева к Андрею Белому в настоящее время опубликованы лишь два, от 8 июня и 9 декабря 1912 г., см.: Мосты. Мюнхен, 1965. Вып.11 (публикация Л.Муравьева). Эти же письма перепечатаны с разночтениями (кроме того, письмо от 8 июня ошибочно датировано здесь 8 мая), в «Новом журнале», 1979, №137, с.118-123. Другая часть этой переписки — письма Белого к Бердяеву — по-видимому, утрачена.

2. Берберова Н. Курсив мой. Мюнхен, 1972. С.186-187.

3. Белый А. Воспоминания о Блоке // Эпопея. Берлин, 1923. №4. С.81.

4. Белый А. Начало века: Воспоминания: Том третий: [Берлинская редакция 1922-1923 гг.] // РГАЛИ, ф.53, оп.1, ед.хр.26, л.137-138.

5. Подробнее история взаимоотношений Н.А.Бердяева и А.Белого прослежена в нашей статье «Андрей Белый и Николай Бердяев: К истории диалога» // Известия РАН: Сер. лит. и яз. 1992. Т.51. №2. С.18-35.

6. Белый А. Каменная исповедь: По поводу статьи Н.А.Бердяева «К психологии революции» // Образование. 1908. №8. Отд.III. С.28-38; Бердяев Н. Мутные лики // София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин, 1923. [Вып.] I. С.155-161.

7. Бердяев Н. Русский соблазн: (По поводу «Серебряного голубя» А.Белого) // Русская мысль. 1910. №11. Отд.II. С.111-113.

8. Белый А. Воспоминания о Блоке // Эпопея. Берлин, 1923. №4. С.81.

9. Лавров А.В. Материалы Андрея Белого в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 г. Л., 1981. С.34.

10. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С.31, 12.
11. Казин Л.А. Неоромантическая философия художественной культуры // Вопросы философии. 1980. №7. С.147.
12. «...Я беру Риккерта и говорю: если влагать в субъект познания смысл метафизический, то получится не Риккерт, а Платон», — разъяснял, например, Белый основную идею «Эмблематики смысла» в письме Э.К.Метнеру от 17 февраля н.ст. 1913 г. (РГБ, ф.167, карт.3, ед.хр.7, л.6 об.).
13. См.: Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. С.537.
14. В частности, Бердяев критиковал читавшийся Белым в марте 1907 г. в Московском РФО доклад «Социал-демократия и религия» (см.: Белый А. Между двух революций. Л., 1934. С.180). Ср. также: Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии. (1907-1909 г.). СПб., Общественная польза, 1910. С.137.
15. См., напр.: Дьякова Е.А. Христианство и революция в мирозерцании «Скифов» (1917-1919 гг.) // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1991. Т.50. №5. С.414, 417.
16. Труды и дни. 1912. №4-5. С.51-73.
17. См.: Бердяев Н. Кризис искусства. М., Г.А.Леман и С.А.Сахаров, 1918.
18. См.: Бердяев Н. Русский соблазн: (По поводу «Серебряного голубя» А.Белого). С.104-112; Булгаков С.Н. Письма Андрею Белому (Б.Н.Бугаеву) // Новый мир. 1989. №10. С.238-240 (публикация И.Б.Роднянской).
19. Бердяев Н. Мутные лики. С.155. Ср.: Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С.245.
20. Бердяев Н. Самопознание: Опыт философской автобиографии. Париж, 1949. С.210.
21. Бердяев Н. Русский соблазн: (По поводу «Серебряного голубя» А.Белого). С.115.
22. Бердяев Н. Самопознание. Опыт философской автобиографии. С.210.

1.

Петербург. Саперный 10, кв.6
7 января <1906>

Дорогой Борис Николаевич! С радостью прочел Ваше письмо, так как написано оно о самом важном и дорогом в общении человеческих душ. Я отметил Вас в сердце своем, и хотел ближе подойти к Вам, и мне дорога любовь Ваша. Так хотелось бы, чтобы пути у нас сошлись, чтобы полюбили мы одно. Я многого жду от Вас, Вы богато одаренный человек, есть у Вас талант поэта и философа и, что самое важное, есть талант религиозный. Простите, если посмотрю на Вас не вполне бескорыстно. Хотел бы видеть в Вас идейного сотрудника, с которым можно делать общее дело. Если осуществится *наш* «Меч», то я рассчитываю на Ваше ближайшее участие в журнале¹. Если возродятся «Вопросы жизни», что еще не решено, то я тоже хотел бы, чтобы Вы писали, хотя в этом случае журнал будет менее острый и определенный, более панорамистый². Но необходимо, пора уже соединиться в литературе; это все-таки некоторое действие. Очень жалею, что мы мало с Вами говорили. С Новым годом! Не думаете ли еще приехать в Петербург³?

Ваш любящий Ник<олай> Бердяев.

P.S. Я глубоко люблю Мережковских, это здесь единственные близкие мне люди и хорошо, что мы встретились через их посредство.

2.

<1907 — до весны 1910>¹

Дорогой Борис Николаевич!

Не забудьте, что в понедельник вечером Вы обещали быть у нас. Очень и непременно жду.

Любящий Вас Николай Бердяев.

HL
компьютерный

3.

Ст<анция> Люботин, Южных дорог, имение Трушевой
14 мая <1910>

Дорогой Борис Николаевич! Спешу ответить Вам, что мы очень, очень счастливы будем, если Вы к нам приедете. Непременно приезжайте и оставайтесь подольше¹. Я тоже думаю, что в природе люди ближе друг к другу подходят. А я очень дорожу близким с Вами общением и очень влекусь к Вам душою, хотя постоянно философски спорю с Вами и буду спорить. Большое спасибо за «Символизм»². Завтра начинаю читать. Меня очень интересует Ваше понимание символизма и та связь, которую Вы устанавливаете с философией Риккерта. Я теперь очень захвачен той мыслью, что философия и гносеология могут и должны быть ориентированы на факты религиозного откровения, подобно тому как Коген ориентирует на факты науки. Приношу благодарность «Мусагету» за «Логос»³. Прочел с большим вниманием и интересом. «Логос» полезен, он знакомит с современными философскими течениями Европы, он возбуждающе подействует на нашу философскую мысль. Но дух «Логоса» мне противен и враждебен. Особенно возмущает меня еврейское самомнение Гессена. Какое он может иметь отношение к мистике⁴? Особенно много хотел бы говорить с Вами о мистике. Моя новая книга заканчивается главой «Мистика и Церковь»⁵. О самом главном мы с Вами еще не говорили, все около ходим. Но и то, что я пишу в книге, я не считаю самым главным и конечным. Хотел я перед Пасхой написать Вам большое и важное письмо, но отложил. Сообщаю, как ехать к нам: ст<анция> Люботин расположена по Южной дороге, один час езды от Харькова и три часа от Полтавы. Наша усадьба в 20 минутах от станции. Но Вы сообщите о дне приезда, и я выеду Вас встречать. Очень буду ждать. Христос с Вами, милый. Привет от Л<идии> Ю<дифовны>⁶. Серд<ечно>? любящий Вас Ник<олай> Бердяев.

4.

Ст<анция>Люботин, Южных дорог, имение Трушевой
15 июня <1910>

Дорогой Борис Николаевич! Получил Ваше письмо и еще раз хочу сказать Вам, что мы очень, очень будем ждать Вас к себе. Я с большим интересом прочел Ваш «Символизм», многое понял в Вас, читая эту книгу, и хочу поделиться с Вами своими впечатлениями. Вы, конечно, подозрительный риккертинец, опасный для риккертинства, Вы во многих местах разрушаете основы риккертинства с большим остроумием, но я почувствовал, зачем Вам нужен Риккерт и кантовский критицизм. Статья «Эмблематика смысла» очень замечательна, местами гениальна, но в ней явно обнаруживается боязнь бытия и реальности, как будто прикосновение к сущему лишает свободы, связывает творческие порывы. Вы подымаетесь по ступеням, разрушаете каждую ступень до самой верхней и после того, как все оказывается разрушенным, Вы предоставляете себе право сказать «да» или «нет», хотите сами все вновь сотворить из себя. Вы обоготворяете свое собственное творчество, это главное у Вас, и Вы смертельно боитесь всякого посягательства на свободу Вашего творчества, слишком во многом видите врагов своего творчества. Риккертинство нужно Вам, чтобы освободиться от навязчивого реализма бытия, чтобы освободить свой творческий акт. Но затем Вы и освободившее Вас риккертинство разрушаете и даже надсмехаетесь над своим освободителем. Ложным в Вашем жизнеощущении мне представляется то, что Вы не исходите из свободы, как изначальной данности, а ищете свободы, в конце хотите обрести ее. Это — самообман. Я свободен в начале, а не в конце, и ничто не в силах лишить меня безмерности моей свободы и безмерности моей вины (вина и свобода связаны неразрывно). Вы же как будто в начале чувствуете себя несвободным и лишь в конце надеетесь свободу получить через всяких освободителей вроде Риккерта или покрупнее Риккерта, напр<имер> Нитцше. К Абсолютному нельзя прийти, нет путей к нему, из Абсолютного можно только изойти, быть в нем. Ваша метафизика — очень оригинальная форма фиктеанства. Для Фихте Бог — должное, а не сущее, норма для творчества. Для Фихте не побеждается опасность плохой множественности, дурной

бесконечности. Дурная бесконечность процесса, в котором осуществление абсолютного должествования и ценности никогда не завершается в абсолютном бытии, эта кошмарная дурная бесконечность побеждается лишь положительным догматизмом и догматическим реализмом. Сущее не может быть угрозой для Вашего творчества и свободы, опасность подстерегает со стороны небытия. Все мои симпатии даже не на стороне Шеллинга, который все-таки половинчат, а на стороне Фр<анца> Баадера¹, которого я теперь изучаю и который мне страшно близок. Я сейчас пишу очень ответственную гносеологическую главу своей новой книги², но она фатально выливается у меня в форму интуитивно-афористическую. Книга моя вероятно будет называться «Философия свободы», и лишь последняя глава в ней будет называться «Мистика и Церковь». Думается мне, что Вам следует начать писать откровенно мистические трактаты. Ведь и «Эмблематика смысла» на три четверти мистический трактат, но не выдержанный по стилю в виду Вашей слабости к «научности». Кстати сказать, стиль Вашей книги очень нарушен приложением библиографии, которая совсем не нужна. А вот Ваше исследование ритма русских поэтов и все статьи этого типа³ — виртуозны и действительно научны, но их следовало бы выделить. Читал я Вашу книгу с большим духовным подъемом и многое пережил по ее поводу. Признайтесь, Борис Николаевич, что Вы с враждой и боязнью относитесь к моему «догматизму», «реализму», «церковности» и пр., что иногда видите во мне врага свободы и творчества? Мне думается, что главный Ваш соблазн в том, что Вы вечно боитесь насилия над своей свободой и творчеством. В этом сказывается недостаток свободы. Вы согласны жить в призрачном, в иллюзорном, лишь бы охранить свободу своего творчества, которая представляется Вам единственной реальностью. По этим же основаниям Вы как бы боитесь перехода мистики (еще свобода) в религию (уже связывающий догматизм). Но ведь догматы (не схоластического богословия, а живой веры) всегда только освобождают, никогда не поработают, это — видения, встречи, факты. Только Христос освобождает, только Им можно защититься от всякого поработания, а не «критицизмом», не отрицанием бытия. Очевидно, резкость и крайность моего темперамента и моей писательской манеры отталкивают и мешают понять меня. Это меня начинает мучить, я так хотел бы настоящего общения хоть с немногими. Дух противоречия и протеста иногда искажает мои мысли и ведет к тому, что меня не слушают. Всю мою жизнь я безмерно любил и люблю свободу, от одного слова «свобода» трепещет все мое существо. Я сознаю себя прежде всего свободным, обладаю верой свободного, строю философию свободного. А меня считают чуть ли не врагом свободы, мою «философию» — ~~нрзб.~~ и для свободы опасной. Вам же я вот что хотел сказать: я очень к Вам неравнодушен, Вы все время меня беспокоите. Воля моя направлена к тому, чтобы мы с Вами не принадлежали к двум разным царствам, а непременно принадлежали к одному царству. Но именно поэтому я подчеркиваю наши разногласия, ударяю на всем, что я могу против Вас сказать. Простите, что и сейчас я резко подчеркнул все, что мне показалось уклоном и соблазном в Вашей книге. Воля моя направлена к соединению, а не разъединению. Да, слишком мало людей нашего сознания, сознания общего и для Вас и для меня! У Вас есть хоть небольшой близкий кружок (вокруг «Мусагета»), у меня даже этого нет. О «Логосе», гносеологии и пр<очем> хотел бы поговорить с Вами подробнее, если хотите, «научнее». Поговорим, когда приедете⁴. Еще следует поговорить о теософии и оккультизме, это важно. Основными проблемами современной духовной жизни я считаю проблему гносеологии и проблему оккультизма, которой суждено сыграть значительную роль в жизни Церкви. Пишете ли Вы стихи, неужели совсем не пишете? Ждем «Серебряного голубя»⁵. Привет Вам от Лид<ии> Юдиф<овны>. У нас была проездом Е. К. Герцык⁶, рассказала, что видела Вас в Москве. Так до скорого свидания.

Любящий Вас Ник<олай> Бердяев.

У нас холеры нет.

HL
Ничего не
кит

5.

Троицко-Сергиевский Посад, 26 декабря <1910>

Милый, дорогой Борис Николаевич! Шлем Вам праздничный привет, о Вас думаем и Вас любим. Мы с Л<идией> Ю<дифовной> проводим Рождественские дни в Троицко-Сергиевой Лавре. Ездили с Флоренским¹ в Гефсиманский и Черниговский скиты и в Вифанию². Чудесно было и радостно. Отдыхаем от тяжести жизни, которая в последнее время повалилась на нас в слишком большом количестве. А как Вам? Чувствую, что радостно. Напишите (адрес: Волхонка, «Княжий двор»³). Очень для меня ценно знакомство с Н. П. Киселевым. Благодарю Вас, что Вы устроили это знакомство. Я также ближе подошел к А.С.Петровскому, очень почувствовал его и равнодушен стал к судьбе его⁴. Собираюсь написать Вам большое письмо⁵, пока же ограничиваюсь несколькими словами. Передайте от меня привет Анне Алексеевне⁶, хотя меня она совсем не знает. Будьте оба радостны. Христос с Вами.

Любящий Вас Николай Бердяев.

[Внизу письма приписка Л. Ю. Бердяевой: «Привет Вам обоим во Христе! Ваша Лидия Бердяева»].

6.

Киев, 16 марта <1912>

Дорогой Борис Николаевич!

Встретил я поэта А. Биска¹, который сказал мне, что Вы хотите знать мой адрес. Мой адрес до 1 апреля: г. Киев, Пушкинская, 10. Зимой я провел в Италии, во Флоренции и Риме. Очень рад был бы узнать, как Вы живете? Не теряю надежды побывать в Москве. Пока же хотелось бы получить от Вас весть. Любящий Вас Ник<олай>Бердяев.

7.

Ст<анция> Люботин, Южных дорог, имение Трушевой
16 мая <1912>

Дорогой Борис Николаевич! Очень рад был получить от Вас письмо¹ и долго не отвечал потому, что ездил за это время в Москву, где много было дел, потом был болен, а хотелось написать Вам большое письмо. Начну свое письмо с того, что для меня, для Лидии Юдифовны и для семьи ее было бы очень, очень радостно, если бы Вы летом приехали к нам в Люботин погостить. О многом хотелось бы поговорить в природе, свободно, без магического давления городских стихий. Очень рад был бы, если бы приехала Анна Алексеевна. Это ничего, что мы почти еще не знаем друг друга, хочется узнать. Приехать в Люботин очень легко, это станция в расстоянии часа от Харькова, по Южной дороге, соединяющей Харьков с Полтавой и Киевом. Напишите, когда соберетесь. Место у нас всегда есть и желание увидеть всегда есть. Теперь выскажу Вам ^{Теле}откровенное мнение о «Трудах и днях»². Я, конечно, охотно готов сотрудничать в Вашем журнале и может быть напишу небольшую статейку³. Но первый номер журнала меня не удовлетворяет, и я решил откровенно высказать Вам свою критику. Думаю, что журнал этот преждевременен, и боюсь, как бы он не оказался мертворожденным. В нем слишком чувствуется компания добрых друзей и есть опасность кружковщины. Лозунг символизма вряд ли может соединить и вызвать живую активность. Может образоваться догматика и даже схоластика символизма, что, конечно, нежелательно. Журнал должен быть *боевым*, внутренне, идейно боевым, должно чувствоваться, что от этой идейной борьбы зависит жизненная судьба. Боевыми журналами были «Мир искусства», «Новый путь», «Весы». Символизм не может быть сейчас боевым лозунгом. С одной стороны символизм ~~слишком тесно~~ связан с вечным в искусстве, с другой он утверждает средний, независимый путь между академизмом и парнасизмом искусства для искусства («Аполлон», Брюсов и пр.), поглощением искусства религией и мистикой и подчинением искусства целям общественным и нравственным. Как лозунг религиозно-философский символизм — предпоследнее, а не

1-4
Телеком/4

последнее⁴. Не может быть боевым, острым, подлинно освобождающим и лозунг критической, кантовской философии. Мы живем во времена такого потрясения основ культуры, такого кризиса культуры, что вряд ли годен для нас идеал культуртрегерства. Вот этот запах германского культуртрегерства в «Трудах и днях» вызывает во мне протест. Я выносил в себе священное убеждение, что существует коренной антагонизм между культурой и творчеством. Великий творческий акт сметет культуру и сметает. Культура — послушание, а не творчество. За этот последний год вопрос о творчестве переживался мной, как религиозная драма, и на этой почве во мне окончательно созрело новое сознание. Я верю глубоко, что наступает в мире третья религиозная эпоха, эпоха творчества, откровения человека как творца, и идет на смену эпохам ветхого завета, откровения закона, и нового завета, откровения искупления. Эту весну я переживал очень трудное для себя время и вместе с тем небывалый творческий подъем духа. Внутренне неизбежен сделался для меня выход из редакционного состава «Пути». Я слишком далеко ушел от религиозного сознания, господствующего в «Пути», особенно от С.Н.Булгакова. Много говорил теперь со всеми в Москве, очень откровенно и интимно, и ушел без демонстративности, оставаясь сотрудником и сохранив хорошие отношения⁵. В течение года или двух хочу посвятить себя исключительно писанию книги, план которой у меня уже разработан и которой увлечен до головокружения. Чувствую себя оторванным от всех мест. Согласен с Вашим впечатлением от Москвы. Сам я болезненно почувствовал отчужденность от Москвы. Очень возмущен тем, что «Русская Мысль» отвергла Ваш роман⁶. Жду с нетерпением этого романа. Хочу еще отметить два места в «Трудах и днях», с которыми я очень несогласен и это несогласие существенно. Вы более сочувствуете стремлению Вагнера «творчески воспринять вечное в старом», чем стремлению Нитцше «заново сотворить»⁷. Я всегда буду за Нитцше против Вагнера*. В другом месте Степпун говорит, что человек, как творение, больше и выше человека, как творца, и называет непокорными и люциферианскими стремления претворить свое религиозное единство в достижение религиозного объединения⁸. Я решительно должен объявить себя непокорным и люциферианцем. Меня беспокоит слишком большая покорность «Трудов и дней» культуре, послушание ее ценностям. В конце концов наука, мораль, семья, государство, хозяйство и даже искусство есть послушание последствиям греха, все это еще не в творческой эпохе, все это еще в законе и искуплении. Наука напр<имер> целиком есть послушание последствиям греха и потому видит мир, как необходимость, не видит свободы и творческой тайны мира. Наука вся в искуплении и она очень христианская. То же и с государством, и с семьей. Вы знаете, что я очень высокого мнения о двух главных писателях «Трудов и дней» — Андр<ее> Белом и Вяч<еславе> Иванове⁹. Но оба эти писателя тут слишком введены в культурно-германское русло, в русло «Логоса», слишком послушны. Должен подчеркнуть, что к философии Канта я отношусь иначе, чем напр<имер> Эрн, я не думаю, что Декарт лучше Канта и Фома Аквинский лучше Декарта¹⁰. Я думаю, что философия Канта очень совершенная философия греха, она более выражает эпоху искупления, чем Фома Аквинский. Творческого нет ничего в этой философии, но Канта можно назвать «христианнейшим» философом, как называют «христианнейшими» иных королей. Надеюсь, что Вы не будете сердиться на меня за мою откровенную критику «Трудов и дней», это критика друга, внутренняя, а не внешняя. Я друг Вам и Вашим начинаниям, но всегда буду все обострять, критиковать и ругаться. Италия дала мне бесконечно много и я люблю ее исключительной любовью. Прошлое лето мне было очень плохо и в Италии совершилось возрождение души. В Италии все обостряет вопрос о творчестве. Я, кажется, окончательно понял трагедию Возрождения и в связи с этим многое понял. Боюсь, что Вы не любите Италию. Вы слишком любите Германию. Кстати, «Трудов и дней» я не получал, читал чужой экземпляр. Какого рода статья подходила бы для «Тр<удов> и дн<ей>»? Моя критика журнала, конечно, не исключает для меня возможности участия в нем. Пишу Вам на адрес «Мусагета», так как боюсь, что Вас уже нет в Брюсселе¹¹. В течение всего лета

* Боюсь недоразумения. В деле искупления, в своем отношении к незыблемой святыне (Церкви) я готов быть консервативом, но в деле творчества хочу быть революционером. — Прим. Н.А.Бердяева.

я буду в деревне около Люботина. Привет Вашей жене. Лид<ия> Юд<ифовна> очень кланяется. Непременно надеюсь увидеть Вас у нас. Христос с Вами.

Любящий Вас Николай Бердяев.

P. S. Сообщите свой летний адрес.

8.

<сентябрь 1916>¹

Узнал, что Вы здесь, и очень хотел бы повидать Вас. Мы живем — Арбат, Бол<ьшой> Власьевский, д<ом> 14, кв<артира> 3, тел<ефон> 4-46-76, совсем рядом с Никольским пер<еулком>². Вызовите меня по телефону. Всегда рад Вас увидеть.

9.

<февраль 1917>

Дорогой и милый Борис Николаевич!

Я просил Александру Дмитриевну¹ немедленно после Вашего приезда² передать Вам мое письмо, так как содержание его считаю важным. Через некоторых общих знакомых я знаю³, что И. А. Ильин, человек до крайности неуравновешенный и нервный, написал Вам очень резкое письмо по поводу Вашей книги «Штейнер и Гете»⁴, выставляя против Вас целый ряд обвинений и защищая Метнера⁵. Такого рода личное моралистическое выступление со стороны человека постороннего принципиально недопустимо. И я хочу дать Вам дружеский совет, который наиболее достойным образом ликвидирует этот инцидент. Не читайте этого письма и отошлите его в распечатанном виде обратно Ильину. Вы можете написать Ильину несколько сухих строк, в которых сказать, что до Вас дошли слухи о его резком письме и что Вы возвращаете его обратно, не распечатав, так как не признаете права за посторонним человеком писать Вам лично такого рода письма. Это будет разумно с Вашей стороны решенье, которое сразу же может все пресечь. Очень хотел бы убедить Вас так поступить. Приходите поскорее к нам поговорить об этом. Но не распечатывайте письма, чтобы не отрезать себе возможности отослать обратно, не распечатав.

Любящий Вас Ник<олай> Бердяев.

Примечания

1.

1. «Меч» — неосуществившийся журнальный проект, задуманный Бердяевым совместно с Д.С.Мережковским и З.Н.Гиппиус, с которыми философ сближается во второй половине 1905 г. Новое издание должно было сменить прекратившиеся «Вопросы жизни». Членов редакции «проектированного «Меча»» в письме В.Я.Брюсову от 5(18) августа 1906 перечислил Д.В.Философов: «Мережковский + Бердяев + Булгаков» (РГБ, ф.386, карт.106, ед.хр.32, л.24). Уже 12 февраля 1906 г., изъявляя желание сотрудничать в «Весах», Бердяев сообщал Брюсову: ««Меч», в который мы Вас звали, откладывается до осени, это во всех отношениях удобнее» (РГБ, ф.386, карт.77, ед.хр.17, л.1). Неудачей закончились и попытки Мережковских объединиться в 1906 г. с «Весами» и «Золотым руном» (о переговорах Мережковских с Брюсовым, в ходе которых З.Н.Гиппиус и Д.В.Философов настойчиво рекомендовали последнему Бердяева в качестве сотрудника и помощника в редактировании журнала, см.: Азадовский К.М., Максимов

Д.Е. Брюсов и «Весы» (К истории издания)// Литературное наследство. Т.85. Валерий Брюсов. М., 1976. С.290-293; Лавров А.В., Максимов Д.Е. «Весы»// Русская литература и журналистика начала XX века. 1905-1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С.114-115).

2. «Панорамистость» «Вопросов жизни» в восприятии Бердяева была связана, по-видимому, в первую очередь с тем, что на страницах журнала представлялись в 1905 г. такие разные теоретические программы, как «религиозная общественность» Мережковских, «христианский социализм» В.Ф.Эрна и С.Н.Булгакова, и в особенности «мистический анархизм» Г.И.Чулкова, к которому Бердяев начинал относиться все более критически. «...Произошло... окончательное внутреннее разложение, — писал 28 декабря 1905 С.Н.Булгаков А.С.Глинке (Волжскому) о трениях внутри редакции «Вопросов жизни». — Н.Ал.<Бердяев> отзывается теперь о Г.И.<Чулкове> так, как вероятно отзываются М<ережковск>ие. <...> Одним словом, идет гниение» (РГАЛИ, ф.142, оп.1, ед.хр.198, л.19 об.). Уместно привести, по-видимому, в этой связи и позднейшую характеристику «Вопросов

жизни», данную Бердяевым: «Это была попытка соединения бывших марксистов, ставших идеалистами и двигающихся к христианству, с Мережковскими и символистами, частью с представителями академической философии идеалистического и спиритуалистического направления, и с публицистами радикального направления. Синтез был недостаточно органическим и не мог быть прочным» (Бердяев Н. Русская идея. Paris, 1973. С.246-247).

3. Первый обмен письмами Белого и Бердяева — результат их общения в Петербурге в декабре 1905 г. Предыдущая поездка Белого в столицу (январь 1905 г.), когда и состоялось его знакомство с философом, устроенное Мережковскими, не привела к установлению сколько-нибудь прочных связей между ними.

2.

1. Датировано предположительно. Порядок расположения писем и датировка опираются в данном случае на то обстоятельство, что следующее письмо Бердяева, от 14.05.1910, занумеровано Белым (на обороте его рукой синим карандашом поставлено «№ 3»).

3.

Закрытое письмо. Штемпель отправления — 15.5.1910, Люботин.

1. Белый намеревался заехать к Бердяеву в июле 1910 г., проездом из Луцка в Бобровку, Тверской губернии, где должен был находиться в это время Г.А.Рачинский (см. письмо Белого Вяч.Иванову от июня 1910 г.// РГБ, ф.109, карт.12, ед.хр.29. л.23 об.).

2. Книга Белого «Символизм» (М., Мусaget, 1910) вышла в конце апреля (см.: Лавров А.В. Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества // Андрей Белый: Проблемы творчества. М., 1988. С.784) и, очевидно, сразу же была послана автором Бердяеву.

3. «Логос» — выходящее при символистском книгоиздательстве «Мусaget» русское издание международного философского ежегодника. В организационное ядро «Логоса» входили Ф.А.Степун, С.И.Гессен, Б.В.Яковенко и Э.К.Метнер. Речь в письме идет о первой книге «Логоса» за 1910 год.

4. Имеется в виду статья С.И.Гессена «Мистика и метафизика» (Логос. 1910. Кн.1. С.118-156).

5. Заключительная седьмая глава книги Бердяева «Философия свободы» (М., Путь. 1911).

6. Л.Ю.Бердяева (1874-1945) — жена Н.А.Бердяева.

4.

1. Баадер Франц Ксавер фон (1765-1841) — немецкий ученый и религиозный философ.

2. Имеется в виду III глава «Философии свободы» — «Гносеологическая проблема». Аргументы, которые Бердяев использует в этой главе для критики риккертанской философии (см.: Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. С.88-89, 92-94) и доводы, приводящиеся в данном письме к Белому

и в печатном отклике на «Эмблематику смысла», в значительной мере совпадают.

3. В «Символизм» Белого вошли стиховедческие работы «Лирика и эксперимент», «Опыт характеристики русского четырехстопного ямба», «"Не пой, красавица, при мне..." А.С.Пушкина (Опыт описания)», «Сравнительная морфология ритма русских лириков».

4. Намерение Белого посетить имение Бердяевых не было осуществлено.

5. Роман «Серебряный голубь» вышел отдельным изданием в мае 1910 г. (Лавров А.В. Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества. С.784).

6. Герцык Евгения Казимировна (1878-1944) — переводчица и писательница, друг Бердяева и автор воспоминаний о нем (Наше наследие. 1989.№2.С.69-75).

5.

Закрытое письмо. Штемпель отправления — 27. 12. 1910, Сергиевский посад.

1. Павел Александрович Флоренский (1882-1937).

2. Гефсиманский и Черниговский (пещерный) скиты — мужской монастырь недалеко (примерно в 2 км) от Троице-Сергиевой Лавры; Вифания — Спасо-Вифанский училищный мужской монастырь (основан в 1783 г. митрополитом Платоном), приблизительно в 3 км от Лавры.

3. Меблированные комнаты в Малом Знаменском переулке, где Бердяевы жили в конце 1910 - начале 1911 г.

4. Николай Петрович Киселев (1884-1965), филолог, переводчик, Алексей Сергеевич Петровский (1881-1958), переводчик, сотрудник Румянцевского музея — близкие друзья Белого по кружку «аргонавтов», в 1910 г. — члены редакции издательства «Мусaget». Ценность знакомства с Киселевым заключалась для Бердяева, вероятно, в общности их интереса к мистическим учениям (см., например, статью Киселева «О мистике и магии» — Труды и дни. 1912.№6. С.63-68, где упоминается и «Философия свободы»). «Бердяев мне очень нравится, будет мне очень полезен при изучении истории оккультизма, и вообще интересен и хорош», — писал Киселев Белому 22 января (3 февраля) 1911 (РГБ, ф.25, карт.17, ед.хр.12, л.4-4 об.). О своей первой встрече с Бердяевым сообщил Белому и А.С.Петровский в письме от 19 декабря 1910: «Проговорил на днях до четвертого часа с Бердяевым — наше первое знакомство. В результате оказалось, что "существенных разногласий нет, но различны устремления воли". Это объясняется его уклоном к католичеству и совершенной... неприемлемостью католичества для меня...» (РГБ, ф.25, карт.21, ед.хр.16, л.50 об.).

5. Такое письмо неизвестно.

6. Анна Алексеевна (Ася) Тургенева (1890-1966) — первая жена А.Белого, художница.

6.

Открытка. Штемпель отправления — 17.3. 1912, Киев.

1. Александр Акимович Биск (1883-1973) — поэт и переводчик, близкий символизму.

7.

1. По всей видимости, Белый писал Бердяеву не позднее первой декады апреля (ст.ст.) 1912 г. (упоминание о том, что на письмо, отправленное Бердяеву, ответ до сих пор не получен, есть в письме Белого Э.К.Метнеру от 30.4.1912 — РГБ, ф.167, карт.2, ед.хр.59, л.7 об.).

2. «Труды и дни книгоиздательства Мусaget» — журнал, издававшийся при «Мусagetе» в 1912-1916 г. Белый участвовал в редактировании журнала до ноября 1912 г.

3. Вероятно, Белый, как он и намеревался (см. письмо Блоку от 8 или 9 марта 1912 — Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940. С.288), обратился к Бердяеву с просьбой написать для третьего номера «Трудов и дней» за 1912 г. «небольшую статейку во 2-ой отдел (о культуре)». План Белого ввести в состав номера статьи Бердяева и С.Н.Булгакова не осуществился.

4. Эта точка зрения Бердяева на символизм натолкнулась, как явствует из письма Бердяева к Белому от 8 июня 1912, на возражение адресата. В ответном письме Белый, по-видимому, указывал на теургические перспективы, открывающиеся перед «вечным» символизмом великих творений искусства, на которые ориентировались «Труды и дни», отмежевывавшиеся от преходящей ценности французского символизма как «школы». Бердяев повторил на это, что как «предпоследнее» символизм не отвечает запросам наступающей эпохи религиозного творчества: «В великом искусстве всегда был символизм. Но ныне символизм вступил в новый фазис и обозначил великий <кризис?> человеческого духа. Вы очень несправедливы к французским символистам, которых я очень люблю и очень высоко ставлю. Французские символисты стоят на рубеже новой мировой эпохи и значение их не меньше, чем Гоголя, Достоевского, Ницше и Ибсена. Но именно потому, что символисты по существу своему предвестники, символизм не может быть лозунгом». По поводу теургических притязаний символизма Бердяев замечал: «Я глубоко с Вами согласен, что символизм есть мост к теургии. Но лозунг теургический может быть еще преждевременный, не все для этого созрело» (Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. №137. С.121). На этот спор проецируются и мысли Бердяева о символизме в книге «Смысл творчества» (глава X. «Творчество и красота. Искусство и теургия»).

5. 15 апреля 1912 С.Н.Булгаков сообщал А.С.Глинке (Волжскому) о том, что Бердяев «собирается уходить из редакционного комитета [издательства «Путь» — А.Б.]. Отношения с ним за этот год до такой степени испортились, он взял такой внешний и внутренний курс поведения, что я (да и все мы) мучаемся с ним с января, и все-таки, кажется, не смогли отвратить разрыва...» (РГАЛИ, ф.142, оп.1, ед.хр.198, л.158-158 об.). Об отдалении от издательства «Путь» и Московского религиозно-философского общества Бердяев писал Белому и в письме от 9

декабря 1912: «Я совсем ушел от всякой общности, от всяких выявлений и выступлений, от публичных споров, от религиозно-философского общества и прочего». <...> Свою новую книгу решил не печатать в «Пути», так как слишком разошелся с духом путейским» (Новый журнал (Нью-Йорк). 1979. №137. С.122).

6. Речь идет об инциденте с романом Белого «Петербург». Редактор «Русской мысли» П.Б.Струве, намеревавшийся опубликовать роман, после ознакомления с первыми главами отверг его, чем крайне осложнил и без того тяжелое в тот момент материальное положение Белого (подробнее см.: Долгополов Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А.Белого «Петербург» // Белый А. Петербург. М., 1981. С.547-548). Возмущение Бердяева поступком Струве, по-видимому, усугублялось тем, что он вместе с С.Н.Булгаковым содействовал переговорам Белого с редактором «Русской мысли» — см.: Белый А. Воспоминания. Том III, часть II (1910-1912) // Литературное наследство. Т.27-28. М., 1937. С.453.

7. Это упоминание Ницше и Вагнера, прозвучавшее в заметке Белого «Орфей» (Труды и дни. 1912. №1.С.67), было связано с противопоставлением, с одной стороны, символически-преemptивного (открывающего под «мифологическими масками древности» верховную истину христианства), и, с другой, антитрадиционалистского отношения к мистическим учениям прошлого. В статье «Нечто о мистике» Белый развивал эту мысль, утверждая, что Ницше «не понял, что *старое* и *новое* раздельно не существуют в категории времени; есть одно: *старое* и *новое* во все времена» (там же. №2. С.49). Подобная трактовка идей Ницше в антихристианском ключе пропадает у Белого в статье «Круговое движение (сорок две арабески)» (там же. №4-5. С.51-73), сменяясь более частым у писателя образом Ницше — религиозного пророка и реформатора, не вынесшего взятой на себя задачи.

8. См.: Труды и дни. 1912. №1. С.71-72.

9. Теплые отношения с Вяч. Ивановым и неизменно высокая оценка его личности и творчества (показательно, что в книге Бердяева «Духовный кризис интеллигенции» (СПб., Общественная польза. 1910. С.25) он назван «самым крупным» представителем теургического искусства в России) сопутствовали у философа практически постоянному спору с ним. 1912 год отмечен сменой ролей в их идейном «противлении» друг другу: если в предыдущий период (с 1908 г.) Бердяев выступал по отношению к Иванову с позиций, близких к христианско-церковным, то теперь уже последний начинает сходным образом оспаривать концепции философа. «Часто вижу с Вячеславом Ивановичем <Ивановым>, который очень доволен Москвой, но мы с ним все спорим и противимся друг другу, — писал Бердяев Белому 9 декабря 1912 г. — Он настроен очень право-православно. Со мной особенно стилизует на этот лад, держит сторону Рачинского и Булгакова. Меня обвиняет в излишнем тяготении к штейнерианцам, в имманентизме, в люциферянстве и

мн<огом> др<угом>. В общем он очень мил, но слишком неопределен» (Новый журнал. 1979. №137. С.122). Творчеству Иванова Бердяев посвятил статьи «О книге Вяч.Иванова "По звездам"» (Московский еженедельник. 1909. №42), «Очарование отраженных культур» (Биржевые ведомости. 1916. 30 сент.).

10. Ироническое переложение взглядов В.Ф.Эрна (1882-1917). Ср., напр.: Эрн В.Ф. Борьба за Логос. Опыты философские и критические. М., Путь. 1911. С.143-180.

11. Белый и А.А.Тургенева жили в Брюсселе (с перерывами, вызванными поездкой в Кельн к Р.Штейнеру и поездками по Бельгии) с апреля по начало июня 1912 г. См.: Лавров А.В. Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества. С.786.

8.

Написано на визитной карточке Бердяева.

1. Датируется по срокам возвращения Белого в Россию из Дорнаха (3 сентября н.ст.). По указанному адресу Бердяевы жили с осени 1915 (сообщено А.В.Вадимовым).

2. Московский адрес Белого (Никольский пер., д.21, кв.7) в 1906-1918 гг.

9.

1. А.Д.Бугаева (1858-1922) — мать А.Белого.

2. В феврале 1917 г. Белый находился в Петрограде и Царском селе. В Москву вернулся 9

марта (Лавров А.В. Андрей Белый. Хронологическая канва жизни и творчества. С.790).

3. Философ И.А.Ильин отправил письмо, о котором идет речь ниже, 6 февраля 1917 г., разослав его копии многим лицам — Е.Н.Трубецкому, Э.К.Метнеру и др. (см.: Белый А. Между двух революций. М., 1990. С.280, и комментарии А.В.Лаврова — там же. С.525-526). От кого-то из этих лиц Бердяев и узнал содержание письма. Со сходной просьбой — ответить на выпады Ильина только после обсуждения ситуации с друзьями — к Белому (по-видимому, одновременно с Бердяевым) коллективно обратились Г.А.Рачинский, С.Н.Булгаков, М.О.Гершензон, Л.И.Шестов (РГБ, ф.25, карт.22, ед.хр.3, л 1-1 об.).

4. Белый А. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том «Размышлений о Гете». М., Духовное знание, 1917.

5. Метнер Эмилий Карлович (1872-1936) — музыковед, организатор и редактор издательства «Мусажет» и журнала «Труды и дни», один из ближайших друзей Белого до момента прекращения отношений между ними весной 1915 г.

Предисловие, публикация и примечания А.Г.Бойчука.

Инна Андреева

«Огромной рифмой связало нас...»

К истории отношений Ходасевича и Муни

*Лиц Самуиловне Киссиной —
с уважением и благодарностью.*

Муни (Самуил Викторович Киссин) познакомился с Ходасевичем в конце 1905 г. В 1903 г. он приехал из Рыбинска поступать в Московский университет, где уже учился на филологическом факультете его старший брат Адольф (Идель)¹. Как и Ходасевич, Муни был младшим сыном. У Виктора Израилевича Киссина, купца второй гильдии, занимавшегося доставкой грузов с помощью цепного речного пароходства, было трое сыновей: Адольф, Яков и Самуил — между старшим и младшим разница в тринадцать лет — и четыре дочери, что отмечено в купеческом свидетельстве, выданном Оршанской городской управой².

В университете Муни подружился с Александром Брюсовым и Александром Койранским — приятелями Ходасевича. Все они печатались в тощем журнальчике «Зори», выходившем приложением к газете «Книговедение». Там были напечатаны и первое стихотворение Муни «Монахиня»³, и «Осенняя мелодия» А. Брюсова, подписывающегося «Александр Б.». В «Зорях» печатались А. Белый, Б. Зайцев, В. Стражев, П. Муратов, Б. Грифцов. Имя Муни мы видим и среди активных участников газеты «Студенческие известия». В №1 (он же скорее всего и последний, вероятно, это 1906 г.) братья А. и Б. Койранские, Н. Поярков и др. соревновались в остроумии, сочиняя рецензии. Правда, есть и серьезное требование: снизить плату за право слушания лекций: 50 р. — слишком дорого. Но больше внимания издатели уделили объявлениям о выходе сатирических «журналов-газет» «Вихрь», «Красный факел» и др.

Муни в ту пору тоже мечтал об издании юмористического журнала⁴ и предложил выпускать его А. Койранскому, тогда уже

признанному остро слову, поэту и художнику. В ответном письме, радостно играя словами, А. Койранский подтверждал, что юмористический журнал ему по силам: «...сделал четыре виньетки для “Золотого ...на”, из коих великодушно для напечатания была принята одна. <...> И так, “Золотое г...но” не стало для меня “Золотым дном”, и я никак не эксплуатировал “Золотого Овна” (NB. Овен=Баран)» (н/д, весна 1906 г.).

Но... деньги, откуда взять деньги студентам-третьекурсникам?! Койранский называет проект Муни «мюнгазениадой» и «эфемеридой», а все-таки на мгновение поддается соблазнительному предложению: «Есть и на полтинник молебн...» Можно издавать журнал и на 200 рублей. Если, конечно, Дилесман отпустит в кредит бумагу... А литературный и художественный материал будет состряпан под разными псевдонимами мной и тобой».

Муни нежно любил своих друзей, в семье сохранилась его поговорка: «Саша Брюсов, Саша Койранский и Саша — я». Так объясняется происхождение псевдонима «Александр Беклемишев» и имя главного героя рассказа «Летом 1907 года» и других произведений этого цикла.

Сближение Муни и Ходасевича произошло в 1907 г., что Ходасевич отметил в автобиографических записках, сделанных в эмиграции: «1907, начало, Муни. — Карты. — Лидино. — Маковский. Болезнь. 30 дек. — разезд с Мариной. Новый гость на лестнице... Андрей Белый»⁵.

Муни принимал участие во всех событиях этого трагического для Ходасевича года: когда стало очевидно увлечение жены Ходасевича Маковским (летом 1907 г. Маковский дважды приезжал в Лидино), — Муни и Саша Брюсов гостили в Лидино.

Муни был свидетелем в консистории при разводе Ходасевича с Мариной Рындиной, и так как всю вину Ходасевич брал на себя, пришлось придумать разлучницу, которой Муни дал имя «Настенька» в честь героини «Белых ночей», — так выразил он неприятие Достоевского, а этой повести — в особенности⁶.

В жизнь Ходасевича Муни вошел сразу. И, как это случается в молодости, они сразу стали неразлучны. Тому есть множество свидетельств в письмах, воспоминаниях. Вот надпись на книге стихов «Молодость»: «Муни, который однажды без меня сказал, что любит меня, в память лета 1907 года от любящего его Владислава Ходасевича. 5 марта 1908 г.»⁷. А вот сохранившаяся в архиве журналиста Ефима Янтарева записка, которую друзья написали, не застав Янтарева в редакции газеты «Голос Москвы»:

«Был —

Владислав Ходасевич. 26 мая 908.

Sine ira et studio*

С.Киссин. 26 мая.

Был и поставил точку над i.

Сергей Кречетов. 26 дня веселого месяца мая 1908»⁸.

Вспоминая зиму 1908 г., Мариэтта Шагинян рисует двойной портрет Ходасевича и Муни в комнатке-каютке, которую она с сестрой снимала в «доме Феррари» в Успенском переулке: «Вместе с Ходасевичем молчаливо, не произнося ни слова, втискивался иногда в каютку другой малоизвестный поэт — Муни (буддистская кличка⁹ была его псевдонимом), добрый, обросший черной бородою, похожий на икону Рублева. Сидели на кроватях; Ходасевич (мы звали его Владей) читал свои стихи, а чаще учил нас читать Пушкина. Он изумительно читал Пушкина. <...> Молчаливый и добрый Муни скоро застрелился. Не знаю причины, не знаю, остались ли после него стихи»¹⁰.

После Муни остался огромный, многообразный архив: повести, рассказы, стихи, пьесы, афоризмы, критические эссе. Кипы бумаг, которые вслед за Муни и Ходасевичем, можно смело назвать: «Из неоконченного». В редких случаях произведения доведены до беловика, в большинстве своем это — черновики, множество вариантов: наброски, фрагменты, написанные на отдельных листах или обрывках, на обороте служебных писем, которые Муни

приходилось составлять в фирме «Гросман и Кнебель», где он зарабатывал на жизнь: «М.Г.

В ответ на Ваше почтенное письмо от 17 марта с.г. имеем сообщить Вам, что требуемые каталоги в станицу Кавказскую и Дмитровскую одновременно с этим письмом посылаются. Что касается Вашего запроса относительно того, на сколько % Вы можете рассчитывать, то на это можем ответить, что % этот колеблется между 3 до 5...».

А на обороте недописанная рецензия Муни «О стихах Ходасевича и Ахматовой».

Муни был требователен к себе, публиковал немного, и напечатанными оказались, главным образом, ранние его опыты. По счастью вдова его Л.Я.Брюсова¹¹ записывала стихи мужа в тетрадь, точнее, начала собирать их или в 1915 г. или сразу после смерти мужа, так как открывается тетрадь стихами 1914-1915 гг., посвященными дочери. Стихи не датированы, собрание, вероятно, неполное (Ходасевич цитирует строки, которых мы в тетради не находим), но благодаря Л.Я.Брюсовой и Л.С.Киссиной, сохранившей и разобравшей архив отца, — не только разысканы пьесы и рассказы, о которых Ходасевич вспоминал в «Некрополе» (очерк «Муни»), — сама история их дружбы прочитывается глубже, нежели открывается в переписке¹².

* * *

Он вовсе не был тенью Ходасевича, как представлялось М.Шагинян. А.Белый, близко знавший обоих (недаром его имя в автобиографических записках Ходасевича замыкает год, начатый именем Муни), писал в книге «Между двух революций»: «Муни мрачною мудростью, соединенной с нежнейшим, отзывчивым сердцем, сплотил в эти месяцы нас: он просиживал днями у Н.И.Петровской, порой к ней врываясь — отнять дозу морфия; палкою в пол ударя, кричал на нее:

— «Как, опять?»

Отнимал — и сидел, принимая большие проклятия, рушимые на косматую голову; так же отчитывал он Ходасевича; его одного Ходасевич боялся; когда же Муни, этот беспрокий правдивец, покончил с собой, Ходасевич, как снежная куча, — затаил»¹³.

(Надо отметить, что эпизодические персонажи в мемуарах А.Белого, те, с кем он не выясняет отношений, не ведет спор на страницах книги, заново группируя

* Без гнева и пристрастия — лат.

вокруг себя фигуры и выкраивая биографию, — написаны правдиво и точно).

Это был союз духовный, творческий, строгая, требовательная и нежная дружба, которой после смерти Муни так недоставало Ходасевичу и он искал ее в отношениях с Белым.

Союз этот заявил о себе в творчестве с первых дней дружбы, со временем перерастая в непрекращающийся напряженный диалог-спор, отголоски которого и десятилетие спустя после смерти Муни, нетрудно расслышать в произведениях Ходасевича.

25 февраля 1907 г. в газете «Новь» под рубрикой «Молодые поэты»¹⁴ были напечатаны два стихотворения Ходасевича «Зимой» и «Отшельник», а 2-го марта — два стихотворения Муни. К одному из них «И в глубокой тоске озерной...» Муни взял эпиграфом строчку из «Зарницы» Ходасевича, в то время еще не опубликованной: «Целую руки тишины». В.Х.». Ходасевич, открывая сборник «Молодость» программным стихотворением «В моей стране», стихотворением-манифестом: «Я к вам пришел из мертвенной страны» — посвятит его Муни.

Почему? На этот вопрос легко ответить, прочитав стихотворение Муни:

Голодные стада моих полей!
Вам скудные даны на пищу злаки.
С высоких злых небес я не свожу очей,
Гляжу на огненные знаки.

Безмолвный страж пустынных вечеров,
Брожу в полях раздумчивый и грустный.
Тревожу тишину сыреющих дубров
Моей свирелью неискусной.

И молкнет зов. Ответом гулким мне
Лишь где-то в поле эхо засмеется,
Да ворон, хриплый стон слышавший во сне,
В испуге крыльями забьется.

Пустые дни! Пустые вечера!
Ночей неизъяснимые томленья!
Судьбы жестокая и праздная игра
Без усыпленья, без забвенья!

Зачем? — Не знать, не знать мне никогда!
Небес безмолвны огневые знаки.
Нагих полей моих голодные стада,
И мне даны сухие злаки!

Стихотворение напечатано в №12 журнала «Русская Мысль» за 1908 г. под псевдонимом «А. Беклемишев» с эпиграфом: «Венец пустого дня. Баратынский». «В моей стране» Ходасевича опубликовано почти годом раньше¹⁵. Трудно сказать, кто из них первый начал тему. Ходасевич пишет в воспоминаниях, как долго не удавалось Муни опубликовать свои произ-

ведения: их возвращали из всех редакций. Да это и неважно: все творчество Муни рождено тревогой за судьбу поколения, духовно бессильного, предпочитающего легкие дары цивилизации напряженному творческому труду и потому обреченного на пустое семя, сухие злаки. Последовательно и неотступно, от стихотворения к стихотворению, вел он эту тему:

Не он ли, сеятель, вложил
В нас семена, и труд, и время,
Но грех, как плевел, заглушил
Его спасительное семя.

Даже в стихотворном письме к Ходасевичу, лениво-шутливым, голос поэта набирает мрачную силу, стоит заговорить о судьбе поколения, судьбе культуры, трагическое крушение которой Муни предчувствовал:

А если сеятель рукой своей безвинной
Напрасно семена бросал в бразды,
И мы, поднявшись до звезды,
Мы, вышедшие жать чредою длинной,
Пришли напрасно?! Если семена
Его при камени упали, —
К чему тот тяжкий труд, что мы на рамена, —
Никем не прощенные — взяли?!¹⁶

«Сухая скорбь разуверенья» — эти слова Баратынского можно поставить эпиграфом к творчеству Муни. Не случайно А. Белый посвятил Муни стихотворение «Разуверенья» (1907), свидетельствующее о том, что он понимал и чувствовал боль, из которой рождались стихи Муни:

Душа горит и плачет невозбранно;
Земля — мертва: пройдут и не ответят.
Но — там, смотри: там, где заря — туманно.
Там, где заря, — иные земли светят...

Тому не верь, чем ясныя те земли.
Ни щедрости, ни пышной благостыне.
Ты здесь пребудь до века: здесь отныне
Ты покорись, душа: ты долгий мрак приемли...¹⁷

Излюбленные эпитеты Муни «сухой» и «пыльный», причем они охватывают все области жизни и деятельности человека: «сухой и пыльный зной», «И в сердце сухое вонзится любви огневая стрела...», «мой сухой и мутный взгляд», «О, злая скорбь души моей бесстрастной, сухой души моей», «Сухая ночь, гигант безрукый...», «Я безобразен, пылен, страшен», «сердце — колос пыльный...»

В противовес душевной сухости, эгоцентризму, безверию, душевной немощи — тут и там поблескивает в стихах Муни костер, огонь любви, что раскладывает женщина: это она колдует над огнем. Или

сродная стихия огня — влага, дождь как знак надежды:

Жду, и жду, и жду упорно,
Жду, как ждет земля и сад:
Вот — рассыпанные зерна —
Капли в крышу застучат.

С свежим ветром, с гулким треском
Взрежет небо синий змей,
И зажжет лучистым блеском
Пыль и зной души моей.

Эпитет «сухой» тянет за собой метафору: сгораю. «И сердце зажженное вспыхнет, / Как светоч смолистый во мгле...», «Сбрось тягостную власть тоски своей усталой. Гори, гори!» — до заключительных отчаянных слов «Самострельной»:

Господа я не молю,
Дьявола не призываю.
Я только горько люблю,
Я только тихо сгораю.

(Образ этот подхвачен стихами Ходасевича: «быть может, вспыхну кисточкой огня»: портрет Муни Ходасевич пишет теми же красками, в той же палитре, что автопортрет Муни).

Мрак одолевает душу поэта, он видит засилие хаоса в стране, в мире, он видит, что грех проник в его дом:

Край мой — забыл тебя Бог:
Кочка, болота да кочка.
Дом мой, ты нищ и убог:
Жена да безногая дочка.

Господи боже, прости
Слово беспутного сына,
Наши лихие пути,
Наша лихая судьбина...

И вот уже не просто «сухой и пыльный колос» родит нива, урожай куда страшней:

...Драконьи зубы я посеял,
разжав жестокий, страшный зев.
И ветер по полю развеял
Мой приневоленный посев.

И странные вззошли химеры:
Их стебель ломок, цепок хвост.
И я в отчаяньи без меры
Гляжу на их проворный рост.

Вчера какой-то ком паучий,
Лишь пыльно-бархатный налет,
Сегодня тянет хвост колючий
И головы, и лапы вьет.

Эта «рать полустеблей, полузмей», по определению поэта, «живая»:

Кольшется живая нива,
Шуршит и тянет языки.
По ветру стелется лениво,
Пищит и стонет от тоски.

Но так же велико было его стремление противостоять мраку и хаосу, которое объединяло Муни и Ходасевича, толкая к стилизации, идилии. Влюбленность в русский XVIII в., в рыцарские замки Возрождения, кажущиеся такими незыблемо-прочными, опора на строгие классические формы (сонет) служили защитой и отдыхом от пророческих криков: «Мы — чада хаоса...», «Мы род Антихриста». Тогда получалось:

Закатный час, лениво золотой.
В истоме воздуха медвяный запах кашки.
По шахматной доске ленивою рукой
Смесь, передвигаем шашки.

В раскрытое окно широкою волной
На узел Ваших кос, на клеточки паркета
Льет щедрый блеск, льет золотистый зной
Лениво золотое лето.

Я не хочу мечтать. Я не хочу забыть.
Мне этот час милей идилии старинной;
Но золотую тклет невидимую нить
Ваш профиль девичьи-невинный.

И все мне кажется — душа уж не вольна —
Что наша комната — покой высокий замка,
И сладостно звучат мне Ваши имена:
Анджела, Беатриче, Бьянка.

С другой стороны, в своих статьях и рецензиях, оставшихся в черновиках и набросках, Муни продолжал охранительную литературную политику Ходасевича. Об руку с другом выступал он против футуристов всех мастей. В 1914 г., когда появились статьи Ходасевича «Игорь Северянин и футуризм» и «Русская поэзия»¹⁸, в которых критик с добродушной насмешкой сравнивал футуристов одновременно с Тартареном и тем кроликом, в котором хвастливое воображение Тартарена взмечтало увидеть льва, — Муни разделялся с ними в рецензии на «Первый журнал русских футуристов»: «Футуристов не встречали так, как в девяностых годах встречали символистов. Ни гонений, ни унижений они не испытали; гнилые яблоки им знакомы понаслышке; камнями побивать их никто не собирается; предложение: “Бурлюков на Сахалин!” исходит от футуриста же Иг.Сев[ерянина]. Валерий Брюсов их приветил, машина для писания нравящихся публике рассказов А.Толстой пыхтит: “Я футурист”. Чего им нужно, зачем трогательные бурлюцкие жалобы по адресу не сочувствующих критиков: “Некоторые из вас — борцы за свободу религии и труда — и вот какое позорное противоречие!! Мы — Ваши братья, а Вы нас оскорбляете и унижаете за то, что мы не рабы и живем

свободой». Нет, господа, дело не в этом, но вы бездарны и наглы, слишком развязаны и только развязны. Вы — пародисты, и ваши идейные отцы, как бы ни отрекались вы от них и они от вас: Шебуев, Измайлов и Чуковский».

Тогда же Муни обрушился на книгу Пастернака «Близнец в тучах». Пройдет много лет, прежде чем Ходасевич разглядит в Пастернаке своего литературного противника, в прозе и стихах восстанет против «бессмыслицы» Пастернака: «...одно дело — со-чувствовать, сосуществовать с поэтом, другое — решать крестословицы, чтобы убедиться, после трудной работы, что время и усилия потрачены даром, что короткий и бедный смысл не вознаграждает нас за ненужную возню с расшифрованием. <...> Однажды мы с Андреем Белым часа три трудились над Пастернаком. Но мы были в благодушном настроении и лишь весело смеялись, когда после многих усилий вскрывали под бесчисленными капутными одежками пастернаковских метафор и метонимий — крошечную кочерыжку смысла»¹⁹. Муни свою рецензию начал эпиграфом из «Войны и мира» Толстого: «— Это по дороге в Варшаву?».

«Кругом разговаривают, разговор остер, тонок, и князю Ипполиту хочется вставить слово, он мучительно пытается вставить слово — ничего не выходит. Он вспоминает: часто неожиданно сказанное выходит остро и во-время. И он говорит вышеприведенную фразу. Минутное недоумение. Но Анна Павловна нашлась и лукаво грозит пальчиком шалуну.

— Ах, какой вы злой!

Борис Пастернак, вероятно, думает, что его маленькая книжечка, написанная по рецепту князя Ипполита, вызовет слова:

— Ах, какой Вы умный, какой Вы талантливый!

Мы надеемся, что такая Анна Павловна для него найдется. Мы же после некоторого недоумения только передернем плечами, как сделал на вечере у Шерер другой Т... посланник²⁰.

Вот пример: Я рос, меня, как Ганимеда, несли ненастья.

Ганимеда унес орел в ясный солнечный день. У Гете он был восхищен и восхищён. Рембрандт понял его испуг несколько физиологически. У Пастернака Ганимед — по дороге в Варшаву».

И в стихах Ходасевича Муни больше всего ценил «слаженность по разумному плану созданного творения»: логическую законченность, точность и гармоничность создания. В стихах друга он различает то,

что другие критики увидеть не могли. Он напрочь отменяет упреки в «нарочности» образов «Счастливого домика»²¹: «Здесь, в этом сконцентрированном мире все переживания необыкновенно густы. Переживаются только сущности. Мимолетность, увлечение, влюбленность — тут нет ничего этого. Тут любовь, напряженность и боль, хотя б поэт и притворялся беспечным. Его мир — мир призраков — и в то же время — мир сущностей... <...>

Человек построил себе дом. Боги нашли в нем приют и алтарь. Что делает в нем для себя человек? Какую утварь, мебель или иное заключит он в созданных для жилья стенах? Всякий по своему вкусу. Наш поэт заводит олеографии. Для него это неизбежно. Он слишком чтит своих маленьких богов, слишком богомолен, нет, боголюбив, чтобы заставлять комнаты тяжелыми предметами. Буквально, боги могут ушибиться, задеть за что-нибудь, им будет неприятно, им будет больно. Но олеографии не помешают, и вот третий отдел: «Звезда над пальмой». Не случайно здесь италийское небо, «Генуи, в былые дни лукавой, мирные, торговые огни». Весь отдел при всей его лирике чрезвычайно изобразителен. Пусть здесь горькая любовь, нежность горбуна-шута к царице ситцевого царства, истерика, берущая за горло, но не выдавливающая слез на глаза.

Все же это нарисовано! И как нежно, как остро, какой тонкой иглою! Это утешение, которое позволили своему верному богомольцу маленькие боги. И с каким сознанием хрупкости их предается поэт своим утешениям. Воистину все это только блистательный покров. Только игрушки, которыми играет с ним вечность. Вот каким стихотворением, и как многозначительно названным, заключает поэт свою книгу. («Рай»).

Книга Ходасевича не только жива органически, но и обладает слаженностью по разумному плану созданного творения. Книга Ахматовой обладает (на первый взгляд) только органической жизнью. Ее логическая стройность иного порядка, чем у Ходасевича: она целиком вытекает из ее первого свойства. Ее цельность есть цельность человеческой жизни — не биографии — а действительной жизни. Даты под ее стихотворениями имеют действительное значение. «Четки» называется эта книга. Четки — цепь, день за днем...» («О стихах Ходасевича и Ахматовой»).

Вероятно, Муни был зорче своих современников, когда в «безклявном» чувстве Ходасевича увидел — любовь, в игре,

«нарочности» — обнажение сущностей. Он знал и чувствовал его как своего двойника, а близость их была столь велика, что любили они одну женщину — Евгению Муратову. Ее в своих произведениях Муни называл «Грэс», «Грэсси», ей посвятил множество стихов, рассказов, неоконченную повесть «Невеста Брутикова», пьесу «В полосе огня» (первоначальное название «Жизни легкое бремя») и другие.

Его мифы, как рассказал Ходасевич в очерке «Муни», перерастали рамки произведений, врываются в жизнь, грозя разрушением: если б не вмешательство Ходасевича, на месте Александра Большакова, главного персонажа рассказа «Летом 1907 года», покончившего с собой, мог бы оказаться автор. Да и сам Ходасевич в ту пору легко перешагивал рампу, отделяющую литературу от жизни.

М.Алданов, познакомившийся с Ходасевичем уже в эмиграции, писал в некрологе «В.Ф.Ходасевич»: «Должен сказать, что в тот долголетний период, когда я лично знал Владислава Фелициановича, к нему самому все, им сказанное о “жизненно-творческом методе”, о “сплаве жизни и творчества”, никак не могло быть отнесено. Думаю, что острый юмор, насмешливый склад его ума очень рано убили в нем переживания всевозможных графов Генрихов, культ Дьявола. В кругу этих мыслей и настроений я Владислава Фелициановича, даже в молодости, просто не могу себе представить»²².

И — был не прав.

* * *

Муни ввел своего друга, историю его любви в свои произведения: Ходасевича можно узнать в Мелентьеве и в Берсеневе («В полосе огня») — все это доверенные Грэс, ее поклонники и рыцари. И когда по ходу пьесы Берсенев предлагает собравшимся прочесть стихи, — Ходасевич собственноручно вписывает в рукопись друга стихотворение «Досада», давая тем самым расписку в том, что он — герой пьесы, а Грэс — Евгения Муратова.

Сюжет пьесы прост — почти чеховская «Чайка»: Алексей Петрович Брутиков и Сергей Берсенев гостят в имении Баршева в Подгирине, на берегу озера — томятся в безделии и объясняются Грэс в любви.

Сергей Берсенев «худ фигурой и лицом, моложав, а не молод, друг Грэс». В характере Брутикова есть автобиографические черты, он очерчен в первом же монологе: «Мне хотелось бы быть действующим лицом в драме: не героем, не

злодеем, а так, содействующим зрителям, резонером почти что. А я заметил, что такие лица почтенней, если у них есть какая-нибудь поговорка, вроде: “гром и молния” или “болтай ногами”. А потом, третьего дня, мне представилось такое: протекает ручей по зеленому-зеленому полю. А по берегам ручья узенькая полоска песку. И кто-то, я не знаю, какой он, но, верно, в античном роде, бросает лук и говорит: “звени и прыгай...”».

Вся пьеса — решение загадки (в форме диалогов): кто такая Грэс?

«Берсенев. — Я знаю Грэс. Давно. Всегда. Она истинная. Грэс — женщина. Только женщина. Она единосуца.

Брутиков. — Она любила кого-нибудь?

Берсенев. — Да, — многих. Я был ее наперсником.

Брутиков. — А вас?

Берсенев. — Полминуты. Может быть.

Брутиков. — Но послушайте. Ведь вы как будто знаете все! Я познакомился с ней только весной. И все остальные тоже. Потом это нелепое житье здесь, в гостях у Баршева... И все кругом... И Гарри, и я, и даже дядя Митя...

Берсенев. — Вокруг нее всегда так. Это — эпизоды. В имении Мелентьева, тут, близко, жил Большаков. Тоже. Утонул. Утопился.

Брутиков. — А вы, как вы живете? Ведь я жить не могу, потому что она есть. Умираю, ибо не могу умереть.

Берсенев. — А я только и живу поэтому.»

Сохранился и другой вариант этого разговора (Как всегда, у Муни осталось множество неоконченных набросков пьесы).

«Брутиков. — А ваш чин — рыцарь?

Берсенев. — Скорее жрец.

Брутиков. — А зачем она вам ухо проколола?

Берсенев.— По Ветхому Завету: раб, который не хочет свободы.

Они целуются, это как посвящение — смеются.»

Тот же обряд над рукописью совершили друзья-поэты: целуются и смеются, торжественно присягая любви, счастливой — для одного, несчастливой — для другого. Сегодня так, завтра — иначе, ибо в своей героине Муни видит не Деву, Зарю, Купину — Женщину, Любовь, которая потому и мимолетна, что всегда в пути: сейчас — здесь, и вот уже идет дальше, раздаривая себя. Каждая встреча для нее только эпизод. И этого ей не прощают: в конце пьесы Грэс убивают.

Любовь — главная героиня стихов Муни, он пытается схватить ее облик, набросать портрет. В Афоризмах — жанре любимом в начале века — он писал: «О моей религии. Я боюсь сказать, какую религию я исповедую. Неужели рифмованно-фаллически-женственную?». В 1911 г. вместе с Ходасевичем он откликнулся на конкурс «Эстетики» и написал стихотворение на тему: «А Эдмонда не покинет Дженни даже в небесах...» Не участвуя в конкурсе, Ходасевич свое стихотворение «Голос Дженни» прочел два месяца спустя, на заседании «Эстетики»²³. Муня свое не прочел, а между тем в этом стихотворении — весь он, его любовь, жертвенная, ненавязчивая, поистине «легкое бремя». Это своеобразный автопортрет.

...Ветерок — мое дыханье — тише
Веет вокруг родимого чела.
Может быть, Эдмонд во сне услышит
Ту, что им живет, как и жила.

Может быть, в мгновенной снов измене
Легкий мой учуявши приход,
Новую подругу милой Дженни
Он, душой забывшись, назовет.

Что еще? И этого не надо!
Благодарность Богу и судьбе!
Разве может выше быть награда:
Только знать и помнить о тебе...

Не послужил ли звук этих стихов камертоном для Ходасевича, когда он писал «Ищи меня» (1918), где старался передать легкость, невесомость присутствия и лексикой, и интонацией (в черновом варианте оно начиналось словами: «О, как легко! Я весь в весеннем свете!»), и звуками: «взмах неощутимых крыл», «я звук, я вздох», в которых различим отзвук строки: «Ветерок — мое дыханье — тише...»

Чрезвычайно ранимый (не даром к стихотворению «Ищи меня» Ходасевич сделал приписку: «Стихи как бы к женщине»), мучительно преодолевающий пошлость жизни и надвигающийся хаос политических событий, — Муня оказался в эпицентре этого хаоса и пошлости, т.к. был призван и служил «зауряд военным чиновником» — не на фронте даже, как Александр Брюсов — в эвакуационном пункте. И Александра Брюсова не пощадила судьба: три с половиной года протомился он в лагере для военнопленных, но с Муни она обошлась еще жесточе.

***

Федор Степун, прошедший и фронт, и дивизионный лазарет, с тоской и отвра-

щением вспоминает именно «госпитально-эвакуационный тыл»: «Если в моей душе живет к чему-нибудь непобедимое отвращение, то разве лишь к “Первому московскому эвакуационному пункту”. <...> Помещался эвакуационный пункт на третьем этаже, куда вела крутая лестница без перил. Ждать очереди приходилось часами в грязном узком коридоре, сидя на подоконниках, так как стульев не хватало. <...> Все это неряшливое, нерадивое и глубоко неуважительное к званию воина отношение до глубины души возмущало меня и тем будило живую тоску по фронту, по братскому духу и быту родной батареи»²⁴.

А ведь Степун лечился в Москве, рядом были жена и мать; люди, с которыми он вел литературно-философские разговоры. Муня же был заброшен в провинцию и обречен на жизнь среди мелко-мещанского чиновничества. По первым письмам его было ясно, что развязка будет кровавой, как в его абсурдистской пьесе «Месть негра», где вместо картонного трамвая на сцене оказался настоящий — и раздавил героя. Муня отчаянно барахтался, писал всем друзьям, писал Ходасевичу едва ли не каждый день. Это не письма — крики о помощи.

«Слушай, Владя, ежели мне не будут писать писем, то я одурею совершенно. В таких я по работе обстоятельствах нахожусь. То, что я утверждаю, ничуть не шутка. И Лиде я пишу о том же, б.м., в несколько более сдержанных выражениях. Я страшно рассеян, все время расстроен и озабочен. “Нет, куда он мою жикедку дел?” — так говорила в маленьком городе на Волге одна пьяная “зимогорская” б...ь. И ходила с этим вопросом по Вшивой Горке чуть не полдня. Так вот и я целый день возжаюсь: нет, куда он мою жикедку дел? Жалованье мне теперь будет идти большое — рублей полтора. Больше 50 здесь никак не проживешь, хотя бы суп со страусовыми перьями есть. Так что домой рублей 100 буду посылать. Представлен к Станиславу, но не дадут. Целую тебя. Но пиши. Боюсь не выдержать и эвакуироваться в сумасшедшем вагоне. Мой адрес: 8-ой головной эвакуационный.»

Это от 9 мая 1915 г., а вот открытка от 21 мая:

«Вот подумай: ты у меня умный — что мне делать. Ведь ни с кем из родных я посоветоваться не могу. То они мне трактаты о воле Божьей писали. Теперь будут писать: терпи, терпи — точно я сам не знаю, что нужно терпеть. Помочь не

смогут и огорчатся только понапрасну, ведь ни у кого даже голова не зачесется подумать: в самом деле фаталисты. Ну, вот каюк: знаешь, как несостоятельный должник: он не разочарован, не болен, не сумасшедший, а все-таки выход один — потому что кроме людей и предметов есть еще человеческие отношения и с их (отношений) точки зрения он безнадежно болен и приговорен. Подумай. До свиданья. Муни».

И — еще одно, написанное 11 июня 1915 г.:

«Владя! Единственное письмо, которое я от тебя здесь получил, было помечено 13 маем. Я тебе написал с тех пор не менее трех писем. Неужели ни одно к тебе не дошло? Выражаясь по-одесски — сказать, чтоб мое положение было хорошее, так нет. Я устал, как устаем, как можем уставать мы, те самые мы, кои суть литераторы, репортеры, художники, корректора, газетчики и всякая иная сволочь, которая иногда ходит в театр, бывает у Грека или в Эстетике, которая “безумно кутит”... на два с полтиной и которая все-таки в тысячу раз лучше, воспитанней (хотя где она воспитывалась?) и умней, чем провинциальные и военные врачи, питерский чиновник из пуришкевичских прихвостней, сестры милосердия из каких-то недоделков, потому что ни тебе они эсдечки, ни тебе они эсерки, ни тебе они эстетки, ни тебе они бляди.

Мне нужна неделя отдыха, неделя житья в Москве для того, чтобы быть в состоянии далее работать, а [то] я ни за что не ручаюсь. Зауряд военные чиновники теперь разжаловываются автоматически, как только перестают занимать должность, все равно по причине ли негодности, дурного поведения, шестинедельной болезни или упразднения самой должности. Во всяком случае, ежели мне еще предстоит карьера рядового пехотного полка, я хотел бы быть на Кавказском фронте, не потому что мне немцы страшнее турок, — ведь в строю мне все равно головы не сносить, — а потому что мне этот фронт осточертел.

Единственное в моей этой жизни — а ведь сколько она может продлиться, только Бог знает, во всяком случае, если меня не разжалуют и не убьют, она будет длиться годы, — единственное в ней удовольствие — это письма. А ты ничего не пишешь! Я ужасно хорошо вижу человека, который пишет, вижу, может быть, яснее, чем в жизни, ну, прямо, как в театре. Ежели ты думаешь, что твое

письмо о том, что тебе скучно, что под окошком едет трам, что башмаки в починке, а сам ты переводишь Пшибышевского, было мне неинтересно, ты ошибаешься. Суди о моей жизни хотя бы по тому, что я его сегодня, это письмо о том, что скучно и нечего писать, перечитывал. Пиши, пиши. А что же Ньюра? Может, она добрее тебя? Ведь, кажется, все кошки, бегавшие между нами, подошли, и мы в самом деле друг к другу хорошо относимся. Ну, пишите же. Целую Вас обоих и Гаррика. Муни.

Здесь есть прапорщик Чуев, напечатавший книгу переводов из Верхарна. Чуев не какой-нибудь, не однофамилец, а “брат Чуев”, один из тех братьев, которые пол-Москвы кормят сухарями и булками. Он очень высок, брит, длиннолиц, большенос — ты знаешь этот тип, к которому относятся Блок, частью Северянин, частью Чулков — и очень немного — Уайльд. Все это с примесью [слово неразб.: шебуревских?] манер: “пищу” вместо “пики” и т.д. К тому же милое дурачество: молодой человек слегка миллионер, немножко поэт, чуть-чуть спортсмен. И, Владя, бедный Муни выносит все: пойми, я человек скорее резкий, скорее неспособный спускаться и терплю все, все. Блистательное общество писарей, таковое же (чувствуешь отрывку канцелярии?) полуэстетствующего купчика, врачей, забывших медицину и помнящих только XVI и XIX книги свода военных постановлений, отделов преимущественно о жалованьи, порционных, добавочных и т.д., присяжных читателей “Нового Времени”, полурумынских, полуроссических людей и прочая. Господи! Дайте мне Шершеневича, хуже — Бурлюка! и я буду с ним мил, — как Бама²⁵ — с Львом Толстым. Я буду приветствовать его “звонким юношеским голосом”, я что угодно вытворю, лишь бы повидать человека, который говорит о том, в чем хоть немного понимает, для которого, будь он хоть распрофутурист, существуют понятия: искусство, литература, религия, который не употребляет этих слов вместо: ассенизация, уваживание, испражнение. Потому что когда они говорят о чем-нибудь подобном, то, слушая, мнишь себя сумасшедшим, ослом или марсианином²⁶.

Прав Пушкин. Всегда прав Пушкин. Ведь то, что эти почтенные господа понимают под искусством, должно либо их баюкать: вот почему все они любят Тургенева. Он великий диван-самосон русской литературы. Либо их поддразнивать, но, конечно, никто не сознается в склон-

ности к порнографии. Ну, а вообще, ежели по высокому о целях и пользе искусства, то ни дать ни взять: “жрецы метлу у них берут” — прости искажение. Слушай, я Андрея Белого — и именно тогда, когда он нашим с тобой Ставрогиним был — назвал блядью, в Кружке, в лицо: тут-то мы и помирились после весьма странной размолвки. (Мне сейчас пришла убийственная мысль: что ежели он полу-Ставрогин, так я одна восьмая Шатова. Только если ты это кому-нибудь скажешь, убью).

Да, так вот, а теперь я молчу, и у меня ужасно глупый вид. Ну, такой глупый, что я даже ни одного из наших знакомых не могу привести, как сравнение. А уж мы ли с тобой дураков не знаем, кажется, не только на все буквы алфавита, но и на китайские иероглифы. Ты представь себе дурака не торжествующего, а убитого (в этом и есть редкость моего типа). Да, нашел — вот этот дурак. Еврейский есть такой анекдот: кто-то в бане крикнул: “Дурак! Вон из бани!”. Дурак обиделся: “А моя копейка — не копейка?”. Вот я-то и есть этот несчастный дурак. Помни, Владя, ведь это только фон, а что на нем бывает подчас! Неописуемо, и в то же время нелюбопытно. Я мог понять всякую глупость, я мог предугадать и точно сказать самое глупое, что можно сказать по любому поводу. Бог, вероятно, наказал меня за это! Но ладно.

А, кстати, где Ахрамович²⁷? Он не умер? Я знаю, ты его недолюбливаешь. Но все-таки разузнай. Пиши. Целую тебя и Ньюру. Твой М.

P.S. И все же мое место столь завидно, что необходимо всячески держаться и крепить протекции и связи: ведь 1) я жив, 2) я получаю 174 руб. и питаю сим Лиду и Лиюшу.

В Москву не пускают. Не знаю: совсем или покуда. Опять пора думать о протекции. Узнай адрес Голоушева. И подумай головкой крепко. Ни один генерал не плох. Жду писем. На адресе, кроме 8-ой головной и 7 д. пункт добавь: Белая Олита.»

Его не слышали, не хотели слушать. Ходасевич отвечал, словно разговаривая с глухим: напрягал, форсировал голос, что совсем на него не похоже:

«Муничка, может быть даже все они любят эту самую Россию, но как глупы они! Это бы ничего. Но какое уныние они сеют, и это теперь-то, когда уныние и неразбериха не грех, а подлость, за которую надо вешать. Боже мой, я поляк, я жид, у меня ни рода, ни племени, но я знаю хотя бы одно: эта самая Россия

меня поит и кормит (впроголодь). Каким надо быть мерзавцем, чтобы где-то в проклятом тылу разводить чеховщину! Ведь это же яд для России худший, чем миллион монополий, чем немецкие гады [газы? — И.А.], чем черт знает что! А российский интеллигент распускает его с улыбочкой: дескать, все равно пропадать. А то и хуже того: вот навоняю, а культурный Вильгельм придет вентилировать комнаты. То-то у нас будет озон! За-граница!

Когда война кончится, т.е. когда мужик вывезет телегу на своей кляче, интеллигент скажет: ай да мы! Я всегда говорил, что 1) верю в мужика, 2) через 200-300 лет жизнь на земле будет прекрасна.

Ах, какая здесь духота! Ах, как тошнит от правых и левых! Ах, Муничка, кажется одни мы с тобой любим “мать-Россию”».

А кончал письмо словами: «Говорил с ранеными. Честные люди. Я тебе одно скажу: если бы не, если бы не, если бы не и если бы не, — я бы пошел добровольцем.

Смешно? Нет. По крайней мере вернувшись (тоже, если не) — с правом плюнул бы в рожу ах скольким здешним дядям!»²⁸.

Муни бросился за помощью к В.Ф.Ахрамовичу. Он, который гордился, что предок его некогда был сожжен в Толедо, но не принял христианства, в отчаянную минуту пытался найти защиту в Христе, и в ответ получил насмешливую отповедь: «Скажите, существует ли в еврействе нечто похожее на христианское таинство покаяния? Катарсис, являющийся следствием сознания своих вин, исповеди в них перед лицом духовных вождей? Мне кажется, за Вашей тихостью и радостной печалью кроется истерика, которая у христианской женщины, например, могла бы разрядиться лишь у решетки конфессионала» (14 марта 1915 г.).

Пожалуй, лишь один из друзей Муни Евгений Иванович Боричевский²⁹, филолог, искусствовец, заботился и думал о бедном «зауряд военном чиновнике», которого судьба бросала из Хабаровска в Варшаву, из Варшавы в Минск: посылал ему выходявшие книги, писал о выставках и вечерах поэтесс, рассказывал литературные сплетни и новости о знакомых, приглашал к себе Лидию Яковлевну с дочерью. Он много размышлял о войне, соотносил с нею все литературные и общественные события. Накануне нового, 1916 г. он писал Муни: «Я не оптимист. Уже теперь ясно, что возврат к прежней

жизни, к счастливой жизни (раньше мы бы этого не сказали) даст нам радостное и глубокое чувство блага жизни, которое мы раньше недостаточно ценили. Но вернемся мы совершенными банкротами. Погиб социализм, бессильный и в идейном и в фактическом смысле, допустивший развитие... капиталистической войны. Погиб и индивидуализм: подпольный человек после своего: "пусть весь мир провалится, а мне бы лишь чай был" отправился вместе с организованным пролетариатом на фронт, став средством для цели, ему неизвестной. Значит, есть какие-то силы, благословенные или проклятые, которых мы не знали. Что мы станем думать после войны — вот что в конце концов самое интересное в ожидающем нас будущем. <...>

Раньше, как и ты, я не чувствовал значительности совершающегося, но теперь мне кажется, что все это, ничтожное по событиям, ибо "юдольный мир явления свои не изменит", — вскрывает природу человека с таким проникновением и такой глубиной, с какой она, быть может, никогда еще не раскрывалась. Надо хоть немного видеть и понимать, но смысл настолько нов (хотя бы в степенях и оттенках известного ранее) и потрясающ, что сейчас, "при первом чтении", мы еще почти ничего не понимаем.

Но в этом же умном и тонком письме, противореча себе и обнаруживая полное непонимание состояния Муни, Боричевский полусутоливо, полусерьезно наставлял его: «Советую тебе не отказываться от орденов, так как после войны легче будет благодаря им найти занятие. Ордена будут после войны своего рода официальной, даже государственной рекомендацией, пренебрегать которой не следует. <...> А лучше всего бери отпуск и приезжай. Теперь все берут отпуск, так что я даже не понимаю, кто же там у вас остается».

Муни сумел вырваться в командировку в Москву. В семье сохранилось удостоверение №10919: «Дано сие от 8-го головного эвакуационного пункта делопроизводителю сего же пункта, зауряд военному чиновнику Киссину в том, что он командирован в город Москву по делам службы, что подпись с приложением казенной печати удостоверяется.

10 марта 1916 года. Город Минск».

На обороте — «Самострельная».

Дальнейшую картину нетрудно восстановить по дневнику Евгении Яковлевны Брюсовой:

«26 марта, суббота.

У нас в семье большое несчастье, умер Муня. Я до сих пор не могу этому верить, кажется совсем невероятно, что его уже больше нет. Ведь только что он был здесь, в Москве и только 18 марта уехал обратно в Минск. 22-го я, как обычно, вернулась домой из института около 9-ти часов вечера, и мы мирно сидели дома. В 9 1/4 мама звонит мне и говорит: "У нас несчастье, получена телеграмма: "Киссин опасно ранен", Лида уехала на вокзал. Хочет уехать с почтовым в Минск. Я несколько минут подумала и побежала скорей на вокзал, но поспела только к уходу поезда и увидела только Надю. Надя сказала, что Лида ни минуты не думала, сейчас же собралась ехать, а когда мама сказала, что, м.б., подождать следующей телеграммы, она сказала: "Что же ждать, я знаю, что он убит". На другой день мы получили телеграмму, что Муни скончался. Это какой-то ужас, и так не верится. Надя уехала туда. Сегодня я узнала, что Муни застрелился. Конечно, он был душевнобольной, это ясно, и так жаль бессмысленно погибшую жизнь. За что? Больно за Лиду, жаль Лиюшу. Так жестоко все. Завтра Лида и Надя вернутся. О, как жестоко.

29 марта, понедельник.

Вернулись Лида и Надя, вчера я была у них. Лида наружно спокойна, но говорит, что считает себя виноватой в смерти Муни, думает, что если б она туда чаще ездила и была бы больше с Муней, этого не случилось бы. Похоронили Муню в Минске. Все на пункте отнеслись к этому ужасному случаю очень отзывчиво, почти все были на похоронах. Муня оставил записку приблизительно такого содержания: "Видит Бог, я больше не могу. Да простит мне Бог". Записку эту Лиде не отдали. Она осталась при бумагах. Когда послали Лиде телеграмму, Муни уже не было в живых. Он в 7 часов утра 22-го марта выстрелил себе в висок, и смерть пришла сейчас же. Врач говорил, что сердце еще довольно долго работало, минут 40, но он уже не сознавал ничего, пуля задела мозг. Говорят, он был страшно спокоен и радостен на вид в гробу».

* * *

Ходасевич скупно и сдержанно сообщал друзьям о смерти Муни. Но А.И.Ходасевич писала об этих днях в воспоминаниях: «У Влади опять начались бессонницы, общее нервное состояние, доводящее его до зрительных галлюцинаций, и, очевидно, и

мои нервы были не совсем в порядке, так как однажды мы вместе видели Мунию в своей квартире»³⁰. Чувство собственной вины за эту смерть мучило его долгие годы: не зря он вспоминал леди Макбет! Он казнил, знал, что виноват перед другом и в то же время искал оправдания. В автобиографических записках, которые Ходасевич писал в 1930-е гг., весь 1916 год выстроен, как объяснение собственного поведения: «1916. Болезнь. — Корсет. — Коктебель. — Призыв. † Муни.»

В конце 1915 г. врачи поставили ему диагноз: туберкулез, приговорили к ношению корсета, потребовали отъезда на юг. Записная книжка Ходасевича конца 1915 г. пестрит вопросами: «Снимается ли гипс? Когда корсет? На ск. времени? Пускают ли туберкулезных в санаторий? Боль в боках».

Но не только в болезни было дело. В какой-то момент в творчестве, судьбе Муни Ходасевич увидел вариант собственной судьбы (и провидел зорко: на другом витке, перед другой, второй мировой войной, его тоже задушило, заставило замолчать безверие, отчаяние), и он испугался сухого, обжигающего разуверья, несущего беспросветный мрак. Кроме того именно в эти годы (1914-1916) пришло к нему ощущение уверенности, свободы в выборе тем, владение стихом. Жесткая тирания Муни, безжалостность и насмешливость теперь мешали: он и сам написал об этом в «Некрополе». Они привыкли не выбирать слов, больше всего на свете боялись сентиментальности (на их жаргоне это называлось «Малороссией»).

В комментариях к стихотворению «Ручей» Ходасевич написал: «Это последние стихи, прочитанные мной Муни, дня за два до его последнего отъезда из Москвы. Он зло улыбнулся и сказал: “Ну, валяй, валяй в антологическом духе. А мне уж не до того”». Это душевное отстранение друга, радость освобождения Муни чувствовал, и недоумевал, и писал жене обидные и обиженные слова о Владе, и отрекался от такой дружбы. (Несколько строчек из писем Муни к жене прочла мне, не показывая их, Л.С.Киссина).

Пытаясь освободиться от чувства вины, Ходасевич подсознательно смещал, изменял порядок событий, последовательность их: о смерти Муни он узнал в марте 1916 г., на юг выехал 4 июня, а призывные его дела разыгрывались уже в Коктебеле. Потребность немного «подправить» события явилась у него даже в 30-е гг. Что же говорить о 1916-1920 гг., когда чувство

вины было особенно живым и острым. Черновые тетради Ходасевича свидетельствуют, что он вел с другом непрекращающийся разговор. Точнее — спор.

Именно в те годы ощутил Ходасевич мощное движение истории, подчиненной тому же закону, что заставляет расти зерно. Теперь, когда не стало Муни, когда голос его умолк, поэт подхватил его образы, наполнив их новой жизнью: там, где Муни видел только «сухой и пыльный колос», — у Ходасевича он зацвел, зазеленел, рванул «сквозь трещины асфальтных плит»; там, где Муни видел ниву-кладбище, землю, «костьми обильную», — глаз Ходасевича различил иное:

И там, где червь слепой прокладывает ход,
Оно в заветный срок умрет и прорастет.

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

И ты, моя страна, и ты, ее народ,
Умрешь и оживешь, пройдя сквозь этот год, —

Затем, что мудрость нам единая дана:
Всему живущему идти путем зерна.

Вся книга «Путем зерна» — взволнованный спор с умершим другом. Обычно, комментируя эти стихи, исследователи отсылают нас к Евангельской притче (Ин, 12, 24), и конечно же, она просвечивает сквозь строки, как праоснова, пратекст, так же, как очевидна связь их с пушкинским «Сеятелем», со стихами Баратынского «Последний поэт» и «Последняя смерть», — но прежде всего они обращены к Муни, образы и представления Муни положены Ходасевичем в фундамент книги. Вот почему и посвящена она «Памяти Самуила Киссина».

И вот почему Ходасевич включил в этот сборник стихотворное переложение муниной сказки «Рыбак» (и не включал его в последующие издания): оно явилось на свет как аргумент в споре, в борьбе, — пусть это звучит парадоксально, — за жизнь друга (а возможно: и за свою). Эта сказка³¹, которую, заметьте, герой рассказывает своей племяннице, девочке, стала своеобразным мостиком, по которому Ходасевич смог перейти от «мертвенных» образов Муни к тому образу зерна, где жизнь и смерть слиты в единое целое, нераздельны, где смерть — всего лишь одно из состояний движения.

Муни пророчил конец культуры. Ходасевич даже в прощальной, трагической речи своей «Колеблемый треножник», отпев ее, предупредив о скором появлении новых людей, к культуре равнодушных,

интересы которых будут устремлены к политике и практическим областям деятельности, все-таки верил, что со временем разрыв можно будет восстановить, соединить разошедшиеся края: недаром уславливался, каким именем перекликаться в надвигающемся мраке, и имя это: «Пушкин», как пароль, пронес до конца дней.

* * *

В 1920 г., в предощущении нового жизненного витка, прощаясь с молодостью, с прошлым, он по-новому отчетливо увидел перед собой героиню «Счастливого домика» Евгению Муратову и героя своей юности — Муни. Неразлучной парой проходят они через тетради 1918-1919 гг. А в тетради 1920 г. разворачивается своеобразный роман в стихах, многофигурный, сложный, роман-воспоминание, оставшийся в отрывках, фрагментах, эпизодах, что делает его особенно достоверным, живым, как бы рождающимся на глазах.

Эта коричневая, с красными разводами, в картонном переплете, толстая тетрадь начата 27.X.1919 г.³².

Ее подарила мужу И.А.Ходасевич, написав на первой страничке: «Пусть и эта медвежачья книжка будет такая же интересная, как и предыдущая — серенькая. От Анютки. 21.X.1919 г.».

Слабой тенью промелькнет на ее страницах Дарительница: «Я не старик, ты не старушка — / Но все же — сколько лет еще накуковала б нам кукушка, / Когда б мы встретили ее?» Или — в другом варианте: «Да, светлый друг, обречены мы: / быть может, не на много лет / <А все ж мы, но... Но все ж мы здесь — неразделимы>»*. В стихотворном осколочке: «В семнадцать лет, когда до слез, до слез...» отразится Марина Рындина, но все это персонажи эпизодические.

На л. 15-ом появляется первое стихотворение, обращенное к Евгении Муратовой:

В беседе бедной [скудной, жалкой] повседневной
Сойтись нам нынче суждено.
Как было б горько и смешно
Теперь назвать тебя царевной...

Оно вошло в Собрание сочинений под ред. Д.Мальмстада и Р.Хьюза³³, но воспроизведено не совсем точно, так же, как и следующий фрагмент.

* В квадратные скобки заключены варианты, написанные, как правило над строкой; в угловые — зачеркнутые слова или строки.

На обороте л. 18-го, между стихотворениями, написанными 13 и 22 мая, читаем строки, посвященные Муни:

Нет, не хочу ни пошлой <здешней> славы,
Ни жизни мелочных забот,
Твой призрак, гордый и кровавый,
На путь иной меня зовет.

Процесс воспоминания сам становится темой стихов, он сопровождается чувством радости, освобождения от былых сердечных волнений, мечтаний, заблуждений; происходит отторжение, сбрасывания старой кожи:

<К чему скрывать?> Гляжу с отрадой,
Как прошлое уходит вдаль.
Нет, мне минувшего не жаль,
Хотя грядущего не надо.

Это не декларация, доминирующий эмоциональный строй стихов — приподнято-радостный, даже ликующий:

Душа поет, поет, поет,
В душе такой расцвет,
Какому, верно, в этот <страшный> год
И оправданья нет.

В церквах — гроба, по всей стране
И мор, и меч, и глад, —
Но словно солнце есть во мне:
Так я чему-то рад.

Должно быть, в этом мой позор,
Но что же, если вот —
Душа всему наперекор
Поет, поет, поет?

Но стоит вызвать в памяти образ Муни — появляется болезненно-тревожная нота. К Муни поэт обращается как к живому, здесь и сейчас перед ним находящемуся, в стихах Ходасевича явственно звучит голос Муни. Короткость, тревожность, взволнованность интонации отличает «Мунины стихи» этого периода. (Ср. с более ранними «Ищи меня» (1918) и «Проходят дни, и каждый сердце ранит...» (1919)).

Я хожу по острым иголкам,
Как русалка в зеленом саду...
Расставляя книги по полкам,
Все ж надеюсь, верю и жду.

В день Любви, Надежды и Веры
<сл. неразб> холод и дождь.
Мутный сумрак изжелта-серый
На сучья безлистных роц.

<О, как жутко на этом свете!
О, как скучно, должно быть, тебе,
Если здесь, в моем кабинете...>

(19.X.1920).

Если этот фрагмент, вероятно, обращен к Муни (об этом свидетельствует интонация, и оппозиция *того* и *этого* света,

которая не может разделить друзей: души с легкостью проходят границу — «Я говорю с тобою, друг заочный, на только нам понятном языке»), то следующее: «Апрельский дождик слегка накрапывал...» — все исследователи относят к стихам, посвященным Муни. Тут же записывает Ходасевич строку Пушкина, из которой выросло стихотворение: «Ты — Царь. Живи один» («Поэту», 1830), за нею следуют зачеркнутые строчки: «Один. Себе лишь одному...» «Ну вот: живу один. А где же царство? Последний раб меня богаче: он ...» Из этих горьких размышлений, как ответ на вопрос, что утрачено им со смертью Муни, чем был их союз, — и возникло стихотворение, которое имеет смысл процитировать со всеми вариантами и зачеркнутыми словами:

Апрельский [капризный, лукавый]
дождик слегка накрапывал,
Но мы с тобой сквозь дырявый зонт
Увидели небо такое синее,
Какое видит только душа. [видно только душе].

И <мы> зашатались от счастья и тяжести,
<мира пьяные>
Как может [смеет] шататься [разве] один Атлант
И то, что для встречных было безрифменно,
Огромной рифмой <с>вязало нас.

О, друг неверный, терзатель безжалостный,
Ведь мы же <по> клялись: навек, навсегда.
Зачем же после с такой жестокостью
Меня ты бросил здесь одного?

Стихотворение написано 24 июня 1920 г., а несколько раньше, 5 июня Ходасевич вызвал стихами образ царевны:

Я помню вас, дары богов:
[Вино в стаканах, сок плодов]
Сок вишен, аромат плодов,
<Беложемчужный ряд зубов,>
И стан, шнурком стесненный,
<И томный голос, и вино>
И ночь, и клятвы, и вино, Любовь без клятвы
А утром я открыл окно
На Via delle Belle Donne.

«Любовь без клятвы» вписано рядом с романсно-банальной строкой «И ночь, и клятвы, и вино». «Любовь без клятвы» — это, по Ходасевичу, — формула любви. В то время, как дружба требует клятв «навек, навсегда». Любовь — случайный дар богов, в то время как дружба требует духовного, волевого действия, выбора. Любовь навсегда осталась в прошлом, таком далеком, что может взволновать разве что юношу, которому предстоит прочесть «стихи, внушенные тобой».

Стихотворение, посвященное героине, Ходасевич начинает словами: «Увы, твой

срок прошел, царевна», правда, потом ее вычеркивает. Но вновь возвращается к этой мысли: «Я все забыл, что прежде волновало. Улыбки женщин — где они? Их нет». Образ друга не отступает в прошлое, его жизнь и судьба волнуют автора мучительно, вызывая множество разнородных чувств: боль, обиду, досаду, раскаяние. Потом сами эти чувства вышли на первый план и стали субъектом стихов, олицетворенные в леди Макбет:

Лэди долго руки мыла,
Лэди крепко руки терла.
Эта лэди не забыла
Окровавленного горла.

Лэди, лэди! Вы как птица
Бьетесь на бессонном ложе.
Триста лет уж вам не спится —
Мне лет шесть не спится тоже.
(1922).

В отрывке: «Твой призрак, гордый и кровавый...» уже был заключен отзвук шекспировской трагедии, но преобладало там не раскаяние, не чувство вины, с годами разраставшееся, — ощущение, что даже смертью своей, отказом от пошлости и ничтожества жизни, друг помогает не отступит, не оступиться, утверждает в мысли, что только жертвенный путь — путь поэта. Ни покаяние, ни эмиграция, — чужая жизнь среди других людей, другая жизнь, — не освободили Ходасевича от мыслей о Муни: как заноза, продолжал он торчать в сердце, требуя ответа на вопрос: почему это должно было с ним произойти? почему это *может* случиться? на этот вопрос частично Ходасевич ответил «Некрополем». Но на самом деле ответ рассыпан во множестве его произведений и замыслов, даже в ироническом пастише «Жизнь Василия Травникова» (1936).

Как известно, Василий Травников — поэт выдуманный, создание художественное, провозвестник душевной пустоты и безверия, рожденный мраком российской жизни. Почему же в реальность его существования поверили читатели, и читатели искушенные, литераторы (Г.Адамович, например). Мне кажется потому, что за ним стоял образ Муни. Не случайно герою своему отдал Ходасевич горькие строки из стихотворения Муни³⁴:

Шмелей медовый голос
Гудит, гудит в полях.
О, сердце, ты боролось,
Теперь ты спелый колос,
Зовет тебя земля.

Вдоль по дороге пыльной
Крутится зыбкий прах.

О, сердце, колос пыльный,
К земле, костями обильной,
Ты клонишься, дремля.

А уж дополнительным подтверждением подлинности архивных разысканий и подлинности существования поэта послужили множество знакомых литературно-исторических ситуаций и сюжетов, искусно использованных автором: влюбленность Василия Травникова в тринадцатилетнюю ученицу слишком напоминала историю Жуковского и Маши Протасовой. В памяти читателей жива еще была и книга М.Гершензона «Декабрист Кривцов и его братья», переизданная в Берлине в 1923 г.: ее герой потерял ногу в бородинском сражении. И Василий Травников потерял ногу, хотя и при других обстоятельствах. Вся «карманная» история литературы конца XVIII — начала XIX вв. использована в пастише Ходасевичем в пародийном изложении, но побудительным толчком к этой остроумной шутке все таки послужили мысли о Муни, его отказ от жизни и от поэзии.

Но сама судьба Муни странным образом стала утверждением силы слова, силы поэзии. Долгие годы Муни не печатал своих стихов, он бежал соблазна воплощения, любил повторять: «...я тень от дыма». Сколько раз Ходасевич пытался издать книгу Муни — и напрасно! В 1918 г. в «Театральном курьере» уже и объявление появилось: «В книгоиздательстве “Альциона” вышли две новые книги стихов: третья книга Владислава Ходасевича и книга покойного Муни (С.Киссина) с предисловием Ходасевича»³⁵. Ничего не получилось с «Альционой».

28 октября 1921 г. Ходасевич писал вдове друга: «Милая Лидия Яковлевна, я принципиально договорился с одним издательством относительно мунинной книги. Через месяц, (м.б., с небольшим) она уже поступит в продажу. Выйдет она одновременно со вторым изданием моей “Молодости” и по внешности будет совершенно с ней одинакова».

И этот замысел полной рифмы не осуществился: не вышли «совершенно одинаковые» книги Муни и Ходасевича. И напрасно Ходасевич донимал всех просьбами: А.И.Ходасевич, Ин.Оксенова, М.Слонимского, — пытаюсь заполучить сборник Муни из издательства «Эрато», чтобы выпустить его в Берлине. Книга Муни исчезла, затерялась.

Не осталось не только никаких вещественных доказательств бытия Муни: даже локоны его волос и карандаш — потерялись

при ограблении квартиры. И образ отца почти стерся из памяти дочки: она росла в окружении сестер В.Я.Брюсова и его вдовы Иоанны Матвеевны, Жан: в семье культивировали любовь к Брюсову, восхищение им. Муни вспоминали с горечью, чувством неясной обиды и недоумения.

Он жил и живет в произведениях Ходасевича: то в статье его, то в письмах мелькнет острое словцо Муни³⁶, муниных сюжеты, эпитеты чувствуют себя в поэзии Ходасевича естественно и свободно, как родные, а главное — весь он, душа его, мятущаяся, обуреваемая, любящая — навсегда запечатлена в стихах друга.

Примечания

1. Алфавитный список студентов Императорского Московского Университета: 1902-1903 учебный год. М., 1903. То же. 1903-1904 учебный год. М., 1904. А.В.Киссин поступил в университет в 1899 г.

2. Л.С.Киссина (р.1910), дочь поэта, познакомила меня с документами, хранящимися в семье. В дальнейшем ссылки на архив Киссиной делаться не будут: вся статья построена на материалах этого архива.

3. Зори. 1906. Вып.3. С.3.

4. В мемуарах К.Г.Локса ироничность Муни отмечена как особо запомнившаяся черточка его ума: «Муни был высокий, с огромной черной бородой, вид имел библейский. Он состоял на юридическом факультете и писал хорошие стихи, которые, впрочем, при жизни не печатал. Е.И. <Евгений Иванович Боричевский — прим. И.А.> очень любил его и чтил за редкий ум. Муни был человек трагический. Его ум не щадил никого. Роман “Алтарь победы” Валерия Яковлевича он называл “Гром победы”. Задумался над “Петербургом” Белого и сказал, что это книга “великого ужаса”. Я с ним стал спорить. Начало в альманахе “Сири” мне очень понравилось. <...> Муни подумал и добавил: “Книга великого ужаса не столько для нас, сколько для Белого.” С этим я не мог согласиться. Муни погубил его ум, выжигавший все вокруг, как серная кислота».

Великая благодарность Е.Б. и Е.В.Пастернакам, познакомившим меня с мемуарами К.Г.Локса в полном объеме. До сих пор опубликован лишь фрагмент — в сборнике «Ново-Басманная, 19», М., 1990, публикация Т.Л.Ершовой. Оригинал хранится в РГБ, копии (машинопись) — в архиве Пастернаков и архиве Е.Ф.Куниной. По сообщению Пастернаков, Б.Л.Пастернак был знаком с С.В.Киссиным: имя его упоминается в письмах Л.Б.Пастернака к Л.Г.Локсу. Письма подготовлены к публикации в альманахе «Минувшее», предположительно — в 13-ой книге.

5. Бахметьевский архив (Колумбийский университет), ф. М.М.Карповича.

6. В письме от 31 июля 1909 г. Муни писал Ходасевичу: «Очень думал о Достоевском. Это привело меня к мыслям, из прежних моих вытекающих, намечавшихся, когда я ругал Мережковских

<...>. С Белым, Мережковским и Достоевским порываю окончательно. Лично ни с тем, ни с другим, ни с третьим. Относительно третьего тоже лично. Поймешь? Что с Белым? Он мне все же дорог, хотя не нужен. В ненависти к ненависти клянусь на мече. Торжественность комическая только по форме» (РГАЛИ, ф.537, оп.1, ед.хр.66).

7. Воспроизведен в книге: Ходасевич В. Колеблемый треножник. М., 1991. С.320 (публ. А.В.Наумова).

8. РГАЛИ, ф.1714, оп.1, ед.хр.7.

9. С легкой руки мемуаристки некоторые исследователи вспомнили, что «муни» на санскрите значит «мудрец», «аскет, давший обет молчания». Такое толкование чрезвычайно соблазнительно, т.к. отвечает характеру и поведению Муни, но это всего лишь легкая переделка домашнего имени: «Мунья».

10. Шагинян М. Человек и время // Новый мир, 1973. №5. С.164.

11. Лидия Яковлевна Брюсова — младшая сестра В.Я.Брюсова (1888-1964), стала женой С.В.Кисина в 1909 г. Ее брак был вызовом семье. Она во всем жила наособицу: две ее старшие сестры Надежда Яковлевна и Евгения Яковлевна — музыкантши, преподавательницы частной школы, потом консерватории. Лидия Яковлевна занималась химией на Высших женских курсах.

12. Переписку В.Ф.Ходасевича и С.В.Кисина готовит к печати А.Б.Устинов (Стэнфорд). Много лет собирает он и предполагает издать книгой сохранившиеся произведения Муни.

13. Андрей Белый. Между двух революций. М., 1990. С.222-223.

14. В подборке «Молодые поэты» появились стихи С.Кречетова, Н.Полякова, В.Ахрамовича, Е.Янгарева и А.Койранского, который посвятил «поэту Муни» стихотворение «Был светлый день, весенне-голубой» / Новь. 1907. 18 марта.

15. Образование. 1907. №10-а. С.44.

16. Письмо Муни к Ходасевичу, июнь 1909 г. (РГАЛИ).

17. Андрей Белый. Урна. М., 1909. С.56.

18. Ходасевич В. Собрание сочинений / Под ред. Д.Мальмстада и Р.Хьюза. Ann-Arbor. 1990. — Т.II. — С.145-165, 166-177.

19. Ходасевич В. Парижский альбом: II // Дни. Париж, 1926. 13 июня.

20. Муни смешал два эпизода романа «Война и мир». Слова (по-французски): «Это на варшавской дороге, быть может», — князь Ипполит говорит на вечере Анны Павловны Шерер в присутствии Билибина (т.IV, ч.1).

21. В.Пяст в рецензии на «Счастливы домик» писал, что «образы Владислава Ходасевича обладают малой вещественностью, малой степенью воплощенности. Наиболее воплощенные, они дают все-таки не настоящее, а «нарочное»: «ситцевое царство», «магазин игрушек»...» (Отклики. 1914. №14).

22. Русские записки. Париж, 1939. Кн.19. С.181.

23. См.: Е.Я. [Янгарев Е.] У эстетов // Московская газета. 1912. 20 февраля.

24. Ф.Степун. Бывшее и несбывшееся. Лондон, 1990. Т.1. С.381-382.

25. Абрам Маркович Эфрос.

26. Это главный тон писем Муни с фронта, пошлость пугает его куда больше, нежели опасность. Вот отрывок из письма от 23 мая 1915 г.: «А зачем едят яичницу ножом, а зачем ножом режут котлеты, а зачем чмокают за едой, а зачем сестры тоже с нами едят и говорят на «о», а зачем мой сосед по комнате, доктор Хильтов утром говорит: курение табаку вредно, а днем: я полагаю, что наука не пришла к своим конечным выводам, а весь день уходит на заявления и вопросы такого же сорта? «А что такое вы понимаете под словом «индивидуальность»? А я ничего не понимаю под этим словом и ни под каким другим, а просто лежу и думаю: о, сволочи! Если самая прекрасная девушка не может дать больше, чем у нее есть, то зато всякая сволочь дает не меньше, чем у нее есть. Избавьте меня от этой пошлости. Будьте моими неоплатными должниками».

В том, что Муни несколько не преувеличивал, — убеждают страницы книги Ф.Степуна, человека иного нервного склада. Вот его описание прифронтового тыла: «...фланировали земгусары, чиновники, тыловое офицерство и так называемые «кузины милосердия», в которых я уже не видел ни малейшего сходства с милыми женщинами своего мира. Смотри на «кузин» и волочащихся за ними прапоров, я с неприязнью чувствовал, что для всех них любовь — загаженная клетка, из которой уже давно вылетела певчая птица. Недаром та болезнь, обещаниями излечить которую, обыкновенно пестрели последние столбцы газет, называлась на фронте «сестритом» и недаром прапорщик Вилинский распевал под гитару новую частушку:

Как служил я в дворниках,
Звали меня Володя,
А теперь я прапорщик,
Ваше благородие.
Как жила я в горничных,
Звали меня Лукерья,
А теперь я барышня,
Сестра милосердия»

(Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С.390-391).

27. Витольд Францевич Ахрамович (1882-1930) в 1901 г. поступил в Московский университет, откуда через год выслан в Сибирь за участие в студенческом движении; в 1905 г. — пропагандист в Сормово, затем секретарь издательства «Мусагет». После революции работает в ЧК Белоруссии, редактирует газету «Советская Сибирь». Как написано в газете «Правда» (1930. 14 марта) в некрологе: «С 1921 по 1924 гг. тов. Ахрамович на ответственных постах ОГПУ, с 1924 по день смерти на ответственной работе в ЦК ВКП(б)». Он застрелился в Петровском парке. Ахрамович, как пишет жена Г.И.Чулкова в своих воспоминаниях, любил стихи Ходасевича; с ним был в дружеских отношениях Муни, хотя и оставил

стихотворный портрет Ахрамовича, говорящий о том, что он понимал и оценивал его трезво:

В очках, согбенный и понурый,
С высоким голосом скрипучим,
Интеллигентностию мучим,
Корпит всю ночь над корректурой.
Он бескорыстный друг Чулкова,
В «Тайге» когда-то бывший ссыльным,
Он ныне голосом могильным
Читает Федора Гучкова.
Судьба! Играешь ты нечисто!
Едва ль тебе он был бы другом,
Когда б не нес он по заслугам
Прозванье морфиниста.

28. Письмо от 9 августа 1915 г. Приводится по копии А.Б.Устинова.

29. Евгений Иванович Боричевский (1883- ?) — окончил Московский университет в 1909 г. и работал учителем русского языка и литературы в московских женских гимназиях. В 1908 г., учась на историко-филологическом, он, по воспоминаниям К.Г.Локса, устраивал у себя по средам приемы в память сред Малларме, на которых бывали Ходасевич, Ю.Сидоров и др. В 1915-1916 гг. в квартире Боричевских собирався «пушкинский кружок»: «...в этой квартире был кабинет, помещавшийся в башне, шестиугольной комнате, выходящей в два переулка, и этот кабинет был нашим пристанищем на ряд лет, пристанищем духовным, ибо сюда переехала библиотека из Минска и была размещена на синих полках, доходивших до самого потолка» (К.Г.Локс). В 1922 г. в Москве вышла составленная Е.Боричевским книга «Мир искусств в образах поэзии», в 1923 г. — «О природе эстетического суждения». Затем он снова перебирается в Минск и преподает в Минском университете.

30. Ново-Басманная, 19. М., 1990. С.398.

31. «Рыбак» — вставная новелла из рассказа Муни «Лето 1907 года» — опубликована Н.А.Богомоловым в примеч. к стихотворению «Рыбак». См.: Ходасевич В. Стихотворения. Л., 1989. С.383.

32. РГАЛИ, ф.537, оп.1, ед.хр.25.

33. Ходасевич В. Собр. соч. С.458, 464.

34. Впервые ссылка на то, что Ходасевич в эссе «Жизнь Василия Травникова» процитировал строки Муни, появилась во вступительной статье А.Зорина (в свою очередь сославшегося на Д.В.Волчека) к первой в России публикации книги Ходасевича «Державин» (М., 1988. С.33-34). Там же указан источник, откуда Муни взял свой псевдоним «Беклемишев», а Ходасевич свой — «Елизавета Макшеева»: обе фамилии позаимствованы из списка актеров, участвовавших в Тамбове в представлении «Аллегорического пролога на открытие театра и народного училища» Державина.

35. Театральный курьер. 1918. 21 сентября.

36. Только два примера. Вот концовка статьи Ходасевича «Подземные родники» (1927): «Но «Перезвоны» и всяческое перезванивание симпатичны для обывателя, любящего насинженные места. Другое дело — все то, что нудит пересматривать, а в особенности решать. Это беспокойно; это стаскивает

обывателя с его самосона; это несимпатично». Или же сравните строки, написанные Ходасевичем о Горьком: «Если его уличали в уклонении от истины, он оправдывался беспомощно и смущенно, примерно так, как Барон в «На дне», когда Татарин кричит ему: «А! Карта рукав совал!» — а он отвечает, конфузаясь: «Что же мне, в нос твой сунуть?»» (Некрополь, Paris, 1976. С.270), с письмом Муни Ходасевичу от 31 июля 1909 г.: «Если Мережковского уличают: «Зачем карта рукав совал?». Отвечает: «Что же мне ее в нос сунуть?». По-своему прав, ибо шулер природный» (РГАЛИ). Таких примеров множество.

Приложение I.

Библиография произведений Муни (С.В.Кисина)

Стихи

Монахиня // Зори. — 1906. — Вып. 3. — С.3. — Подпись: Муни.

I. «Пруд глубокий, илистый...»; II. «И в глубокой тоске озерной...» // Новь. — 1907. — 2 марта. — (Молодые поэты). — Подпись: Муни.

«Я — царевна пленная...» // Перевал. — 1907. — №8/9. — С.29-30. — Подпись: Муни.

Октябрь // Литературно-художественная неделя. — 1907. — 1 октября; То же: Чтец-декламатор. — Киев, 1909. — С.524. — Подпись: Муни.

XVIII-му («О, милый век, изнеженно-манерный...») // Голос Москвы. — 1907. — 14 октября. — Подпись: М...

В саду: (Сонет) // Там же. — 1907. — 17 октября. — Подпись: М...

«Не тянет глубь, не манит высь...» // Час. — 1907. — 4 ноября. — Подпись: Муни.

«Сухой осенний резкий воздух...»; Сумерки: I. «Окна завешаны шторами...»; II. «Стучится в дверь рука упрямая...» // Корабли: Сб. стих. и прозы. — М., 1907. — С.136-137. — Подпись: Муни.

Вакханты // Русская мысль. — 1908. — Кн. VIII. — С.70. — Подпись: Муни.

«Не скажу тебе, зачем я...» // Там же. — 1908. — Кн. IX. — С.86. — Подпись: Александр Беклемишев.

Сонет («Вставал закат, блистателен и строг...») // Там же. — 1908. — Кн. X. — С.133. — Подпись: Муни.

«Голодные стада моих полей...» // Там же. — 1908. — Кн. XII. — С.143. — Подпись: Александр Беклемишев.

На озере // Кристалл: Альманах. — Харьков, 1908. — С.46. — Подпись: Муни.

«В улыбке Ваших губ, скептической и нежной...» // Кривое зеркало. — 1910. — №23. — С.10. — Подпись: С.Кисин.

«Пусть дни идут. Уж вестью дальней вея...» // Антология. — М., Мусaget, 1911. — С.95. — Подпись: С.Кисин.

Стихи / Предисл. ред. // Понедельник. — 1918. — 3 июня. — Содерж.: I. Домашний Наполеон; II. Лень моя; III. «У калитки куст крапивы...»; IV. «Шмелей медовый голос...»; V. Ранняя осень. — Подпись: С.Кисин.

Крапива // Беседа. — Берлин, 1923. — №3. — С.161-162. — Содерж.: I. «У калитки куст крапивы...»; II. «Где водоем старинный пуст...». — Подпись: С.Кисин.

Рецензии (под псевдонимом Эрмий)

ХII сб. Т-ва «Знание», СПб, 1906 // Перевал.
— 1906. — №2. — С.66.

«Грядущий день». Сб. I. Изд. СПб. литературно-студенческого кружка // Там же. — 1907. — №4. — С.70.

XV сб. Т-ва «Знание», СПб, 1907 // Там же. — 1907. — №8/9. — С.98-99.

(Вальди) Владимир Бонди. Миражи. СПб, 1907 // Там же. — 1907. — №11. — С.69-70.

Петр Альтенберг. На берегу озера. Пер. Л.Грек // Там же. — 1907. — №12. — С.64.

Сб. «Проталина». СПб, 1907 // Литературно-художественная неделя. — 1907. — 24 сентября.

«Белые ночи». Петерб. альманах. СПб, 1907 // Там же. — 1907. — 1 октября.

К психологии графоманов // Час. — 1907. — 4 ноября.

Приложение II.
Стихи Муни

На даче

Я дремлю. И мне грезятся пагоды
В позабытой священной стране.
С бузины тихо падают ягоды
На раскрытую книгу ко мне.

Мой гамак меж берез не качается.
Неподвижно застыл.
Жаркий ветер подул. Поднимается
Придорожная пыль.

Полонен я полднейной истомою.
Не встревожить меня. Не вспугнуть.
Слышу, кто-то походкой знакомою
Переходит заезженный путь.

Я почуял тебя еще издали,
Уловил торопящийся шаг.
И глаза мои зоркие видели
Васильковый венок в волосах.

Но закованный сладкою дремою,
Я навстречу тебе не пойду.
Полонен я полднейной истомою
В придорожном и пыльном саду.

Дача, садик, дорожки знакомы мне,
Словно годы лежал я здесь так,
Словно издавна мне уготованы
Жаркий полдень и шаткий гамак.

* * *

В моей крови усталость, темный яд,
Тяжелой жизни праотцев осадок.
Уж с детства был мне только отдых сладок
И праздность жизни выше всех наград.

О, лень моя! ты вожделенный сад,
Где ясен день, где небо без загадок,
Где искрится игрою праздных радуг
Мечтаний неустанный водопад.

О, лень моя! ты дышащая мгла,
Ты хаос, где рождаются тела,
Ты мать бесплодная, ты сладострастья

Исполненная женщина, ты стон
Мучительного, призрачного счастья.
Ты боль. Ты радость. Ты любовь. Ты сон.*

* * *

Уж не Армидины ль сады
Перенеслись в именье Бера?
Иль это — сон, мечта, химера?
Рассеется — и где следы?

Там внемлешь сладостный глагол
Неумолкаемых фонтанов,
Там золотистый ореол
Взрастил на темени Иванов.

Веков и стран далеких весть,
Он пламенник в полднейном зное,
— Сто лет живет, чтобы расцвести
Благоуханное алоэ.

Там Юргис, дик и одинок,
Безмолвно высит ствол тяжелый.
Блажен, кто раз услышать мог
Его суровые глаголы!

Блажен, кто зрел улыбку уст,
Что навсегда сурово сжаты.
О, Юргис, Юргис, дикий куст,
Без шелеста и аромата.

* * *

И вот достигнута победа,
И, птицею взмывая, ты
Венчаешь подвиг Архимеда
И Винчи вещи мечты.

Но пусть с решимостью во взоре
Летишь ты, новых дней Икар.
Тебя не солнце ввергнет в море,
А легкий рычага удар.

А солнце — где? А небо? Выше,
Чем в оный день над Критом, ты
Кружишься над ангара крышей,
Бескрылый раб чужой мечты.

Железных крыльев царь и узник,
Кружишь, нам весел твой полет.
И Феб, не враг и не союзник,
Тебя презреньем обдаст.

Наполеону**

Не в треуголке на коне,
В дыму и грохоте сражений,
Вспоминаешься ты мне,
Веков земли последний гений,

Не средь пустынь, где вьется прах,
Не в Риме в царских одеяньях, —
Ты мил мне в пушкинских стихах
И в гейневских воспоминаньях.

* * *

У калитки куст крапивы.
Пыльный полдень, жаркий день.
По забору торопливо
Пробегаящая тень.

Ну, так что ж, что день мой скучен,
Ну, так что ж, что пуст мой сад,
Что с печалью неразлучен
Мой сухой и мутный взгляд.

Жду, и жду, и жду упорно,
Жду, как ждет земля и сад:
Вот, — рассыпанные зерна —
Капли в крышу застучат.

С свежим ветром, с гулким треском
Взрежет небо синий змей,
И зажжет лучистым блеском
Пыль и зной души моей.***

* * *

Где водоем старинный пуст,
Расту, крапивы тощий куст,

Полдневный ветер налетит,
Зашелестит и запылит.

Я — в волосках, меня не тронь,
Мой каждый волосок — огонь.

Коснется ль нежная рука —
Я обожгу ее слегка,

Сожмет ли грубая ладонь —
В нее пролью я свой огонь.

Ах, ни любви и ни обид
Сухсе сердце не простит.

Ранняя осень

Воздух легкий, как забвенью,
Еле слышный листьев шелест.
Только будто Парки пенью,
Только будто смертью веет.

Не скрываясь, не играя,
Нити ножницами режет,
Не сердитая, не злая,
Иронически и нежно...

---

* Вошло в подборку стихов, опубликованных скорее всего Ходасевичем, в газ. «Понедельник», М., 1918 г. от 3 июня (21 мая), №14. Озаглавлено «Лень моя». Напечатано с некоторыми разночтениями и в пунктуации, и в тексте: «шевелиются тела». Мы отдавали предпочтение текстам Муни, записанным в тетради Л.Я.Брюсовой.

** В той же подборке, с заглавием «Домашний Наполеон».

*** Напечатано Ходасевичем в «Беседе», как первое стихотворение цикла «Крапива», за которым вторым шло следующее. В тетради отсутствует, приводим его по публикации в журнале.

А.Л.Соболев

«Грядущее» Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус

В существующих на настоящий момент опытах описания биографии Д.С.Мережковского и З.Н.Гиппиус эпизод с изданием газеты «Грядущее», насколько нам известно, не упоминается ни разу. Однако, в реальной биографии писателей эта история оказывается весьма существенной в силу своей хронологической позиции: она приходится на лето 1917 года — время политического самоопределения Мережковских, оказавшего значительное влияние на их дальнейшую судьбу.

Мережковским постоянно не везло с попытками свободной и публичной авторефлексии. Нет нужды подробно останавливаться на достаточно известных историях неудачных поползновений влиять на идеологию «Северного вестника»¹ и «Мира искусства»². Более удачными в этом отношении были годы издания «Нового пути» — единственного журнала, где Мережковский и Гиппиус могли, хотя в известных пределах, высказывать свои взгляды, не слишком сообразуясь с мнением коллег по журналу. Однако, здесь в игру вступали факторы внелитературные — и цензурные преследования вкпе со стремительно надвигавшимся банкротством заставили их передать бразды правления группе философов, мгновенно ужесточившей контроль над публицистическим отделом до такой степени, что Мережковские были вынуждены выйти из состава редакции. Революция 1905 года, принеся кардинальные изменения в журнальной практике, немного помогла им в решении своих задач. В высшей степени символической выглядит история с газетой «Утро» и журналом «Образование»: после многомесячных переговоров была достигнута договоренность о переходе управления ими в руки Мережковских, последние мгновенно развили кипучую деятельность по оповещению потенциальных единомышленников и едва успели собрать и заказать материалы для первых номеров, как соглашение внезапно было расторгнуто, и несостоявшаяся редакция успела выпустить один (!) номер газеты, своим символистским составом выгодно выделяющийся в годовой подшивке этого чрезвычайно унылого печатного органа.

На этом фоне утешительно смотрятся кратковременные эпизоды, когда Мережковским удавалось оказывать определяющее влияние на редакционную политику «Русской мысли» и «Голоса жизни» — но в обоих случаях это продолжалось не больше года. Естественно, что в остальное время статьи, стихи и

проза Гиппиус и Мережковского продолжали появляться в печати — не могло быть и речи о единодушном бойкоте, характерном для ситуации 1890-х гг. Однако жалобы на удручающую придирчивость редакций, с которыми им приходилось сталкиваться, лейтмотивом звучат в письмах на протяжении почти всего литературного пути Мережковских. Парадокс заключался в том, что Мережковским, едва ли не единственным из современников-символистов, было органически необходимо публично вербализовать любое изменение их прихотливой философской и эстетической платформы. И затруднительность, а порой и невозможность свободного изложения своих взглядов заставляла их изобретать неожиданные способы достижения этой цели.

Одним из периодов вынужденного молчания становится лето 1917 года, которое Мережковские проводят в Кисловодске. Сложность почтовых сообщений оборачивается для них практически полным неучастием в бурных общественных потрясениях, происходящих в Петрограде. Одним из способов преодолеть эту отторгнутость оказывается для Мережковских издание эфемерной газеты, которой и посвящена настоящая заметка.

12 августа 1917 года Гиппиус пишет В.А.Злобину: «Пошлите что-нибудь (все равно что, абсолютно) в кисловодскую газету “Грядущее”, устроенную главным образом нами, мною и Дм.Влад.³; мы там оба подвигаемся (Дм.Вл. целый фельетон написал!). Какую хотите заметку, старые стихи, о чем угодно, свобода самая последняя»⁴. В настоящее время нам известно два номера этой газеты — за август и за сентябрь 1917 г.; №1 хранится в газетном фонде РГБ (шифр С1 42/64), №1 и 2 — в РПБ (шифр Р 2/2112). Данные, которые позволили бы окончательно решить вопрос о том, закончилось ли издание на 2-м номере, нам неизвестны. Оба экземпляра этой подборки просмотрены «de visu».

1. См.: Иванова Е.В. «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1809-1904. М., 1982. С.116-127.

2. Корецкая И.В. «Мир искусства» // Там же. С.140-141.

3. Д.В.Философов.

4. ОР РПБ, ф.481, ед.хр.41, л.9 об.

ГРЯДУЩЕЕ. ГАЗЕТА МОЛОДЕЖИ.

Адрес редакции: Кисловодск, Эмировская, 14.
Ответственный редактор: М.Барановская.

№1. Август 1917. 4 с.

Чего мы хотим.

Део М. <Джанумян М.>¹. Россия — одна: [Стихотворение].

Мережковский Д.С. О Патриотизме: (Отрывочные заметки).

Антон Крайний <Гиппиус З.Н.>. Соколов, Керенский, «Приказ № 1-й».

Злобин В. «Нет времени и нет пространства...»². Анненский В. В деревне.

Дядя Мика <Философов Д.В.>³. «Ничего подобного!»: (Маленький фельетон).

Део М. <Джанумян М.>. З.Н.Г.: Триолет.

Гиппиус З. Чья Россия?: (Разговор на царской площадке).

Део М. <Джанумян М.>. О.Барановской: [Стихотворение].

Барановская О. Родина: [Стихотворение].

Барановская М. Для чего мы издаем этот журнал? Ego [В огл.: Vega]. «Древняя литература».

Барановская О. По поводу.

Alter Ego. Критика и полемика.

№2. Сентябрь 1917. 4 с.

Джанумян М. (Део). России: [Стихотворение].

Гиппиус З. Рано?: [Стихотворение]⁴.

Антон Крайний <Гиппиус З.Н.>. Лики главных газет.

Подросток. Несколько слов о религиозном вопросе.

Vega. «Жертвы войны».

Франгопуло Маризетта. Легенда: [Стихотворение].

Слиозберг О. Когда ветер свищет: [Стихотворение].

В.А. Дружнее к свету!

Философов Д. Великая артистка: (М.Савина).

Злобин М. <!> Критика и полемика.

Примечания

1. Морис Джанумян (род. ок. 1900) — одна из самых колоритных фигур окружения Гиппиус в 1917 г. Помимо публикаций в «Грядущем» и ряда рукописных текстов, отложившихся в архиве Ф.Сологуба (ИРЛИ, ф.289, оп.6, ед.хр.14) известен цикл его переводов: Из О.Туманиана. Перев. М.Део (Джанумяна) // Армянский вестник. 1917. №25. 25 июня. С.9. Подробную историю знакомства с ним Гиппиус описывает, отправляя Сологубу несколько его стихотворений 29 декабря 1917 г.: «Морис Джанумян — реалист, худенький ребенок (ему... «будет 17 лет», как он сказал), сын какого-то маленького банковского чиновника, мало-интересного армянина. («У меня только мать с гимназическим образованием»). Севернее Ростова этот самый Морис не бывал, никогда ни одного не только писателя, но даже пишущего человека не видал и ни с одним из них не имел даже письменных

сношений (и не искал их). Я видела его раза три в Кисловодске, у знакомых, где затевался полудетский журнал. Морис прислал для него стихи и я его чуть не насильно вызвала в «редакцию». После этого вы подумаете, что его «феноменальность» я вижу в какой-нибудь неслыханной гениальности стихов. Ничуть! Дело гораздо любопытнее. Этот 16-ти летний шушинский реалист феноменален своей беспримерной литературной культурностью. Представьте себе, что нет ни одного современного писателя и поэта, книг которого у него бы не было, а более значительные у него даже во всех изданиях. И собирал, выписывал он книги не кое-как, а с такой не-русской любовью, и так он все знает и понимает, что мы рты разинули. <...> Вообразите, словом, Семена Венгерова, юного, умного, глубокого, талантливого, сидящего на своих сокровищах, которые собраны им самим, одним, без помощника, без связей, даже без единого человека рядом — на краю света, за 200 верст от железной дороги, в Шуше!» (ИРЛИ, ф.289, оп.3, ед.хр.183, л.51-52).

2. Злобин Владимир Ананьевич (1894-1967) — поэт. В эмиграции — литературный секретарь Мережковских. Стихотворение было напечатано в альманахе «Арион» (Вып.1. Пб., 1918), републиковано: Дружба народов. 1991. №6. С.155.

3. Дядя Мика — персонаж пьесы Гиппиус «Зеленое кольцо» (Пг., 1915), имеющий некоторые сходные черты с Д.Философовым. Основной пафос пьесы — идея всепобеждающей молодости — отчетливо читается в программных материалах «Грядущего». Основой для атрибуции этого материала Философову является также упоминание в цитированном выше письме Гиппиус Злобину. Ср. также фрагмент переписки между Философовым и Сологубом на заседании Религиозно-философского общества в 1915 г.: «[Д.Ф.] А вы как себя чувствуете, дедом, отцом или сыном? Я — дед, поощряющий детей. Д.Ф. [Ф.С.] Вы — дядя Мика, а не дед. А кто я, я не знаю» (ОР РГБ, ф.481, ед.хр.148, л.1; запись 1 марта 1915 г.)

4. Насколько нам известно, стихотворение Гиппиус не перепечатывалось с момента публикации в «Грядущем». Приводим его по тексту газеты:

Рано?

Святое имя среди тумана
Звездой далекой дрожит в ночи.
Смотри и слушай. И если рано —
Будь милосерден, — молчи! молчи!
Мы в катакомбах; и не случайно
Зовет нас тайна и тишина.
Все будет явно, что ныне тайно,
Для тех, чья тайне душа верна.

Игорь Северянин в Эстонии

Материалы к библиографии

Памяти Рейна Крууса

«Прежде всего, я не эмигрант и не беженец. Я просто дачник. С 1918 г. <...> Всегда был вне политики», — так летом 1930 г. представился Игорь Северянин советскому полпреду в Эстонии Ф.Ф.Раскольникову¹. Как известно, с марта 1918 г. поэт казался отрезанным от России в маленьком курортном местечке Тойла, где он снимал сезонно в предреволюционные годы дачу². За несколько лет вынужденной изоляции он пришел к выводу, что его положение здесь, в Эстонии, совершенно особенное, «дачное». Он полагал, что об этом должны знать и в России, до которой только леность и семейные дела не позволяют добраться.

Со временем, однако, положение это изменилось. Затянувшаяся «дачная жизнь» оборачивалась бессрочной эмиграцией. В 1921 г. Северянин принял эстонское гражданство и вступил в единственный в своей жизни законный брак с поэтессой Фелиссой Михайловной Круут, эстонкой по национальности. Это было начало совсем иной жизни, «всерьез», которую он никогда не планировал и к которой не был готов.

Об «эстонском периоде» (1918-1941) жизни Игоря Северянина говорить сложно — особенно, если опираться на его собственные свидетельства тех лет (эпистолярное наследие, мемуары). Письма Северянина к зарубежным корреспондентам, в частности к Августе Барановой³, создают тягостную картину полного забвения поэта не только эстонской интеллигенцией, но и собственно русской эмигрантской колонией. Думается, что истоки не один десяток лет просуществовавшего мифа о «тойласком отшельничестве» следует искать прежде всего в самом Игоре Северянине (в частности, в его переписке, которую он вел в 20-30 гг.). Конечно, по сравнению с огромными тиражами и бесчисленными переизданиями предреволюционной поры, количество книг и публикаций поэта в эстонской периодике упало. Очевиден и факт полного отсутствия рецензий на книги Северянина в эстонской русскоязычной прессе (тем более непонятный, что книжные новинки Эстонии, как правило, обстоятельно отмечались П.М.Пильским, С.В.Штейном, Я.В.Воиновым, Л.Ф.Лучининым и др. постоянными рецензентами). Однако, «эстонская» библиография Северянина сви-

детельствует, что положение было не столь трагическим, как склонен был рисовать его сам поэт. С 1919 по 1939 гг. в Эстонии (Таллинн, Юрьев, Нарва) было издано девять книг поэта, из которых три — переводы.

Crème des violettes: Избранные поэмы. — Юрьев, 1919. — 124 с.;

Pühajõgi: Эстляндские поэмы. — Юрьев: Одамезс, 1919. — 68 с. — На тит. дата: 1919;

Вервэна: Поэмы 1918-1919 гг. — Юрьев: Одамезс, 1920. — 103 с. — (Собрание поэм; Т.11);

Колокола собора чувств: Автобиографический роман в 3-х частях. — Юрьев, 1925. — 18 с.;

Роса оранжевого часа: Поэма детства в 3-х частях. — Юрьев — Тарту: Вадим Бергман, 1925. — 77 с.;

Адриатика. — Нарва: Изд. авт., 1932. — 32 с.;

Поэты Эстонии: Антология за 100 лет (1803-1902) / Пер. с эст. Игоря Северянина, Обл. А.Гринева. — Юрьев, 1929. — На обл. дата: 1928;

Раннит А. В оконном переплете / Пер. с эст. Игоря Северянина; Рис. К.Лутс, Лийвика. — Таллинн: Акад. союз объединен. искусств, 1938. — 63 с.; ил.: 1.

Виснапуу Х. Полевая фиалка / Пер. с эст. Игоря Северянина. — Нарва: Изд. переводчика, 1939. — 21 с.

Стихи Игоря Северянина были представлены также в двух коллективных сборниках:

На помощь! = Appri!: Лит. юмор. сб. на рус. и эст. яз. / Студ. отд-е Эстлянд. Красного Креста помощи голодающим в России. — Ревель, 1921 — 30 с.;

Via Sacra / Обл.Ахас. — Юрьев, 1922. — 300 с. — На обл. дата: 1923.

В эти же годы Северянин устанавливает тесные связи с русскими периодическими органами в Эстонии. Его библиография свидетельствует, что с 1918 по 1940 гг. он был одним из наиболее часто публикуемых русских авторов в Эстонии. Так, центральная ревельская газета «Последние известия» вплоть до 1926 г. (повлекшего за собой изменения в редакционном составе газеты) числила Игоря Северянина своим постоянным сотрудником. Произведения его на протяжении более чем двадцатилетнего периода регулярно печатали следующие русские газеты в Эстонии: «Вести дня» (Таллинн, 1926-1940); «Наша газета» (Таллинн, 1927-1928); «Родина» (Печеры, 1929); «Свобода России» (Таллинн, 1919-1920); «Свободное слово» (Таллинн, 1921); «Старый нарвский листок» (Нарва, 1925-1940). Почти все стихотворения, написанные в эмиграции и включенные позже поэтом в отдельные сборники, имели первую газетную публикацию в Эстонии. Отметим также, что при столь тесном сотрудничестве Северянин был редким гостем в редакциях русских

Данная публикация представляет собой фрагмент монографии «Русская печать в Эстонии: Библиографические и справочные материалы к изучению культурной жизни русской эмиграции стран Балтии. 1918-1940», готовящейся к изданию.

журналов. Лишь «Витязь» (Таллинн, 1939-1940; в 1939 г. Северянин вошел в состав жюри литературного конкурса, устроенного этим журналом) и «Эмигрант» (Таллинн, 1924-1925) поместили на своих страницах его сочинения.

В 1940 г. ввиду обозначившейся политической нестабильности Эстонии, резкого ухудшения физического состояния и острого финансового кризиса Северянин через своего старого друга Г.А.Шенгели развивает настойчивую деятельность о возвращении в СССР. Известно, что в преддверии отъезда он вел переговоры по поводу выхода там своего поэтического сборника «Из последних стихотворений». В 1941 г. в журналах «Красная новь» и «Огонек» появилось несколько его стихотворений. Однако благодаря исключительной вылости, проявленной советскими

властями к этому вопросу, дело двигалось чрезвычайно медленно. Вторая мировая война и последовавшая зимой 1941 г. смерть поэта стали его естественной развязкой.

1. См.: Северянин И. Визит полпреда // Северянин Игорь. Сочинения / Сост. С.Исаков, Р.Круус. — Таллинн: Ээсти раамат, 1990. — С.423.

2. 14(27) февр. и 26 февр. (9 марта) в Москве в Политехническом музее состоялись два последних выступления Северянина на родине. Не позже 23 марта (6 апр.) Северянин вернулся в Тойла.

3. Северянина Игорь. Письма к Августе Барановой: 1916 — 1938 / Сост., подг. текста, введение и коммент. Б.Янгфельдта и Р.Крууса. — Stockholm, 1988.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА

I. Оригинальные стихотворения и поэмы

Поэза о Эстонии // Свобода России. — 1919. — 13 нояб. — №48. — С.3. — Дата и место написания: Февр.-нояб. 1919 г., Тойла.

Поэза сострадания // Последние известия. — 1920. — 19 авг. — №6. — С.2. — Дата написания: 1919 г.

На смерть Собинова // Там же. — 1920. — 3 сент. — №19. — С.2. — Место написания: Тойла.

Малиновый бергеусе // Там же. — 1920. — 4 сент. — №20. — С.2. — Место написания: Тойла.

Люди ли вы? // Там же. — 1920. — 18 сент. — №32. — С.2.

Поэза летней встречи // Там же. — 1920. — 21 сент. — №34. — С.2. — Место написания: Тойла.

Их культурность // Там же. — 1920. — 6 окт. — №47. — С.2. — Место написания: Тойла.

«Уже в прославленном кафе...»: Отр. из стихотв. «Письмо из Парижа» // Там же. — 1920. — 12 окт. — №52. — С.2.

Письмо из Парижа // Там же. — 1920. — 28 окт. — №65. — Место написания: Тойла.

Терцины — колибри // Там же. — 1920. — 22 дек. — №112. — С.2. — Место написания: Тойла.

Поэза моих наблюдений // Там же. — 1921. — 14 янв. — №10. — С.2. — Место написания: Тойла.

Любовь — жертва // Там же. — 1921. — 6 марта. — №52. — С.3.

По грибы — по ягоды // Там же. — 1921. — 21 марта. — №66. — С.3. — Место написания: Тойла, Eestî.

Медуза // Свободное слово — 1921. — 25 мая. — №30. — С.2.

Триолет // Там же. — 1921. — 3 июня. — №38. — С.2.; То же: Последние известия — 1925. — 11 июля. — №55. — С.2. — Дата и место написания: 1920-1921 гг., Тойла.

Кензель VI // Последние известия — 1921. — 6 июня. — №134. — С.2. — Место написания: Тойла.

Поэза через залив [Посвящается кн. В.Н.М.-ой] // Свободное слово — 1921. — 10 июня. — №44. — С.2. — Место написания: Тойла.

Поэза дополнения // Последние известия. — 1921. — 18 июня. — №146. — С.2.

Молитва Мирре [Лохвицкой] // Там же. — 1921. — 20 июня. — №148. — С.4.

Расцвет сирени культивированной // Свободное слово. — 1921. — 21 июня. — №53. — С.2.

С утесов Эстонии: Риторнель // Там же. — 1921. — 28 июня. — №60. — С.2. — Дата и место написания: нояб. 1920 г., Тойла, Eestî.

Икра и водка // Последние известия. — 1921. — 4 июля. — №161. — С.4.

Алая монахия // Свободное слово. — 1921. — 10 июля. — №69. — С.2. — Место написания: Тойла.

Долой политику! // Там же. — 1921. — 18 июля. — №75. — С.2. — Дата и место написания: 7 июня, Тойла, Eestî.

Хвала полям // Там же. — 1921. — 20 авг. — №104. — С.3.

На смерть Блока // Там же. — 1921. — 22 авг. — №103. — С.3. — Дата и место написания: 17 авг. 1921 г., Тойла.

Мирре Лохвицкой. 1905 — 27 авг. — 1920 // Там же. — 1920. — 27 авг. — №13. — С.2.

Это — она // Там же. — 1921. — 24 сент. — №232. — С.2.

Два цветка // На помощь. — 1921. — С.14.

Канцона // Там же; То же: Последние известия. — 1921. — 6 марта. — №52. — С.1. — Место написания: Eestî, Aaluja.

Поэза о старых размерах // Последние известия. — 1922. — 12 янв. — №436. — С.3. — Место написания: Тойла.

Роса оранжевого часа: Отрывки из автобиографической поэмы: Ч.1 // Там же. — 1923. — 30 нояб. — №301. — С.2; Ч.3. Там же. — 1924. — 19/20 апр. — №104. — С.4. — Место написания: Тойла.

Dame d'Azov // Там же. — 1923. — 31 дек. — №327. — С.2. — Место написания: Тойла.

Барельеф // Там же. — 1924. — 26 июня. — №161. — С.3.

Бессмертная поэза [Посвящается О.В.Гзовской] // Там же. — 1924. — 11 июля. — №176. — С.3. — Дата написания: 1921 г.

Что шепчет парк // Там же. — 1924. — 3 авг. — №199. — С.3.

Моя Россия // Там же. — 1924. — 13 авг. — №209 (юбилейный номер). — С.2; То же: Старый нарвский листок — 1932. — 4 июня. — №60. — С.2. — Дата написания: 1924 г.

Дорожные импровизации (I) // Последние известия. — 1924. — 22 авг. — №217. — С.2. — Дата и место написания: 14 авг. 1924 г., пароход «Rugen».

Дорожные импровизации (II) // Там же. — 1924. — 31 аь — №226. — С.3. — Дата и место написания: 23 авг. 1924 г., Берлин.

- Дорожные импровизации (III) // Там же. — 1924. — 30 сент. — №252. — С.3. — Место написания: Варшава.
- Дорожные импровизации (IV) // Там же. — 1924. — 10 окт. — №235. — С.3. — Дата написания: 5 сент. 1924 г.
- Дорожные импровизации (V) // Там же. — 1924. — 17 окт. — №242. — С.3. — Место написания: Варшава.
- Пенсионеры двух «мадам» // Там же. — 1924. — 31 окт. — №279. — С.3.
- «В наш век, когда плешивый Эрос...» // Там же. — 1924. — 24/25 дек. — №327. — С.7.
- Увертюра: Из сб. «Литавры солнца» («Гремят лучистые литавры...») // Там же. — С.6. — Место написания: Тойла.
- Пять рондо // Эмигрант. — 1924. — №1. — С.32.
- «В мой юбилей двадцатилетний...» // Последние известия. — 1925. — 3 янв. — №1. — С.3. — (Из новогодних пожеланий, поступивших в редакцию «Последних известий»).
- Юный старец // Там же. — С.2. — Место написания: Тойла.
- Рондо о поцелуях // Там же. — 1925. — 22 янв. — №17. — С.3.
- Колыбель культуры новой // Там же. — 1925. — 31 янв. — №25. — С.3. — Место написания: Тойла.
- Чем они живут // Там же. — 1925. — 8 марта. — №55. — С.3
- Предупреждение // Там же. — 1925. — 12 февр. — №35. — С.3
- Секстина XIII // Там же — 1921. — 13 марта. — №59. — С.3 — Место написания: Тойла, Eesti.
- Усталые строфы // Там же. — 1925. — 27 марта. — №71. — С.3
- Слова солнца // Там же. — 1925. — 2 апр. — №76. — С.2 — Дата написания: март 1925 г.
- Грустная гнусь // Там же. — 1925. — 20 мая. — №113. — С.3. — Дата и место написания: 16 мая 1925 г., Берлин.
- Отрывок («Я заключил себя в монастыре...») // Там же. — 1925. — 27 июня. — №143. — С.3. — Место написания: Тойла.
- Западная поэза // Там же. — 1925. — 3 июля. — №148. — С.3. — Место написания: Тойла.
- «Взыскатель полног безлюдья...» // Там же. — 1925. — 2 авг. — №174. — С.2
- Шатенка в розовом // Там же. — 1925. — 6 сент. — №204. — С.3. — Дата и место написания: 28 авг. [1925 г. ?], озеро Ульясте.
- Что нужно знать // Там же. — 1925. — 18 окт. — №240. — С.3. — Дата и место написания: 1925 г., Тойла.
- Русские вилы // Там же. — 1925. — 22 окт. — №243. — С.3. — Дата написания: 1925 г.
- Ее питомцы // Старый нарвский листок. — 1925. — 24 окт. — №16 — С.2.
- Апофеоз // Последние известия. — 1926. — 3 янв. — №1. — С.2. — Место написания: Тойла.
- Veneris vena // Там же. — 1926. — 20 янв. — №14. — С.3. — Место написания: Тойла.
- Локарно // Там же. — 1926. — 9 февр. — №31. — С.3. — Место написания: Тойла.
- На земле в красоте // Там же. — 1926. — 17 февр. — №38. — С.2. — Дата и место написания: 1925 г., Тойла.
- «Не устыдись, склонив свои колена...» // Там же. — 1926. — 3/4 апр. — №75. — С.3; То же: Витязь. — 1939. — №1/2. — С.16.
- Пушкин. Ко «Дню русской культуры в Нарве» // Вести Дня. — 1926. — 1 окт. — №1. — С.3
- Улы красоты // Там же. — 1926. — 19 окт. — №19. — С.3
- Бетховен // Наша газета. — 1927. — 17 апр. — №23. — С.5
- Верди // Там же.
- Бизе // Там же. — 1927. — 24 апр. — №28. — С.4.
- Жюль Верн // Там же. — 1927. — 8 мая. — №40. — С.3.
- Конан-Дойль // Там же.
- Арцыбашев // Последние известия. — 1927. — 12 мая. — №112. — С.3. — Место написания: Тойла.
- Реймон // Наша газета. — 1927. — 18 мая. — №48. — С.2.
- Э.Ожешко // Там же.
- «Партийность — источник всех зол и всех бед...»: [Стихотв. ответ на анкету «Неотложные задачи»] // Родина. — 1929. — 7 марта. — №1. — С.1. — Место написания: Тойла.
- Двадцать восемь // Русский вестник. — 1932. — 17 мая. — №20. — С.4.
- Бывают дни... // Старый нарвский листок. — 1933. — 25 мая. — №56. — С.2.
- Моей жене // Вести дня. — 1934. — 26 сент. — №225. — С.2.. — Дата и место написания: 7 мая 1934 г., Кишинев.
- Она разлюбит // Там же. — 1934. — 12 окт. — №229. — С.2. — Дата и место написания: 1934 г., Тойла.
- Стареющий поэт // Там же. — 1934. — 15 окт. — №241. — С.2. — Дата и место написания: 1934 г., замок Вурберг над Дравой, Словения, Югославия.
- Богобоязнь // Русский вестник. — 1934. — 16 окт. — №64. — С.2. — Дата и место написания: 1934 г., Тойла.
- Маленькая женщина // Вести дня. — 1934. — 17 окт. — №243. — С.2.
- Не по пути // Там же. — 1934. — 19 окт. — №297. — С.2. — Место написания: Тойла.
- Звон лилий // Там же. — 1934. — 22 окт. — №247. — С.2. — Дата и место написания: 1934 г., Дубровник, Югославия.
- Серенький домик // Там же. — 1934. — 25 окт. — №250. — С.2. — Дата и место написания: 1934 г., Тойла.
- Вешняя гроза // Там же. — 1934. — 30 окт. — №254. — С.2. — Дата и место написания: 1934 г., Кишинев.
- Александр I — король Югославии: Сонет // Там же. — 1934. — 12 нояб. — №265. — С.2
- Живут себе // Там же. — 1934. — 23 нояб. — №275. — С.2
- Будь справедлив // Там же. — 1934. — 13 дек. — №292. — С.2
- Они еще живут // Там же. — 1935. — 11 янв. — №10. — С.2. — Место написания: Тойла.
- «Знакомы мне...» // Там же. — 1935. — 17 янв. — №15. — С.2. — Место написания: Тойла.
- Одному ребенку // Там же. — 1935. — 24 янв. — №21. — С.2. — Место написания: Тойла.
- «Я к морю сбегая...» // Там же. — 1935. — 26 янв. — №23. — С.2.
- На дровнях // Там же. — 1935. — 30 янв. — №26. — С.2.
- Забуду ль Вас? // Там же. — 1935. — 1 февр. — №28. — С.2. — Место написания: Тойла.
- Теперь домой! // Там же. — 1935. — 11 февр. — №36. — С.2. — Место написания: Тойла.
- Солнцу предвешнему // Там же. — 1935. — 21 февр. — №45. — С.2. — Место написания: Тойла.
- Прямолинейный сонет // Там же. — 1935. — 27 февр. — №50. — С.2. — Место написания: Тойла.
- Яблоньки // Там же. — 1935. — 5 марта. — №55. — С.2. — Место написания: Тойла.
- Капель // Там же. — 1935. — 14 марта. — №63. — С.2. — Место написания: Тойла.

Весенняя фантазия // Там же. — 1935. — 16 марта. — №65. — С.2. — Дата и место написания: март 1935 г., Тойла.

Верный путь [Посвящается жене] // Там же. — 1935. — 26 мая. — №124. — С.2. — Дата и место написания: май 1935 г., Таллинн.

В черемухе // Там же. — 1935. — 4 июля. — №155. — С.2. — Дата и место написания: лето 1935 г., Пюхаяеги.

Винить ли? // Там же. — 1935. — 6 июля. — №157. — С.2. — Дата и место написания: лето 1935 г., Пюхаяеги.

Отрекшаяся от себя // Там же. — 1935. — 10 июля. — №160. — С.2. — Дата и место написания: лето 1935 г., Пюхаяеги.

Из неизданной старой тетради // Там же. — 1935. — 17 июля. — №166. — С.2.

Пленники города // Там же. — 1935. — 24 окт. — №251. — С.2. — Дата и место написания: окт. 1935 г., Таллинн.

Гармония контрастов // Там же. — 1935. — 29 окт. — №255. — С.2. — Дата и место написания: окт. 1935 г., Таллинн.

О женщине // Там же. — 1935. — 1 нояб. — №258. — С.2. — Дата и место написания: окт. 1935 г., Таллинн.

Зачем? // Там же. — 1935. — 14 нояб. — №269. — С.2. — Дата и место написания: окт. 1935 г., Таллинн.

Тоска небытия [Посвящается А.Э.Шульцу] // Там же. — 1935. — 29 нояб. — №281. — С.2. — Дата и место написания: ноябрь 1935 г., Таллинн.

Гимн вокзалу // Там же. — 1936. — 9 янв. — №6. — С.3. — Дата и место написания: 31 окт. 1935 г., Таллинн.

Прогулка по городу: Из цикла «Сонеты о Ревеле» // Там же. — 1936. — 29 янв. — №23. — С.2.

Накануне весны // Там же. — 1936. — 3 марта. — №59. — С.2.

В.Никифоров-Волгин // Там же. — 1936. — 13 марта. — №59. — С.2. — Дата и место написания: 13 марта 1936 г., Таллинн.

Голуби // Там же. — 1937. — 10 дек. — №290. — С.2; То же: Русский вестник. — 1935. — 14 дек. — №100. — С.2. — Дата и место написания: ноябрь 1935 г., Таллинн.

Старый город: Из цикла «Сонеты о Ревеле» // Вести дня. — 1937. — 30 дек. — №303. — С.2. — Дата и место написания: дек. 1935 г., Таллинн.

Без нас // Там же. — 1939. — 17 авг. — №185. — С.2; То же: Русский вестник. — 1939. — 19 авг. — №65. — С.2. — Дата и место написания: 27 февр. 1936 г., Таллинн.

В туманный день // Вести дня. — 1939. — 23 авг. — №190. — С.2; То же: Русский вестник. — 1939. — 26 авг. — №67. — С.3. — Дата и место написания: 26 окт. 1938 г., Saarkula.

С севера на юг // Вести дня. — 1939. — 1 дек. — №275. — С.? — Дата и место написания: 23 нояб. 1939 г., Таллинн.

Елка в лесу // Там же. — 1939. — 20 дек. — №291. — С.3; То же: Русский вестник. — 1939. — 23 дек. — №102. — С.2. — Дата и место написания: 5 янв. 1936 г., озеро Ульясте.

Рождество на озере // Вести дня. — 1939. — 23 дек. — №294. — С.2; То же: Русский вестник. — 1939. — 30 дек. — №102. — С.2. — Дата и место написания: 4 янв. 1936 г., озеро Ульясте.

«Соловьи монастырского сада...» // Витязь. — 1939. — №1/2. — С.16.

На льду... // Вести дня. — 1940. — 9 янв. — №6. — С.2.

Клавесины // Там же. — 1940. — 19 янв. — №15. — С.2.

II. Переводы

Вешеночное («Спускалось солнце душно...»): Из Х.Виснапуу // Последние известия. — 1920. — 22 авг. — №9. — С.2. — Пер. с эст.

Когда наступит забвение: Из Х.Виснапуу // Там же. — 1920. — 22 нояб. — №87. — С.2. — Пер. с эст. — Место написания: Тойла.

Пурпурный вечер: Из Х.Виснапуу // Свободное слово. — 1921. — 18 мая. — №24. — С.4. — Пер. с эст.

Твоя любовь: Из Х.Виснапуу // Там же. — 1921. — 19 мая. — №25. — С.2. — Пер. с эст.

Вешняя ночь: Из Х.Виснапуу («Под деревьями ветры сонные...») // Там же. — 1921. — 2 июня. — №37. — С.2. — Пер. с эст.

Кошмар: Из Г.Суйтса // Там же. — 1921. — 6 июня. — №40. — С.2. — Пер. с эст.

«Давно так много солнца не выдала...»: Из М.Ундер // Там же. — 1921. — 13 июня. — №46. — С.3. — Пер. с эст.

Сетования: Из А.Алле // Там же. — 1921. — 23 июня. — №55. — С.2. — Пер. с эст.

Арфа Ванэмуйнэ: Из Г.Суйтса // Там же. — 1921. — 25 июня. — №57. — С.2. — Пер. с эст.

Ночь под Ивана-Купала: Из Х.Виснапуу // Последние известия. — 1921. — 4 июля. — №161. — С.2. — Пер. с эст. — Дата и место написания: июль 1921 г., Тойла.

Когда сердцевиной любви цветок: Из Х.Виснапуу // Свободное слово. — 1921. — 6 июля. — №6. — С.2. — Пер. с эст. — Место написания: Тойла.

«И свет мой в предсоньи туманным был...»: Из Ф.Круут // Там же. — 1921. — 29 июля. — №85. — С.2. — Пер. с эст. — Дата и место написания: 1921 г., Тойла.

Воспоминания о лете: Из Х.Виснапуу // Там же. — 1921. — 1 авг. — №87. — С.3. — Пер. с эст. — Дата и место написания: 1921 г., Тойла.

Уходи: Из Х.Виснапуу // Там же. — 1921. — 8 авг. — №93. — С.3. — Пер. с эст. — Дата и место написания: 1919 г., Тойла.

Десятое письмо к Инге: Из Х.Виснапуу // Там же. — 1921. — 16 авг. — №100. — С.4. — Пер. с эст. — Дата и место написания: июль 1921 г., Тойла.

«В сине-зеленых волнах пляс видений...»: Из Ф.Круут // Там же. — 1921. — 5 сент. — №117. — С.2. — Дата и место написания: 1921 г., Тойла.

Наступление осени: Из А.Алле // Последние известия. — 1921. — 13 сент. — №222. — С.2. — Пер. с эст. — Дата и место написания: 1921 г., Тойла.

Аренбургская дача: Из Х.Виснапуу // Там же. — 1921. — 29 сент. — №236. — С.3. — Пер. с эст. — Дата и место написания: 1921 г., Тойла.

Вечно: Из Х.Виснапуу // Свободное слово. — 1921. — 30 сент. — №137. — С.3. — Пер. с эст.

Забывать?: Из А.Рейнвальда // Последние известия. — 1924. — 12 февр. — №52. — С.4. — Пер. с эст. — Место написания: озеро Ульясте.

Летняя ночь: Из Ю.Кундера // Там же. — 1924. — 28 янв. — №55. — С.2. — Пер. с эст.

В пользу народа: Из М.И.Эйзена // Там же. — 1924. — 28 февр. — №55. — С.3. — Пер. с эст.

Весенняя песня: Из К.А.Херманна // Там же. — Пер. с эст.

«Мать, не брани...»: Из М.Липпа // Там же. — Пер. с эст.

Осенние думы: Из Л.Койдула // Там же. — С.2. — Пер. с эст.

Осень: Из Ф.Р.Крейцвальда // Там же. — Пер. с эст.

Слова отца: Из М.Веске // Там же. — С.3; То же: Вести дня. — 1927. — 25 апр. — №109. — С.4. — Пер. с эст.

Тайный праздник Тары: Из Я.Бергманна // Последние известия. — 1924. — 28 февр. — №55. — С.2; То же: Вести дня. — 1926. — 15 нояб. — №46. — С.2. — Пер. с эст.

«Ах, не говори больше...»: Из Э.Аун // Последние известия. — 1924. — 5 марта. — №61. — С.3. — Пер. с эст.

Во время болезни: Из В.Ридала // Там же. — Пер. с эст.

Лунные отблески: Из Э.Энно // Там же. — Пер. с эст.

Мы были как дети: Из А.Хаава // Там же. — Пер. с эст.

Ночь: Из А.Альвера // Там же. — С.2. — Пер. с эст.

Пора сирени: Из М.Ундер // Там же. — Пер. с эст.

Ржаные снопы на гумне: Из Ю.Лийва // Там же. — Пер. с эст.

Судьба: Из Э.Верманна // Там же. — Пер. с эст.

Мое сердце: Из М.Хейберг // Там же. — 1924. — 24 окт. — №273. — С.3. — Пер. с эст.

«Нам все же братом остается человек...»: Из Х.Виснапуу // Там же. — С.2; То же: Вести дня. — 1927. — 7 февр. — №37. — С.3. — Пер. с эст.

«Лодка, медленно качаясь...»: Из Л.Койдула // Последние известия. — 1926. — 16 марта. — №83. — С.3. — Пер. с эст.

«Как ходить приятно...»: Из М.Веске // Там же. — 1926. — 22 апр. — №88. — С.2. — Пер. с эст.

Вечер в избе: Из Э.Энно // Вести дня. — 1926. — 1 нояб. — №32. — С.4. — Пер. с эст.

Вечерняя тишина: Из Л.Койдула // Там же. — Пер. с эст.

Любите!: Из Ф.Кульбарса // Там же. — 1926. — 15 нояб. — №46. — С.4. — Пер. с эст. — Место написания: озеро Ульясте.

Пойте!: Из Ф.Кульбарса // Там же. — С.2. — Пер. с эст.

Свободе: Из Я.Бергманна // Там же. — С.4. — Пер. с эст. — Место написания: озеро Ульясте.

Песня девочки своей овечке: Из Ф.Кульбарса // Там же. — 1926. — 22 нояб. — №53. — С.2. — Пер. с эст.

Калевич и лесная дева: Из Э.Аун // Там же. — 1926. — 11 дек. — №72. — С.2-3. — Пер. с эст.

«В море солнце опустилось...»: Из М.Липпа // Там же. — 1926. — 12 дек. — №73. — С.2. — Пер. с эст.

«Я спешу навстречу буре...»: Из М.Хейберг // Там же. — Пер. с эст.

Экстаз: Из М.Ундер // Там же. — 1927. — 3 янв. — №2. — С.4. — Пер. с эст. — Место написания: озеро Ульясте.

Женщины готовятся ткать: Из Ю.Лийва // Там же. — 1927. — 10 янв. — №9. — С.4. — Пер. с эст.

Nocturne: Из А.Аллэ // Там же. — 1927. — 7 марта. — №65. — С.4. — Пер. с эст.

На пути Поэзии: Из Ю.Лийва // Там же. — 1927. — 26 мая. — №142. — С.2. — Пер. с эст.

Сонет: Из Я.Таама // Там же. — С.3. — Пер. с эст.

Тяга домой: Из Э.Энно // Там же. — С.2. — Пер. с эст.

Знаешь ли край?: Из М.Веске // Там же. — 1927. — 28 авг. — №27. — С.3. — Пер. с эст.

Инок из Дубровника // Старый нарвский листок. — 1933. — 23 дек. — №146. — С.4. — Пер. с серб.

Моя весна: Из М.Ундер // Вести дня. — 1934. — 20 нояб. — № 272. — С.2. — Пер. с эст.

Предцветены: Из М.Ундер // Там же. — 1934. — 3 дек. — №283. — С.2. — Пер. с эст.

Позднее лето: Из М.Ундер // Там же. — 1934. — 27 дек. — №302. — С.2. — Пер. с эст.

Закат солнца: Из М.Ундер // Там же. — 1935. — 27 июля. — №175. — С.2. — Пер. с эст.

Вечер на море: Из С.Нерис // Там же. — 1940. — 27 февр. — С.2. — Пер. с лит.

На диком коне: Из С.Нерис // Там же. — 1940. — 5 марта. — №52. — С.2. — Пер. с лит.

III. Драматургия

Аэро-фарс: Фарс в 3-х картинах // Via sacra. — 1922. — С.21-23. — На обл. дата: 1923. — Дата и место написания: март 1922 г., Тойла, Eesti.

Вакханка из Кальяри: Одноактный миньонет // Там же. — С.18-20.

Плимутрок: Комедия-сатира в одном акте // Там же. — С.7-17.

IV. Проза

Из воспоминаний о К.М.Фофанове: [Очерк] // Последние известия. — 1924. — 3 янв. — №1. — С.2; 11 янв. — №8. — С.2. — Содерж.: Ч.1: Стихи, мне посвященные; Ч.2: Последние дни поэта. — Дата и место написания: дек. 1923 г., озеро Ульясте.

Эстонская поэзия: Краткий обзор старой эстонской поэзии: [Статья] // Там же. — 1924. — 28 февр. — №55. — С.2. — Дата и место написания: 1924, озеро Ульясте.

Эстонская поэзия: Конец XIX и начало XX веков: [Статья] // Там же. — 1924. — 5 марта. — №61. — С.2. — Дата и место написания: 1924 г., озеро Ульясте.

Эстонская поэзия: Еще пять поэтов: [Статья] // Там же. — 1924. — 24 окт. — №273. — С.3. — Место написания: Тойла.

Рождественские мысли: Послание в редакцию «Последних известий» // Там же. — 1924. — 24/25 дек. — №327. — С.7.

Открытое письмо в редакцию «Последних известий» // Там же. — 1925. — 7 февр. — №31. — С.4.

Дом на диване: [Очерк] // Там же. — 1925. — 29 июля. — №170. — С.2. — Место написания: озеро Ульясте.

Блестки: [Афоризмы] // Старый нарвский листок. — 1925. — 31 окт. — №19. — С.3; 17 нояб. — №26. — С.3; 26 нояб. — №30. — С.3.

Поэт Ф.Сологуб в Тойле: [Очерк] // Русский вестник. — 1934. — 24 авг. — №49. — С.2; То же под загл: Триолеты Сологуба, написанные им в Тойле // Вести дня. — 1934. — 21 авг. — №194. — С.2. — Место написания: Тойла.

Моя первая встреча с Буниным: [Очерк] // Вести дня. — 1939. — 14 авг. — №182. — С.2-3; То же: Русский вестник. — 1939. — 16 авг. — №64. — С.2.

Визит полпреда: [Очерк] // Вести дня. — 1939. — 1 сент. — №198. — С.2-3.

Игорь Северянин беседует с Игорем Лотаревым: О своем 35-летнем юбилее: [Очерк] // Вести дня. — 1940. — 2 февр. — №27. — С.2.

ЛИТЕРАТУРА ОБ ИГОРЕ СЕВЕРЯНИНЕ

Черниговский А.В. [Чернявский А.В.]. Игорь Северянин в «Моп Рерое» // Последние известия. — 1921. — 1 сент. — №212. — С.3.

Манский М. Концерт [Северянина в «Моп Рерое»] // Там же. — 1921. — 6 сент. — №216. — С.3.

Воинов Я.В. Привет Северянину: 1905 — 1 февр. — 1925 // Там же. — 1925. — 1 февр. — №26. — С.3.

Пильский П.М. На тихом озере: [Встречи с Северяниным на озере Ульясте] // Там же. — 1925. — 2 авг. — №174. — С.2. — Дата и место написания: 27 июля, озеро Ульясте.

Он же. Дни отдыха: Тойла // Там же. — 1925. — 5 авг. — №176. — С.2.

Владимиров С. [Штейн С.В.?]. Концерт Игоря Северянина // Там же. — 1925. — 11 авг. — №181. — С.4.

[Б.п.]. Игорь Северянин в Юрьеве // Вести дня. — 1926. — 26 окт. — №290. — С.3.

Quidam. Маленькие заметки // Там же. — 1934. — 31 окт. — №255. — С.2.

[Б.п.]. 30-летний юбилей Игоря Северянина // Там же. — 1935. — 23 янв. — №20. — С.2.

Ъ. Тойлаский отшельник // Там же. — 1935. — 31 янв. — №27. — С.2.

Ъ. Юбилей в Тойло // Русский вестник. — 1935. — 8 февр. — №12. — С.3.

Россонский К. Игорь Северянин изменил Тойле // Вести дня. — 1938. — 1 авг. — №171. — С.2.

[Б.п.]. 35-летний юбилей Игоря Северянина // Русский вестник. — 1940. — 3 февр. — №10. — С.2.

[Б.п.]. Чествование Игоря Северянина // Вести дня. — 1940. — 11 марта. — №57. — С.2.

[Б.п.]. Торжественное чествование Игоря Северянина // Там же. — 1940. — 15 марта. — №61. — С.1.

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ИГОРЮ СЕВЕРЯНИНУ

С.Ш. [Штейн С.В.]. Песня усталости // Свобода России. — 1920. — 19 мая. — №110. — С.2-3.

Свободин Б. Поэту // Свободное слово. — 1921. — 4 июля. — №64. — С.2. — Место написания: Тойла.

Правдин Б.В. Игорь Северянин: Из «Эстийских медальонов» // Via sacra. — Юрьев, 1922. — С.71. — На обл. дата: 1923. — Дата написания: 25 мая 1919 г.

Он же. «Как были холодны колонны...»: Из «Эстийских медальонов» // Там же. — С.72. — Дата написания: 7 февр. 1920 г.

Нуар Ж. [Окснер Я.]. Поза юбилейная: Приятельская эго-шутка // Последние известия. — 1925. — 5 февр. — №29. — Место написания: Берлин.

Акс Л.П. Открытое письмо Игорю Северянину // Старый нарвский листок. — 1929. — 2 марта. — №25. — С.3. — Дата и место написания: 21 февр. 1929 г., Тарту — Таллинн.

Н.Т. [Транзе Н.]. Двадцать восемь серпантингов // Русский вестник. — 1931. — 17 мая. — №20. — С.4.

Приложение:

Краткая хроника выступлений Игоря Северянина в Эстонии (1919-1940 гг.)

1919, 22 марта — В Ревеле в Русском театре первый «поззо-вечер» после переселения Игоря Северянина в Эстонию. В вечере также приняли участие артисты театра С.Арбенина, Рахматов, Владимиров и др.

29 мая — В Ревеле в Русском театре «поззо-вечер» «Crème de Violettes» при участии Вини Лайне.

23 августа — В Нарве в помещении Эстонского собрания литературный вечер эстонских поэтов А.Гайлита, Р.Рохта, Х.Виснапуу с участием Игоря Северянина.

1920, 25 декабря — В Ревеле в Русском театре вечер, организованный издательством «Кольцо». В вечере также приняли участие артисты театра А.Ребанэ, Филаретова, Глебов.

1921, 1,6,8,14 и 29 сентября — Выступления в Ревеле в зале ресторана «Mop Reros».

14 декабря — В Юрьеве в зале «Burgermüsse» «поззо-вечер» «Оазис в пустыне» при участии Б.Правдина.

1923, в течение года — «Поззо-концерты», в которых под псевдонимом Ариадна Изумрудная принимала также участие Ф.Круут.

1924, 14 июня — В Ревеле в Немецком театре выступление на Пушкинском вечере с чтением поэм, посвященных А.С.Пушкину,

1925, 7 августа — В Ревеле «поззо-концерт».

1926, 6 февраля — В Нарве в помещении Русского общественного собрания «поззо-вечер».

1928, 25 января — В Ревеле в зале «Клуба черноголовых» «поззо-вечер» «Классические розы» (чтение избранных поэм 1923-1927 гг., воспоминания).

1932, 14 февраля — В Ревеле в концертном зале «Эстония» чтение «Новейших стихов».

16 февраля — В Ревеле в концертном зале «Эстония» концерт Русского мужского хора при участии Игоря Северянина.

17 февраля — В Нарве на интернациональном литературно-музыкальном вечере чтение стихотворений из сборников «Классические розы» и «Адриатика».

1934, 3 ноября — В Таллинне в концертном зале «Эстония» «поззо-вечер».

1936, март — В Таллинне в помещении Христианского союза молодых женщин литературный вечер с участием Игоря Северянина, В.Никифорова-Волгина, В.Гущика.

1938, 4 марта — В Таллинне в помещении городской русской гимназии лекция об эстонской литературе (присутствовало 15 слушателей).

1940, 14 марта — В Таллинне в зале «Клуба черноголовых» вечер, посвященный 35-летию литературной деятельности Игоря Северянина, на котором выступили Игорь Северянин, С.Шиллинг, В.Адамс, А.Раннит.

Книжные, журнальные и газетные обзоры «DV» информируют о материалах в текущей печати, относящихся к русской литературе 1890-1930-х гг.

Аннотации составляются на основе данных, сообщаемых в обозреваемых изданиях. «DV» не несет ответственности за неточные сведения, ошибки публикаторов и авторов.

КНИГИ

Мандельштам О.Э. Собрание произведений: Стихотворения / Сост., подг. текста и прим. С.В.Василенко и Ю.Л.Фрейдина. — М.: Республика, 1992. — 576 с. — Тир.: 50000 экз.

Эта книга, как утверждает издательская аннотация, «наиболее полно отражает все стороны поэтического наследия» Мандельштама: оригинальные стихи (все сборники и стихи, не вошедшие в них), стихотворения для детей (также по книгам и вне их), шуточные стихи, переводы. От многочисленных мандельштамовских изданий последних лет эта книга отличается, во-первых, тщательной текстологической подготовкой (все тексты сверены с фотокопиями архива Мандельштама), во-вторых, отсутствием вступительной статьи и примечаний (не оговоренными поэтому остались все текстологические решения); заменить их, очевидно, призвано «Приложение»: рецензии Н.С.Гумилева на первое и второе издания «Камня» (1914, 1916), отрывок из статьи Ю.Н.Тынянова «Промежуток» (1924), «Комментарий к стихам 1930-1937 гг.» Н.Я.Мандельштам (уже публиковавшийся в 1987 г. в Париже и в 1990 г. в Воронеже), а также обширная статья О.Ронена «Осип Мандельштам» (1986), впервые на русском языке опубликованная в «Литературном обозрении», 1991, №1, и уточненная и дополненная для настоящего издания автором (с.495-538).

Зайцев Б.К. Золотой узор: Роман, повести / Вступ. ст., сост. Т.Ф.Проконова. — СП Интерпринт, 1991. — 448 с. — Тир.: 100000 экз. — На обл. дата: 1992.

Новое издание произведений Б.К.Зайцева составлено из произведений, ранее в нашей печати не появлявшихся: роман «Золотой узор» (впервые вышел отдельным изданием в Праге в 1926 г.), а также — «Повесть о вере» и «Другая вера». Два последних произведения, печатающихся по эмигрантским изданиям 1967-1968 гг. и впервые воспроизводящихся в книге, представляют, на наш взгляд, особый интерес. «Повесть о вере» составлена из писем В.Н.Муромцевой-Буниной к В.Зайцевой 1925-1949 гг., а также нескольких писем к Б.Зайцеву; письма «проложены» личными воспоминаниями и комментариями Зайцева, посвященными взаимоотношениям Бунина и всех участников перепишки. Повесть «Другая вера» почти в три раза превосходит по объему «Повесть о вере» и составлена из писем В.Зайцевой к В.Муромцевой-Буниной 1922-1937 гг. Эти письма — своеобразный

дневник жизни четы Зайцевых в Берлине и Париже, содержащий ценную информацию о фактах биографии и отношениях Зайцевых с И.Бунинным, А.Толстым, П.Муратовым, Тэффи, Д.Мережковским, З.Гиппиус, М.Алдановым, В.Набоковым, а также разнообразные (иногда и правдивые) слухи о жизни в России С.Полякова, Н.Бруни и др. Книга сопровождается вступительной статьей Т.Ф.Проконова «Книга-исповедь» (с.5-12).

Минцлов С.Р. Уфа: Из книги «Дебри жизни». — Уфа: Башк. кн. изд-во, 1992. — 176 с. — Тир.: 13000 экз.

Творчество С.Р.Минцлова — библиографа, исторического романиста, мемуариста — в годы «перестройки», кажется, не привлекало особого внимания издательских деятелей и публикаторов. Данная книга — всего лишь вторая книга Минцлова, появившаяся в России за последние годы (первая — «За мертвыми душами» — вышла в 1991 г. в издательстве «Книга»). Из разнообразного творческого наследия С.Р.Минцлова выбрано только то, что относится к его пребыванию в Башкирии: «башкирские» эпизоды его дневниково-мемуарной книги «Дебри жизни: Дневник 1910-15 гг.» (1915) и «Очерки Приуралья: Восточная часть Стерлитамакского уезда» (1910). Составитель почти втрое сократил «Дебри жизни» (поскольку две других ее части посвящены Новгороду и Малороссии), книга же «Петербург в 1903-1910 гг.» (Рига, 1931) в предисловии даже не упоминается — хотя с нашей, не краеведческой точки зрения она несомненно более заслуживает переиздания. Книге предпослано предисловие составителя М.Г.Рахимкулова «Сергей Минцлов о Башкирии» (с.3-8).

Мансарда: Альманах / Сост. Л.Кропивницкого. — М.: «Контракт — ТМТ» СП «Мосрент», 1992. — 248 с. — Тир.: 3000 экз.

Альманах, как извещает в своем предисловии составитель, является изданием творческого содружества «Мансарда» и «первой ласточкой» возрождения старой — начиная с XVIII века — традиции АВТОРСКОГО альманаха («Как и в те времена, составитель руководствовался своим вкусом, своим пониманием искусства, своими симпатиями в нем, а главное, добрым и искренним отношением к делу»). Альманах составили произведения 34 авторов, как ныне здравствующих (А.Битов, Н.Искренко, Л.Кропивницкий, Ю.Мамлеев, А.Солженицын, И.Холин и

др.), так и поэтов «предшествующих поколений». В частности, в первом разделе альманаха перепечатаны известные стихотворения А.Белого («Те же росы, откосы, туманы...»), М.Волошина («Мир», «Они пройдут, расплавленные годы...»), З.Гиппиус («Веселье»), С.Городецкого («Василий Блаженный»), Вяч.Иванова («Сатана») и Д.Мережковского («Русь»), подобранные, как мы видим, по тематической близости. Несомненно большой интерес представляет второй раздел «Мансарды», в котором напечатаны 11 стихотворений разных лет Арсения Альвинга (1885-1942), 3 стихотворения Юрия Верховского (1878-1956) и 10 стихотворений 1915-1926 гг. Филарета Чернова (1877-1940). С этими тремя поэтами состоял в дружеских отношениях Е.Кропивницкий (факсимиле трех писем к нему А.Альвинга, Ю.Верховского и Ф.Чернова 1930-1940-х гг. воспроизводятся); в литературной студии Альвинга в 1940-х гг. занимался вместе с Г.Сапгиром и Л.Кропивницкий. По-видимому, (это в альманахе нигде не обозначено) значительная часть этих произведений публикуется впервые по материалам домашнего архива. Особо отметим блистательный подбор иллюстраций, некоторые из которых не воспроизводились в течение последних десятилетий; среди авторов — А.Бенуа, А.Гауш, О.Розанова, М.Волошин, Мак (П.Иванов), С.Чехонин, С.Лодыгин, В.Масютин, С.Грузенберг, Н.Гончарова, Ф.Малявин, А.Шевченко, В.Лебедев, А.Тышлер, В.Козлинский (работы 1901-1946 гг.); все графические произведения — из личного собрания Л.Кропивницкого. Альманах выполнен на хорошем полиграфическом уровне.

Розанов В.В. Из припоминаний и мыслей об А.С.Суворине / Предисл. Н.Н.Лисового. — М.: Патриот, 1992. — 120 с. — Тир.: 9000 экз. — (ЭХО: Эпоха. Хроника. Образ).

Книга воспроизводит издание «Письма А.С.Суворина к В.В.Розанову» (СПб., 1913) и названа по заглавию вступления к нему Розанова (симптоматичная инверсия!). Письма А.С.Суворина охватывают 1893-1911 гг. Книге предпослано предисловие Н.Н.Лисового «Русские люди», посвященное главным образом феномену газеты «Новое время», по словам автора — «национальной газеты, определившей лицо, журналистский уровень наступавшего XX столетия», «памятника русской жизни и государственной политики», а также «памятника литературной и общественно-философской мысли России». В заключении Н.Н.Лисовой предлагает факсимильно, «год за годом», издавать подшивки «Нового времени» и подытоживает: «Чрезвычайно актуально».

Карсавин Л.П. Религиозно-философские сочинения / Сост. и вступ. ст. С.С.Хоружего. — М.: Ренессанс, 1992. Т.1. — ЛХХIII, 325 с. — Тир.: 25000 экз. — (Памятники религиозно-философской мысли).

Оригинал-макет этой книги подготовлен в издательстве «Гнозис» — инициаторе серии «Памятники религиозно-философской мысли». Как и все (пока немногочисленные) издания этой серии, сборник Карсавина отличается высокой полиграфической культурой и высоким уровнем научной подготовки: обстоятельная (с.V-LXXIII) вступительная статья С.С.Хоружего «Жизнь и учение Льва Карсавина» (ставшая, по признанию автора, «итогом спорадических занятий карсавинским творчеством на протяже-

нии около двух десятков лет»), «Примечания» (с. 306-324), принадлежащие, очевидно, тому же автору. В книгу вошли малоизвестные работы философа «О личности» (впервые вышла отдельным изданием в Каунасе в 1929 г.) — «наиболее полное изложение метафизики всеединства» Карсавина — и «Поэма о смерти» — оригинальнейшее литературно-философское произведение, опубликованное в Каунасе в 1931 г. (жанрово ему непосредственно предшествовала «книга-медитация» «Noctes Petropolitanae», Пг., 1922).

Лица: Биографический альманах / Ред.-сост. А.В.Лавров. — М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. — Вып. 1. — 464 с. — Тир.: 8000 экз.

Выхода этого издания с нетерпением ожидали специалисты, и книга ожиданий не обманула. В программной статье редактор «Лица» так определяет задачи издания: «Мы надеемся, что наш альманах, — как одна из малых капель, точащих камень, — будет способствовать делу восстановления в общественном сознании достоинства и приоритета человеческой личности. Наши задачи — не декларативные и не умозрительные, а сугубо локальные и практические; мы намерены оставаться в плену “низких истин”, и из них дороже всего ценим непрерываемую истину факта. Мы предполагаем рассказать о жизни и творческой деятельности лиц, оставивших заметный след в российской культуре, но до сих пор обделенных вниманием историков, филологов, искусствоведов, философов; освещать впервые или по-новому эпизоды биографии и творчества лиц, уже вошедших в общекультурный обиход; публиковать не печатавшиеся ранее архивные материалы (воспоминания, дневники, письма, творческие опыты, иные документы), расширяющие наши представления о деятелях отечественной истории и культуры; уделять место источниковедческим изысканиям и сообщениям справочно-библиографического характера».

Из приведенной цитаты видно, что задачи «DV» и нового альманаха во многом совпадают, что нас, конечно, не может не порадовать.

Книгу открывает «Очерк биографии Г.Г.Шпета», написанный М.К.Поливановым (с.7-43) на основе новых данных. Очерк А.П.Крашенинниковой посвящен архитектору В.Н.Максимову (1882-1942) (с.44-77). Нельзя не отметить публикацию «Материалов к биографии Давида Выгодского» Р.Фатхуллиной (с.79-110), исключительно богато оснащенную библиографически и архивно.

В отделе «Публикации» — 16 писем С.П.Боброва Андрею Белому 1909-1912 гг. (вступительная статья, публикация и комментарии К.Ю.Постоутенко, с.113-169), 12 писем Д.С.Мережковского О.Л.Костецкой 1916 г. (предисловие и публикация А.В.Лаврова, с.170-189), письмо Б.Л.Модзалевского А.А.Сиверсу 1918 г. (предисловие и публикация Т.Г.Любарской, с.184-189), «Воспоминания о Федоре Сологубе» и стихотворения Е.Я.Данько (вступительная статья, публикация и комментарии М.М.Павловой, с.190-261), воспоминания О.Н.Гильдебрандт «М.А.Кузмин» (предисловие и комментарии Г.А.Морева, публикация и подготовка текста М.В.Толмачева, с.262-290), стихотворения Сергея Гедройц (псевд. Веры Игнатьевны Гедройц, 1876-1932), отрывки из ее дневника и воспоминаний И.Д.Авдиевой (предисловие, публикация и комментарии А.Г.Меца, с.291-316).

В разделе «Varia» — статьи А.Л.Соболева «Межежковские в Париже: (1906-1908)» (с.319-371), М.В.Безродного «Из истории русского неокантианства: (Журнал “Логос” и его редакторы)» (с.372-407), В.П.Купченко «С.Я.Парнок и М.А.Волошин: К истории взаимоотношений» (с.408-426), а также материалы из архива Н.Н.Пунина, подготовленные И.Н.Пуниной, в том числе переписка Ахматовой и Пунина, 1927 г. (с.427-443).

Звенья: Исторический альманах / М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1992. — Вып.2. — 653 с. — Тир.: 8000 экз.

Основная тема второго выпуска альманаха*, подготовленного Историко-просветительским обществом «Мемориал» и одноименным Научно-информационным и просветительским центром, — «интеллигенция и революция» (из предисловия). Книга открывается «Черными тетрадами» З.Гиппиус (новоткрытые дневниковые записи за ноябрь 1917 — январь 1919 г.); подготовка текста М.М.Павловой, предисловие и примечания М.М.Павловой и Д.И.Зубарева (с.11-173).

Под заголовком «Письма о братстве» объединены различные материалы политического деятеля и историка культуры Д.И.Шаховского (1861-1939), относящиеся к деятельности «Приютского братства» — общества, в которое в 1880-1930-х гг. входили Д.И.Шаховской, В.И.Вернадский, Ф.Ф. и С.Ф.Ольденбург, И.М.Гревс, А.А.Корнилов и др. (письма Шаховского членам Братства, Л.Н.Толстому и др., с.174-318). Публикация подготовлена Ф.Ф.Перченком, А.Б.Рогинским, М.Ю.Сорокиной.

«Петроградский дневник» журналистки, писательницы и общественного деятеля А.В.Тырковой (1869-1962) охватывает 1916-1917 гг. и посвящен, в основном, политической жизни этого времени (с.319-339).

Письма филолога и юриста Б.В.Никольского (1870-1919) к Б.А.Садовскому (публикация С.В.Шумихина «Монархист и Советы», с.340-377) — ценнейший исторический и историко-литературный материал 1913-1918 гг., позволяющий, в частности, «изменить (или, по крайней мере, серьезно поколебать) устоявшуюся точку зрения на взаимоотношения между большевиками и крайне правыми течениями русской мысли». В предисловии публикатора приводится целый ряд архивных материалов (дневник Кузмина, письма Садовского), на основании которых реконструируются взгляды Никольского на революцию. В комментариях цитируются малоизвестные и неизвестные стихи Садовского, Никольского, Ивана Пересветова.

Под заглавием «Разговор “через решетку”» печатается переписка М.А.Осоргина и врача А.С.Буткевича (1865-1948), относящаяся к 1936-1937 гг. В письмах — отзывы о советской литературе и советских писателях М.Горьком, Б.Лавреневе, А.Макаренке, В.Каверине и др. (публикация А.Серкова; с.489-536).

* Первый выпуск альманаха вышел в 1989 г. и почти не содержал историко-литературных материалов.

Отметим также публикацию писем К.А.Поссе к Н.С.Таганцеву и В.А.Стеклову 1917-1918 гг. (публикация А.А.Сергеева, предисловие Б.Н.Равдина и А.А.Сергеева, с.378-396); «Фрагменты воспоминаний» В.П.Семенова-Тян-Шанского (публикация Ф.Благовещенского, с.395-423); материалы В.Н.Фигнер, связанные с ее «правозащитной» деятельностью в 1919-1934 гг. (в частности, публикуются письма Р.Иванова-Разумника и Ф.Витязева; подготовлено Я.В.Леонтьевым и К.С.Юрьевым, с. 424-488).

Думова Н.Г. Московские меценаты. / М.: Мол. гвардия, 1992. — 333 с. — Тир.: 50000 экз.

Цикл беллетризованных очерков, посвященных истории купеческих династий Шукиных, Морозовых, Рябушинских, Бахрушиных и др. В очерке о М.К.Морозовой, в частности, кратко охарактеризованы ее отношения с А.Белым, Ф.Степунем, ее деятельность в Религиозно-философском обществе. В очерке о Н.П.Рябушинском — история издания журнала «Золотое руно» (использованы материалы Н.П.Рябушинского в парижском Национальном архиве, сохранившие, в частности, сведения о судьбе оставленных в России воспоминаний об издании «Золотого руна», писем к нему Д.Мережковского, Вяч.Иванова, Э.Метнера, Ф.Сологуба, А.Белого). В очерках о Н.Л.Тарасове и С.Т.Морозове — сведения об их участии в деятельности соответственно театра «Летучая мышь» и МХТ, отношениях С.Т.Морозова и М.Ф.Андреевой.

«Быть знаменитым некрасиво...». — М.: Наследие, 1992. — 282 с. — Тир.: 500 экз. — (Пастернаковские чтения. Вып.1).

Сборник составлен на основе докладов на Пастернаковских чтениях, проходивших в ИМЛИ АН СССР в 1987 г. В книгу вошли статьи: С.С.Аверинцев «Пастернак и Мандельштам: Опыт сопоставления» (с.4-9); Г.С.Померанц «Неслыханная простота» (с.10-23); О.А.Седакова «“Вакансия поэта”»: К поэтологии Пастернака» (с.24-30); К.М.Поливанов «“Свистки миллионеров”»: Реальный комментарий к одному стихотворению книги “Сестра моя — жизнь”» (с.31-32); В.С.Баевский «Три эпохи Бориса Пастернака» (с.33-42); Вяч.В.Иванов «К теме женщины у Пастернака» (с.43-54); А.К.Жолковский «О трех грамматических мотивах Пастернака» (с.55-66); Ю.И.Левин «Заметки к стихотворению Б.Пастернака “Все наклоненья и залогии”» (с.67-75); Д.С.Магомедова «Соотношение лирического и повествовательного сюжета в творчестве Пастернака» (с.76-83); М.Л.Гаспаров «Семантика метра у раннего Пастернака» (с.84-91); А.В.Лавров «Еще раз о Веденяпине в “Докторе Живаго”» (с.92-100); В.М.Борисов «Имя в романе Бориса Пастернака “Доктор Живаго”» (с.101-109); Б.М.Гаспаров «“Gradus ad Parnassum”»: Самовершенствование как категория творческого мира Пастернака» (с.110-135); Т.Л.Фроловская «Лермонтов и Пастернак: Проблема лирической личности» (с.136-142); А.Юнтрен «Гоголь и Пастернак» (с.143-153); Е.В.Пастернак «Значение нравственной проповеди Л.Толстого в формировании Пастернака» (с.154-163); Е.Ф.Варламова «Б.Пастернак и Л.Толстой: К вопросу о традиции» (с.164-170); А.С.Кушнер «И чем случайней, тем вернее...» (с.171-182); Л.А.Озеров «От метафоры к эпитету» (с.183-191); К.М.Азадовский

«Пастернак и Клюев: Несостоявшееся знакомство» (с.192-196); Е.В.Иванова «Неизвестный отзыв о стихах Александра Добролюбова» (с.197-202); Е.В.Мирецкая «Маяковский и Пастернак 1910-20-х годов: (К проблеме соотношения поэтических миров)» (с.203-212); Л.Ф.Кацис «К творческой истории цикла Б.Пастернака "Несколько стихотворений"» (с.213-224).

В приложении — материалы к творческой биографии Пастернака: В.Г.Смолицкий «Б.Пастернак — гимназист» (с.225-234); М.А.Рашковская «Две судьбы: (Пастернак и Дурылин. К истории взаимоотношений)» (с.235-244); М.А.Филина «Союз Бориса Пастернака с Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили» (с.245-252); Е.Н.Киясашвили «Работа Б.Л.Пастернака над подстрочниками: (По архивным материалам)» (с.252-265); Н.Асатиани «Вокруг одного письма» (с.266-268); М.О.Чудакова, О.П.Лебедушкина «Последнее письмо Б.Л.Пастернака Ф.А.Степуну» (с.269-279).

Дослідження творчості Т.Г.Шевченка. Тематичний збірник наукових праць. — Київ, 1992. — 204 с. — Тир.: 300 экз.

В сборнике напечатана на русском языке статья К.М.Пахаревой «Шевченковские традиции в поэме Э.Багрицкого "Дума про Опанаса"», на украинском — статья Л.Киселевой «Шевченко и Клюев».

Творчество Михаила Булгакова: К столетию со дня рождения писателя: Сб. науч. работ. — Киев, 1992. — Тир.: 500 экз.

В сборнике представлены материалы V Международных булгаковских чтений, прошедших в Киеве в мае 1991 г.: А.Кораблев «Миссия Михаила Булгакова: (Телеология авторства)» (с.3-8); Г.Крюкова «Об историзме романа М.А.Булгакова "Белая гвардия"» (с.9-14); М.Петровский «С кем вы, мастер Булгаков?» (с.15-21); Т.Исмагулова «"Наши" у Булгакова» (с.21-27); Л.Свершкова «Мифология белого движения и "Белая гвардия" М.Булгакова» (с.27-32); Л.Хеллер «М.А.Булгаков в венгерской критике» (с.32-37); А.Докукина-Бобель «О коньке-горбунке, драконе и прекрасной царевне: (К вопросу о лунной реалии в романе "Мастер и Маргарита" М.Булгакова)» (с.38-47); Т.Пахарева «Отголоски булгаковского романа в ташкентской драме Ахматовой» (с.47-52); А.Мержинская «"Записки на манжетах" и "Тайному другу" в контексте автобиографической прозы» (с.52-61); Ю.Бабичева «Петр Великий: Версия Михаила Булгакова» (с.61-68); Н.Дубин, С.Храмова «Из наблюдений над художественным мастерством прозы М.А.Булгакова: (Роман "Мастер и Маргарита")» (с.69-73); Т.Свербилова «Жанр пьесы-антиутопии в творчестве М.Булгакова в контексте советской драматургии 20-30-х годов» (с.73-75); А.Бойко «Фаустовский архетип в художественном творчестве Вл.Соловьева и М.Булгакова» (с.75-77); С.Ильев «Христологическая традиция русской литературы в романе "Мастер и Маргарита" Михаила Булгакова» (с.77-79); В.Гусев, В.Мужчиля «Образ Христа у Достоевского и Булгакова: ("Братья Карамазовы" и "Мастер и Маргарита")» (с.79-83); О.Бузина «Сюжетосложение в романе М.Булгакова "Белая гвардия"» (с.83-87); А.Барков «К вопросу о религиозно-философских аспектах романа М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита"» (с.87-92); А.Ляшенко «"Мастер и Маргарита"

как роман-пародия» (с.92-96); В.Вербенко «Поэтика типа в повести М.Булгакова "Собачье сердце"» (с.96-98); В.Кривонос «Мотив "заколдованного места" в прозе М.Булгакова» (с.98-103); М.Бабичева «О том, как М.Булгаков инсценировал А.Н.Островского» (с.103-112); В.Кравец «М.Булгаков и "звездная мораль": (Опыт сопоставления с Хлебниковым)» (с.112-115); Л.Киселева «Апокрифический элемент в творчестве М.А.Булгакова» (с.115-121); Т.Рогозовская «Письма А.И. и В.М.Булгаковых» (с.121-129); И.Малакова «Реставрация булгаковского дома» (с.130-137); Д.Малаков «Находки в булгаковском доме» (с.137-141); Н.Молотаева «Образ грозы в романе М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита" как результат категориальной мотивации» (с.142-148); Л.Ковалев «Об интонации письменного текста» (с.148-153); Л.Дядечко «Булгаковские тексты — источник пополнения фонда крылатых выражений русского языка» (с.153-156); С.Тоцкая «Антонимия в творчестве М.А.Булгакова» (с.156-158); Д.Теряев «Звукоподражания в художественных текстах М.Булгакова» (с.158-159).

Материалы IV Хлебниковских чтений. — Астрахань: Изд-во Астраханск. пед. и-та, 1992. — 61 с. — Тир.: 50 экз.

В сборник, составленный по материалам Хлебниковских чтений* 18-20 сентября 1992 г. в Астрахани и вышедший тиражом 50 (пятьдесят) экземпляров вошли статьи: С.Старкина «В.Хлебников и эмпириокритизм» [эмпириокритицизм?] (с.3); М.Черняк «Велимир Хлебников и Всеволод Иванов: (Некоторые аспекты творческих взаимосвязей)» (с.4-6); Бирюкова А.С. «Ритмическое воплощение метаморфозы у Хлебникова» (с.7-8); В.П.Григорьев «От самовитого слова к самовитому словосочетанию: (А.Белый, В.Хлебников, О.Мандельштам)» (с.8-14); М.Л.Гаспаров, Т.В.Скулачева «Ритм и синтаксис свободного стиха» (с.15-17); Л.Гервер «Хлебниковская мифология музыкальных инструментов» (с.18-21); Р.В.Дуганов «Текстология Хлебникова: (Применительно к изданию Собрания сочинений)» (с.21-24); Н.Енукидзе «К прочтению "Победы над солнцем" Крученых» (с.25-28); М.С.Киктев «Хлебников и Вл.Соловьев» (с.28-32); А.Т.Никитаев «Хлебниковские мотивы в "Лапе" Даниила Хармса» (с.32-35); О.И.Федотов «Канонические строфы у В.Хлебникова: (Терцины)» (с.36-38); Ю.Б.Орлицкий «Свободный стих В.Хлебникова: Опыт типологии» (с.39-40); Т.А.Бурцева «Прочтение одного стихотворения В.Хлебникова» (с.41-43); С.Бирюков «"Гамма будетлянина": Анаграмматизм и переразложение слова» (с.44-45); В.А.Емельянов «Роль реминисценций в стихотворениях В.Хлебникова "Одинокий лицедей" и И.Бродского "По дороге на Скирос" ("К Ликомеду, на Скирос")» (с.46-49); С.А.Ланцова «О лирическом герое у Хлебникова» (с.49-52); Г.Г.Подольская «В.Хлебников и У.Уитмен» (с.52-55); В.А.Чебыкин «В.Хлебников в русской критике 80-х и начала 90-х годов» (с.56-59); Ю.С.Чуйков «Велимир Хлебников и Рюрик Ивнев, Астрахань, 1918 г.» (с.60).

* Отдельным изданием ранее выходили только материалы III Хлебниковских чтений в Астрахани, см.: Тезисы докладов III Хлебниковских чтений. — Астрахань, 1989.

Русское зарубежье, 1917-1991: Каталог изданий из фонда библиотеки-архива [Российского международного фонда культуры] / Сост., предисл. Г.А.Толстых. — М., 1992. — 206 с. — Тир.: 1000 экз.

Выставка прошла осенью 1992 г. в Доме Марины Цветаевой в Москве, на ней экспонировались книги и периодические издания, переданные в дар библиотеке зарубежными соотечественниками и приобретенные Фондом культуры (в том числе, и на средства Фонда Оппенгеймера). Каталог состоит из двух частей: в первой части описаны книжные издания русской эмиграции (819 позиций; приведены дарственные надписи В.Андреева, К.Бальмонта, Д. и М.Бурлюков, Дона-Аминадо, Б.Дукельского, Д.Кобякова, С.Маковского, Ю.Мандельштама, И.Одоевцевой, В.Перелешина, Б.Поплавского, П.Ставрова, М.Таубе, Б.Филиппова и др.), во второй части — описание периодических изданий (56 позиций). Истинную радость библиографу доставит разветвленная система вспомогательных указателей, включающая в себя: указатель имен, указатель заглавий, указатель мест издания, печатания и расположения книжных магазинов, складов и библиотек, указатель издательства, издающих организаций, книжных магазинов и складов, библиотек, журналов и газет, указатель типографий и указатель серий. Безусловно, до тех пор пока не составлен более или менее полный каталог книжных изданий русской эмиграции, каталог этой выставки будет оставаться серьезным подспорьем в работе историка.

Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. — СПб.: Хронограф, 1992. — 68 с.

Каталог выставки А.М.Ремизова, приуроченной к 115-летию со дня рождения и организованной по инициативе Пушкинского дома, уже упоминался на страницах нашего журнала (см. отчет А.А.Данилевского о Ремизовской конференции в №1 за этот год). Выставка открылась 27 октября в помещении Государственного музея истории Санкт-Петербурга.

Каталог описывает 48 графических работ писателя, его автографы, книги с автографами Ремизова (134 позиции, приведены дарственные надписи

С.П.Ремизовой-Довгелло, А.А.Блоку, Т.Н. и Н.Н.Гиппиус, Н.В.Кодрянской, А.А.Волынского, А.Г.Горнфельду, И.В.Жилкину, А.Н.Чеботаревской, Ф.Сологубу, Ф.Ф.Фидлеру, С.А.Есенину, В.С.Миролюбову, С.М.Городецкому, Н.С.Ашукину, В.Ф.Булгакову, А.В.Руманову и др.), книги других авторов с автографами Ремизова (20 позиций), материалы театральных постановок по пьесам Ремизова, иконография писателя (фотографии, шаржи и карикатуры и др.), памятные вещи писателя. Большая часть графических работ и книг содержит различные записи Ремизова (наброски литературных произведений, пояснения и комментарии, мемуарные фрагменты и т.п.); все они также воспроизведены в каталоге. Перепечатаны четыре текста Ремизова: статья «Рукописи и рисунки А.Ремизова» (опубликована под псевдонимом «В.Куковников» в 1933 г. в парижском журнале «Числа»), «Выставка рисунков писателей» (под тем же псевдонимом — в парижских «Последних новостях», 1933), «Рисунки писателей» (из нью-йоркской газеты «Новое русское слово», 1954), а также список «Рукописные иллюстрированные альбомы А.Ремизова» (опубликован без подписи в журнале «Новь», 1935). В каталоге 30 иллюстраций (графика, автографы Ремизова); статья А.Грачевой «Писец и изограф Алексей Ремизов» (с.7-10).

Издание осуществлено благодаря спонсорской поддержке Санкт-Петербургского Фонда им. М.В.Ломоносова.

Живопись Давида Бурлюка в собрании Башкирского государственного художественного музея им. М.В.Нестерова: Каталог. — Уфа, 1992. — 20 с. — Тир.: 2000 экз.

Каталог выпущен к 110-летию со дня рождения Д.Д.Бурлюка, отмеченным также прошедшей в Уфе научной конференцией (см. отчет Л.Ф.Кациса в этом номере «De Visu»). Описано 37 работ художника и литератора; некоторые из них воспроизведены (правда, с очень плохим качеством). В каталоге две статьи: неподписанная «Краткая биографическая справка» и заметка С.Евсеева «Бурлюк в Башкирии» (с.6-8).

ЖУРНАЛЫ

Журналы, просмотренные "De Visu" (октябрь 1992 г.): Библиография, Военно-исторический журнал, Вопросы философии, Вопросы истории, Детская литература, Дружба народов, Журналист, Звезда Востока, Знамя, Известия СО РАН: История, филология и философия, Иностранная литература, Искусство кино, Кодры, Литературное обозрение, Литературный Киргизстан, Молодая гвардия, Москва, Московский вестник, Московский журнал, Музыкальная жизнь, Наука и жизнь, Наука и религия, Наш современник, Неман, Новое время, Новый мир, Огонек, Октябрь, Отечественные архивы, Подъем, Работница, Родина, Россияне, Русская литература, Свободная мысль, Север, Сельская молодежь, Смена, Согласие, Социологические

исследования, Столица, Театр, Театральная жизнь, Фотография.

В обзоре описаны и отдельные публикации в изданиях, не просмотренных комплектами.

Библиография:

В №5/6 — статья Л.М.Кулаевой о С.Р.Мицлове и его книге «За мертвыми душами» (М., 1991); к статье приложена составленная ею же библиография работ и произведений С.Р.Мицлова и литературы о нем.

Там же — окончание «Воспоминаний об Алексее Максимовиче Пешкове и его окружении» (начало в №3/4) М.Д.Беляева, знавшего Горького в период революции и гражданской войны (публикация и примечания Е.С.Шальмана).

Вопросы философии:

В №10 — статья С.С.Хоружего «Арьергардный бой: Мысль и миф Алексея Лосева» (о философских работах А.Ф.Лосева 1920-х гг.)

Там же — «Из рассказов А.Ф.Лосева», записанных В.В.Бибихиным (фрагменты о П.А.Флоренском); публикации предпослана вступительная заметка В.В.Бибихина.

Там же — «Неопубликованные письма С.Н.Булгакова к В.В.Розанову» (6 писем; 1906-1914 гг.); публикация, предисловие и примечание М.А.Колерова.

Детская литература:

В №10 — под рубрикой «К 100-летию М.Цветаевой» статья С.Страшнова «Заглянуть в бездну».

Там же — статья Л.Поликовской «Все мое воспитание: Вопль о герое», посвященная взаимоотношениям Марины Цветаевой и Ариадны Эфрон.

Там же — «Разговоры: Из записной книжки» М.Цветаевой — запись разговоров М.Цветаевой с дочерью Ариадной (перепечатка в сокращении из парижской «Русской мысли», №3896-3901, публикация Д.Мнухина).

Там же — под рубрикой «Антология детской литературы» подборка произведений из журнала «Задуманное слово»: А.Б.Хвольсон, отрывок из повести «Царство малюток» (1889, №3); Д.Лиман, сказка «Оля в сказочном саду» (1889, №3); Р.Снежков, стихотворение «Напроказил» (1889, №4); С.Радимов, «Прекрасная Беатриса» (1897, №8); С.Ф.Литвинцева, «Родная старина» (из рассказов по истории России) (1894, №29).

Известия СО РАН: История, филология и философия:

В №2 — А.А.Асоян и Т.И.Подкорытова, статья «След пушкинской музы в рассказе В.Набокова «Весна в Фиальте»».

Искусство кино:

В №10 — под названием «Я передиктую...» публикуются неоконченные воспоминания о В.Б.Шкловском Ефима Левина; здесь же — 20 писем В.Б.Шкловского Е.С.Левину (1964-1973 гг.); публикации и примечания Л.Прус.

Литературное обозрение:

В №10 — статья Л.Лавлинского «"...Стихом восстать — иль розаном расцвезть": Слово о Цветаевой».

Там же — статья В.Камянова «Гости ниоткуда: К возвращению "Счастливой Москвы" Андрея Платонова».

Там же — рецензия А.Ранчина «Удачи и поражения Виктора Шкловского» на книгу: Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990.

Там же — статья А.В.Панибратцева «Творчество Е.П.Блаватской и новое русское религиозное сознание» (об отношении Вл.Соловьева к Блаватской).

Там же — фрагменты воспоминаний В.С.Соловьева о Е.П.Блаватской (печатаются по изданию: Соловьев В. Современная жрица Изиды: Мое знакомство с Е.П.Блаватской и «Теософическим обществом». — СПб., 1904); публикация Н.Д.Александрова.

Молодая гвардия:

В №10 — очерк В.Десятникова «Леоновскими дорогами» (о поездке по леоновским местам).

Москва:

В №10 — статья И.А.Ильина «Долой политическое доктринерство!» (1954) и «Почему мы верим в Россию» (1949) из сборника: Ильин И.А. О грядущей России. Джорданвилл (США), 1991.

Там же — статья А.А.Тахо-Годи «Я — Лосев» (полемика, в частности, с утверждениями о «марксизме» А.Ф.Лосева, отстаивание «единого пути» философа).

Московский журнал:

В №10 — очерк С.Д.Шереметева «Вяземы» (впервые напечатан в книге его сына: Шереметев П.С. Вяземы. СПб. 1916); публикация, предисловие и примечание М.Коробко.

Там же — статья В.П.Свенцицкого «Общее положение России и задачи Добровольческой армии» (перепечатка одноименной брошюры, вышедшей во время гражданской войны, вероятно, в Ростове-на-Дону — точные данные не указаны); статье предпослана биографическая заметка Е.Полищука «Вдохновенный пастырь».

Там же — заметка Т.Меркуловой «Роковой сон Марины Цветаевой» (к 100-летию юбилею поэтессы).

Музыкальная жизнь:

В №19/20 — статья А.А.Тахо-Годи «Музыка в жизни А.Ф.Лосева».

Там же — первая публикация отрывка из второй главы повести А.Ф.Лосева «Трио Чайковского», написанной в 1933 г.

Наука и религия:

В №10 — продолжение работы А.Никитина «Тамплиеры в Москве» (начало в №4-9), посвященной истории тайного ордена розенкрейцеров (об А.А.Карелине).

Там же — статья В.Никитина «Продлить на век свою мечту...» (о гностических мотивах в поэзии Павла Флоренского).

Наш современник:

В №10 — материалы следствия и суда по делу В.Наседкина, расстрелянного в 1938 г., реабилитирован в 1956 г. (публикация, подготовка текста и комментарии С.Волкова).

Новое время:

В №41 — статья И.Руденко «Защитить Казанову! или Несколько мыслей о Марине Цветаевой, родившихся в замке, где жил Казанов».

Новый мир:

В №10 — статья В.Живова «О сомнительном и недостоверном в историософии Н.А.Бердяева» (по поводу его книги «Истоки и смысл русского коммунизма»).

Огонек:

В №42-43 — статья А.Саакянц «Не похороните живой...» (к 100-летию Марины Цветаевой).

Октябрь:

В №10 — начало романа И.Одоевцевой «Оставь надежду навсегда», написанного в 1945-46 гг.; предисловие и публикация А. Колоницкой.

Там же — повесть Марины Цветаевой «Девять писем с десятком, невернувшимся, и одиннадцатым, полученным, — и послесловием» в новом переводе с французского (в основе повести в письмах — переписка М.Цветаевой с А.Г.Вишняком); вступление, перевод, публикация Ю.Клюкина.

Там же — статья Н.Катаевой-Лыткиной «Поэт Марина Цветаева и семья композитора Скрябина».

Отечественные архивы:

В №5 — А.Д.Паскаль, заметка «Тихомировские чтения 1992 г.», в которой, в частности, упоминается доклад Е.В.Бронниковой о хранящемся в РГАЛИ и «практически не введенном в научный оборот» сборнике статей Н.А. Бердяева «Духовные основы русской революции. Опыты 1917-1918 гг.»

Подъем:

В №9/10 — перепечатка книги А.Б.Прасолова «Как тузовские крестьяне боролись с самодержавием», изданной в 1928 г.; публикация и предисловие Е.Новичихина.

Родина:

В №10 — под заголовком «Всех их вон из России» письма Ленина И.С.Уншлихту и Г.Ягоды Ленину по поводу высылки деятелей культуры из Москвы и Петрограда и списки высылаемых (в которых, в частности, значатся: Е.Замятин, П.Сорокин, Л.Карсавин, Н.Лосский, а так же: Гирецкий [Ирецкий В.Я.?] и Чаадаев [П.Я.?] (последний с указанием: «не разыскан»). Публикация подготовлена А.Массальской и И.Селезневой.

Русская литература:

В №2 (вышел в октябре) — статья Г.К.Щенникова «Русский натурализм и его уроки» (о русском натуралистическом романе 1880-1890-х гг.; в частности, о П.Д.Боборыкине, А.В.Амфитеатрове).

Там же — статья Г.М.Фридендера «Шестое чувство: (Из истории литературно-общественных настроений 1910-х годов)» (осмысление романтизма в работах В.М.Жирмунского 1910-х гг. и в творчестве Гумилева и Блока).

Там же — статья Б.В.Соколова «Андрей Белый и Михаил Булгаков» (о влиянии на творчество Булгакова поэзии и прозы Белого).

Там же — статья В.Шмида (Германия) «Орнаментальный текст и мифическое мышление в рассказе Е.Замятина «Наводнение»».

Там же — начало публикации «Переписки Л.И.Шестова с А.М.Ремизовым» (вступительная заметка, подготовка текста и примечания И.Ф.Даниловой и А.А.Данилевского). В приложении публикуются две рецензии Л.Шестова: «Новый журнал» (на «Вопросы жизни», январь и февраль 1905 г. — из «Киевских откликов», 1905, №101) и «Литературный сецессион» (на «Вопросы жизни», январь-июнь, — из «Нашей жизни», 1905, №160).

Там же — статья Д.Кассека (Германия) «Рассказ Бориса Пильняка «Жених во полночи» (1925): (Попытка анализа)».

Там же — под заголовком ««Как вас с такими глазами не расстреляли?»»: К 100-летию И.С.Соколо-

ва-Микитова» публикуются воспоминания Г.Горышина о писателе (приводятся, в частности, его устные воспоминания о Куприне и Грине).

Там же — очерки И.С.Соколова-Микитова из газеты «Руль» (Берлин, 1921): «На коленях», «На свой век», «Народ и революция», «Мать-земля»; публикация А.С.Жэхова.

Там же — заметка М.Д.Эльзона «К истории книги Б.В.Томашевского «Пушкин и Франция»».

Там же — «Два письма Владислава Ходасевича» Е.В.Торлецкой, 1909 г.; публикация Е.В.Кузьминой.

Там же — заметка З.Л.Дичарова «Такие современные строки...: (Об одном письме Б.М.Эйхенбаума)», включающая письмо автора Эйхенбауму и ответ Эйхенбаума от 1 мая 1957 г. (в связи с вопросом о судьбах русского романа).

Там же — рецензия А.А.Александрова на книгу: Олейников Н. Пучина страстей: Стихотворения и поэмы. Л., 1991.

Там же — под заголовком «Даниил Хармс и русский авангард: Взгляд из Женевы» рецензия А.А.Кобринского на книгу: Jaccard J.-Ph. Daniil Harms et la fin de l'avant-garde russe. Bern, 1991.

Там же — заметка А.О.Львовского о научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения В.М.Жирмунского (СПб., 26-28 ноября 1991 г.)

Свободная мысль:

В №15 — Рецензия «Нить живого предания» С.Кравца на книгу: Флоренский П.А. Детям моим: Воспоминания прошлых дней. Генеалогические исследования. Из соловецких писем. Завещание. М., 1992.

Север:

В №10 — обзор «По страницам скандинавской печати», сделанный Армасом Хйри (в частности, аннотация статьи Л.Э.Блумгвиста «Русский крестьянский поэт, которому не повезло» о Николае Клюеве из шведской газеты «Дагенс Нюхетер» от 16 ноября 1991 г.; к статье приложены в переводе на шведский 1, 3 и 4-я части поэмы Н.Клюева «Разруха».

Согласие:

В №10/11 — повесть А.Ф.Лосева «Из разговоров на Беломорстрое» (написана в начале 1930-х гг.); подготовка текста и публикация А.А.Тахо-Годи.

Социологические исследования:

В №10 — «Фрагменты из воспоминаний» Роберта Мертона о П.А.Сорокине; запись Н.Покровского, перевод с английского и подготовка к печати Е.В.Дмитриевой и Н.Ю.Мандельбаум.

Там же — публикация статьи П.Сорокина «Моя философия — интегрализм»; перевод с английского С.В.Карпушиной.

* * *

Осенью прошлого года на книжных прилавках Москвы появился новый журнал: «Рубеж. Тихоокеанский альманах», 1992, №1(863). Двойная нумерация должна означать, по мысли редакции, что «Рубеж» непосредственно продолжает одноименный харбинский журнал, 862 номера которого вышли в 1927-1945 гг. (ср. немногим ранее появившиеся в России журналы с такими названиями, как «Русское богатство», «Русский архив», «Путь», «Логос» и др.)

Журнал печатается в Москве, тираж — 33500 экз. (sic!); редакция имеет московский и владивостокский адрес (номер, кстати, и посвящен «преобразованию Владивостока в открытый город»). Главный редактор — А.В.Колесов, в редакционную коллегию, состоящую из 18 (sic!) человек, представляющих разные страны и континенты (Россия, Китай, Германия, США, Бразилия, Япония, Нидерланды), в частности, вошли Е.В.Витковский, В.Казак, В.П.Крейд, Б.А.Можаяев, В.Ф.Перелешин. Редакционная статья заканчивается словами:

«Перед началом всякого нового дела православный молитвослов рекомендует прочесть самую простую из молитв:

ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВИ.

Прочтем ее — и откроем возрожденный «Рубеж»».

Последуем же и мы за редакцией «Рубежа».

Журнал открывается, конечно же, Арсением Несмеловым (главы из поэмы «Тысяча девятьсот четырнадцатый», поэма в России публикуется впервые, написана в 1931 г. и напечатана в «Гумилевском сборнике», Харбин, 1937). Предисловие Е.Витковского.

С Дальним Востоком связано творчество и других писателей, представленных в «Рубеже». Публикуются переводы древнекитайской лирики В.Перелешина («Тень на занавеске», предисловие без подписи [Витковский Е.?.]). Впервые в России печатается повесть Н.А.Байкова (1872-1958) «Великий Ван» (вышла отдельным изданием в Харбине, 1936); предисловие Г.Мелихова. Иван Елагин представлен подборкой стихотворений (предисловие без подписи [Витковский Е.?.]); воспроизводится автограф письма И.Бунина И.Елагину от 12 января 1949 г. Рассказы А.П.Хейдока (1892-1990) печатаются по его книге «Звезды Манчжурии» (Харбин, 1934); предисловие А.Колесова.

Перешагнув через океан, редакция включила в журнал «Индийские сказки» казачьего писателя Н.Н.Воробьева (1908-1989) — стихотворное переложение индийских легенд (предисловие без подписи [Витковский Е.?.]), а также «фантастический детектив» Д.Макдональда «Пространство времени».

В журнале также — статья Г.П.Федотова «Об Антихристовом добре» (перепечатка из журнала «Путь», 1926) и работа П.Нерлера «С гурьбой и гуртом...»: Хроника последнего года жизни О.Э.Мандельштама». Отметим и исследование Г.Мелихова «Харбин: История возникновения» и материалы к истории рода Янковских. В номере — ряд материалов, посвященных китайской культуре.

В ближайших номерах «Рубежа» анонсированы: воспоминания В.Перелешина «Второй полустанок», исследование Л.Юзефовича «Хроника времен “черного барона”» (имеется в виду барон Унгерн). «Предсмертные дневники» В.Арсеньева и мемуары А.Несмелова.

Роспись последующих выпусков «Рубежа» будет включена в журнальный обзор «DV».

* * *

По мере своих сил «DV» предполагает освещать на своих страницах содержание и русскоязычных зарубежных изданий (мы надеемся, что читатель отметил появившийся уже в №1(2) обзор парижской

газеты «Русская мысль»), а также своевременно информировать о возникновении новых. Для этого номера мы выбрали журнал «Страницы», первый выпуск которого вышел осенью 1992 г. в Иерусалиме.

Ежеквартальный журнал «Страницы» (с подзаголовком «Философия, культура, наука в Израиле») издается Иерусалимским институтом Ван-Лир при содействии Отдела репатриации Еврейского агентства в Израиле и Фонда «Яд ха-надив»; редактор Зеев Бар-Селла. Новое издание, по словам редактора, будет посвящено «попыткам понять новую историческую ситуацию еврейского народа, обладающего теперь не только духовными центрами, но и центром, сосредоточившим все ценности, необходимые для нормального национального существования — государства, территорию, язык». В соответствии с поставленными задачами номер открывается статьями: Ш.Н.Айзенштадт «Еврейская история как история еврейских цивилизаций», М.Каганская «Причастность и отщепенство: Ханукальская лекция, прочитанная в Институте Ван Лир»; Ш.Пинес «О метаморфозах понятия “свобода”»; А.Функинштейн «Пассивность еврейской диаспоры: Миф и действительность»; Й.Ариэли «Быть нерелигиозным евреем в Израиле».

Собственно литературе посвящены статьи Е.Толстой «Под развесистым кидроном», Д.Сливняка «...И себя в ней» (о русскоязычной литературе Израиля) и И.Гомеля «Человек с Желтой звездой» (о вкладе еврейских писателей в мировую научную фантастику).

«DV» более всего заинтересовали публикации, связанные с русской культурой XX столетия. Интереснейшая статья М.Вайскопфа «Морфология страха» (с.55-59) дает сопоставительный анализ классической работы В.Я.Проппа «Морфология сказки» (1928) и Уголовного кодекса РСФСР 1927 г. Автор находит у Проппа не только «стилистическое влияние» Кодекса, книга Проппа, по его мнению — «ярчайший пример научно-методической сублимации страха, ставшего объектом остранным-аналитического изучения». С другой стороны, автор не исключает, что «приведенные аналогии между советским УК и функциями волшебной сказки показывают, что и партийно-криминальное мышление <...> само коренится в фольклорно-магической архаике».

А.Г.Мец впервые перепечатывает заметку О.Э.Мандельштама «Кулисы французской печати» (с.81-84), опубликованную ранее в журнале «Ленинград», 1925, №36, под псевдонимом «Колобов». Им же подготовлена подборка «Из писем Н.Я.Мандельштам к Л.Я.Гинзбург» (с.85-89), относящихся к 1960-1967 гг. и связанных большей частью с творческим наследием О.Э.Мандельштама.

Под заглавием «Я жду еще ваших стихов...» З.Давыдов и В.Купченко публикуют 18 писем И.Эренбурга к М.Волошину 1913-1916 гг., предисловие и примечания публикаторов (с.90-106). Большая часть писем посвящена литературной жизни Парижа этого времени; в предисловии освещена история взаимоотношений Волошина и Эренбурга в 1911-1916 гг.

«DV» надеется, что и последующие номера «Страниц» будут такими же интересными и предполагают включить новое издание в свои обзоры.

ГАЗЕТЫ

Журналы, просмотренные "De Visu" (октябрь 1992 г.): Аргументы и факты, Арт-фонарь, Век, Ветеран, Вечерний клуб, Вечерний Петербург, Вечерняя Москва, Восточный экспресс, Гласность, Голос, Голос Родины, Гудок, Гуманитарный фонд, 24, Деловой мир, День, Домашнее чтение, Домострой, Еврейская газета, Известия, Карьера, Книжное обозрение, Комсомольская правда, Крестьянская Россия, Крестьянские ведомости, Криминальная хроника, Культура, Куранты, Литературная газета, Литературная Россия, Литературные новости, Московская правда, Московские новости, Московский комсомолец, Народная газета, Начало, Неделя, Независимая газета, Патриот, Подмосковные известия, Подмосковье, Позиция, Политика, Правда, Рабочая трибуна, Российская газета, Российские вести, Россия, Русская мысль (Париж), Русский вестник, Санкт-Петербургские ведомости, Семь с плюсом, Семья, Смена, Собеседник, Советская Россия, Совершенно секретно, Сын отчества, Труд, Учительская газета, Федерация, Цирк («Экс-Арена»), Час пик, Экран и сцена, Эмиграция.

Арт-фонарь:

В №2 — рецензия М.Тимашевой «“Зангези”»: Третья попытка» (о постановке «сверхповести» Велимира Хлебникова «Зангези» в театре «Чет-Нечет»; режиссер А.Пономарев).

Век:

В №8 — под заголовком «Берегите Гнездо и Дом» заметка Н.С. об открытии в Москве в Борисоглебском переулке Дома Марины Цветаевой.

Там же — под заголовком «Вспомни бессмертную душу»: Эти строки рождались в Борисоглебском: 1917-1920» — подборка из стихов и прозы Цветаевой этого периода.

Там же — «Какой она была?»: Воспоминания Ариадны Эфрон о М.Цветаевой.

Там же — статья Г.Резанова и Т.Хорошиловой «“Случайных встреч не бывает”»: В гостях у А.И.Цветаевой, сестры Марины».

Вечерний клуб:

В №193/194 — статья Ю.Безелянского «Женщины в жизни Александра Блока».

В №196/197 — подготовленная Ю.Безелянским краткая «Хроника жизни Марины Цветаевой».

Там же — рецензия П.Орлова на книгу М.Цветаевой «Лебединый стан» (М.: Скифы, 1992).

Там же — статья А.Лаврина «Марина и Арсений» (о взаимоотношениях Марины Цветаевой и Арсения Тарковского в 1940 г.)

В №203/204 — статья Б.Соколова «Тайна Павла Флоренского» (гипотеза об участии А.Флоренского в советском ядерном проекте).

В №210 — интервью Н.Леонтьева с поэтом Сашей Красным (А.Д.Брянским) «К своему 110-летию я написал 165 стихотворений о любви».

Вечерний Петербург:

В №227 — под заголовком «На столике больничном — темной розой» заметка С.Ивановой о поэтессе

русского зарубежья И.Н.Кнорринг (1906-1943) и подборка из пяти ее стихотворений 1926-1942 гг.

В №231 — «Два письма Юрию Иваску» Марины Цветаевой (май 1934 г.); впервые опубликованы в «Русском литературном архиве» (Париж, 1956 г.)

Там же — под заголовком «Редкие автографы» автографы М.Цветаевой из коллекции А.М.Луценко (дарственные надписи на книгах С.Эфрону, И.А.Бунину); комментарии И.В.Кудровой.

Там же — под рубрикой «Малоизвестные строки» стихотворение М.Цветаевой «Три поцелуя» (1914).

Там же — под заголовком «Стихи, посвященные ей», стихотворения Николая Гронского, Кронида Гарновского, Анатолия Бергера, посвященные Марине Цветаевой.

Там же — пародия Николая Константиновича Де-Лазари «На Марину Цветаеву» (1916).

Там же — под заголовком «Анонимный отклик на “Волшебный фонарь”» републикация рецензии на второй сборник М.Цветаевой (М., 1912 г.) из «Московской газеты» от 19 марта 1912 г.

Там же — заметка «Здесь жили герои “Нездешнего вечера”»: заметка о Саперном переулке в Петербурге, где жили герои очерка Цветаевой.

Там же — портрет М.Цветаевой работы К.Б. Родзевича (1896-1988), героя «Поэмы горы» и «Поэмы конца»; написан в 1960-х гг. (хранится в РГАЛИ).

Все материалы в №231, посвященные М.Цветаевой, подготовлены Е.Б.Белодубровским.

В №238 — заметка В.Зельченко «Подарок филигранный» о поэте В.А.Комаровском (1881-1914) и подборка из пяти его стихотворений.

Вечерняя Москва:

В №199 — под заголовком «Кускова, остров, кот...» воспоминания Л.Либединой о поездке в Кусково 18 июня 1941 г. вместе с А.Крученых, М.Цветаевой и ее сыном Г.Эфроном; публикуется фотография, сделанная в этот день и запечатлевшая всех четверых.

В №208 — под рубрикой «К 100-летию Марины Цветаевой» заметка И.Бурденковой «Любовь — особенное чувство».

В №211 — подборка Дона-Аминадо (А.П.Шполянского) «Все горьше, согбенней, старше становится град Москва» (первая публикация в России его 4-х стихотворений 1930-1932 гг. из парижской газеты «Последние новости»: «Красный кумач» «На кошачьей выставке» «Ни эллина, ни иудея» «На даче», вступительная статья и публикация В.Приходько.

Гудок:

В №194 — заметка К.Клименко «На берегах Северного Донца» (о пребывании М.Цветаевой в июле-августе 1915 г. в г. Славяногорске).

Гуманитарный фонд:

В №48 — статья М.Сидлина «Мафусаил русской поэзии: Саша Красный (А.Д.Брянский)» (к 110-летию со дня рождения); прилагается подборка из трех впервые публикуемых стихотворений.

Там же — стихотворение И.Г.Терентьева (1892-1937) «Отращу себе косматый желудок» (1919); публикация С.Кудрявцева.

24:

В №52 — статья С.Айдиняна «Поступь вечности» (к 100-летию со дня рождения М.Цветаевой).

Деловой мир:

В №201 — письмо М.И.Цветаевой П.П.Сувчинскому и Л.П.Карсавину от 9 марта 1927 г. (по поводу «евразийства» С.Я. Эфрона); из редакционного портфеля журнала «Новый мир».

Там же — статья Г.Кружкова «Ты опоздал на много лет» (о зашифрованности имени героя в «Поэме без героя» А.Ахматовой); из редакционного портфеля журнала «Новый мир».

День:

В №42 — под заголовком «Наконец-то!» рецензия на постановку пьесы М.Булгакова «Батум» в МХАТе им. А.М.Горького (режиссер С.Кургинян).

Домашнее чтение:

В №4 — под заголовком «Оттого, что я — русский поэт...» три впервые публикуемых в России стихотворения Игоря Северянина из сборника «Классические розы» (Белград, 1931): «Колыбель новой культуры» (1923), «Бывают дни...» (1930), «Я мечтаю» (1922) — и стихотворение «Люди ли вы?» (1920), также впервые публикуемое в России; предисловие и публикация О.Фигурновой.

Там же — рассказ В.М.Дорошевича «Смерть человека»; публикация Н.Беликовой.

Там же — под заголовком «В чем сила большевиков?» ответы И.Бунина и Д.Мережковского на анкету парижской газеты «Общее дело» (1921); публикация по перепечатке из ревельской газеты «Последние известия», 1921, №8).

Там же — статья А.Казакова «“Дай, Джим, на счастье лапу мне...”»: История стихотворения».

В №5 — под заголовком «Земные приметы» впервые публикуемая в России «Выписка из прежней записной книжки, верой и правдой служившей мне с 1-го июня 1918 по 4-е февраля 1919 г.» М.Цветаевой (перепечатка из «Русской мысли», октябрь 1991 г.); публикация Л.Мнухина.

Там же — рассказ С.Минцлова «Свободное воспитание» (по тексту сборника С.Р.Минцлова «Свистопуп», Рига, год не указан); предисловие и публикация Н.Беликовой.

Домострой:

В №42 — под заголовком «Волчиное сердце: К 100-летию со дня рождения Марины Цветаевой» подборка из восьми стихотворений 1916-1935 гг. и отрывки из «Несбывшейся поэмы» и «Поэмы о царской семье» (1929-36); предисловие и публикация Н.Лисового.

Еврейская газета:

В №19 — статья Д.Мережковского «Еврейский вопрос как русский», опубликованная в 1915 г. в сборнике «Щит».

Известия:

В №221 — статья К.Кедрова «Седьмая заповедь Марины: К столетию со дня рождения Цветаевой».

Книжное обозрение:

В №40 — эссе А.Щуплова «“Я люблю, когда серебро — темное...”»: О прозе М.Цветаевой».

Там же — «Незавершенные стихотворения Цветаевой» 1916-1921 гг., публикуемые впервые по копиям с белых тетрадей, сделанными А.Эфрон; публикация А.Саакянц.

Там же — «В Цветаевой есть все»: интервью А.Щуплова с А.Саакянц и редактором издательства «Скифы» Л.Ворониным (в частности, об издании восьмитомника М.Цветаевой и книг, любимых ею, в издательстве «Скифы»).

В №41 — статья Б.Клюева «Нужны ли нам библиофилы?: О пользе собраний-моноколлекций» (в частности, о «Цветаевском центре» на основе моноколлекции Льва Мнухина в Москве, о музее С.Есенина в Ташкенте, о домашнем музее А.Ахматовой на основе моноколлекции С.Д.Умникова в г.Пушкине Ленинградской области).

Там же — воспоминания о Цветаевой А.В.Эйснера под заголовком «При свете совести» (в частности, о деятельности Эфрона как резидента НКВД, о знакомстве с М.Цветаевой в 1925 г. в Праге); публикуемые воспоминания — расшифровка магнитолфонных записей выступлений А.В.Эйснера на вечерах памяти М.Цветаевой; публикация И.Рековской (Эйснер).

В №43 — под заголовком «Любовь к поэту» рецензия А.Славуцкого на книгу В.Швейцер «Быт и бытие Марины Цветаевой» (М., 1992).

В №44 — под заголовком «Разбой из прошлого» открытое письмо В.Козового в редакцию «Московского комсомольца» по поводу публикации в этой газете материала об архиве Б.Пастернака, принадлежавшем О.В.Ивинской.

Комсомольская правда:

В №185 — статья О.Дмитриевой «И к имени моему Марина — прибавьте: мученица» (о жизни М.Цветаевой в Чехии).

Крестьянская Россия:

В №93 — рецензия Л.Морозова на книгу М.Цветаевой «Лебединый стан» (М.: Скифы, 1992).

Крестьянские ведомости:

В №41 — эссе В.Степаненко «Марина Цветаева» (к 100-летию со дня рождения).

Культура:

В №23 — под заголовком «В этой стороне кладбища...» публикация письма А.Эфрон А.Цветаевой от 12 сентября 1966 г. (в частности, об установке креста на кладбище, где похоронена М.Цветаева); публикация и комментарии С.Айдиняна.

В №24 — статья Л.Алексеевой «Голос правды небесной против правды земной» (о выставке в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, посвященной 100-летию со дня рождения М.Цветаевой).

Литературная газета:

В №41 — под заголовком «Одна — из всех — за всех — противу всех...» ответы на анкету о М.Цветаевой — М.Аввакумовой, И.Бродского, Е.Евтушенко, В.Корнилова, А.Кушнера, В.Леоновича, С.Липкина, Б.Окуджавы, В.Солоухина, В.Сосноры, Б.Чичибабина.

Там же — под заголовком «О Маршаке без Маршака» отклик А.Любарской на документальный фильм о С.Я.Маршаке «Жил человек...» (режиссер Н.Донской), в котором, по ее мнению, не освещена работа Маршака в редакции Детгиза, разгромленной в 1937 г.

В №42 — «Каждый порядочный человек на Руси был гладиатором»: Из тайного дневника 20-х годов Михаила Пришвина (записи 1920, 1921 и 1924 гг.); отрывки взяты из готовящегося к изданию в издательстве «Московский рабочий» третьего тома Дневника М.Пришвина; вступительная заметка и публикация Л.Рязановой.

В №43 — заметка В.Осипова «Шолохов — Сталину»: извлечения из докладной записки члена КПК М.Ф.Шкирятова (май 1938 г.) «О результатах проверки письма т.Шолохова на имя товарища Сталина», вызванного, в частности, репрессиями в Ростовской области.

Там же — статья директора волошинского Дома-музея «Возродится ли Коктебель?» (в частности, о жизни в Коктебеле М.Цветаевой, О.Мандельштама, Андрея Белого, В.Ходасевича).

В №44 — заметка В.Радзишевского «Когда кричат: “Держите вора”?»: О судьбе архива Ольги Ивинской.

Литературная Россия:

В №40 — заметка Н.Шубниковой-Гусевой «Товарищи по чувству, по перу...» (о Есенинских чтениях в Москве 26-27 сентября 1992 г.)

Там же — заметка Л.Гороваго «Болшевский дом поэтессы» (о IV Цветаевских чтениях в Болшеве, об открытии Дома-музея).

В №41 — анонимная заметка «Памяти Марины Цветаевой» (об открытии мемориальной доски на доме №19 по Сивцеву Вражку, где М.Цветаева жила в конце 1911 — начале 1912 гг.)

Там же — заметка И.Чиркова «...Нет лучше рязанских раздолий» (о Есенинском празднике в селе Константинове).

Там же — первая публикация на русском языке заметки Д.Святополка-Мирского «Марина Цветаева» и его же рецензии на книгу: Цветаева М. Молодец. Прага, 1924 (из журнала «The Slavonic Review», 1926); перевод с английского М.Бондаренко, предисловие, примечания и публикация В.Перхина.

Там же — библиография материалов о Марине Цветаевой, появившихся в «Литературной России» (1966-1991); подготовил А.Ханаков.

Там же — заметка А.Орлова «Судьба усадьбы Тамбурер» (об усадьбе близкого друга семьи Цветаевых Л.А.Тамбурер, в которой бывали не только Цветаевы, но и сын Л.Толстого Сергей Львович, М.Булгаков, написавший здесь «Мольера»).

В №42 — статья Е.Ованесяна «Из чрева Лубянки: Уголовные “дела” поэтов есенинского круга»; основана на публикациях 1992 г. в «Нашем современнике» документов из «дел» 20-30-х гг. Алексея Ганина, Ивана Приблудного, Павла Васильева.

Там же — заметка А.Орлова «М.Цветаева в Тарусе» — о празднике поэзии Марины Цветаевой (в частности, об открытии музея «Цветаевы в Тарусе»).

В №43 — заметка В.Кузнецова «...Принадлежал Павлу Васильеву» (о найденном издании «Толкового словаря» В.Даля с пометами поэта).

Там же — письмо сына писателя А.С.Новикова-Прибоя И.А.Новикова «Если прочитать “Цусиму” без предубеждения?» в защиту отца от нападок С.Семанова в статье «Русское офицерское сословие» (Литературная Россия. 1992. №6).

В №44 — анонимная заметка «Сияние “Марины Цветаевой”» (о добытом в Якутии крупном алмазе, названном именем поэтессы).

Там же — заметка «Замятинские чтения» Л.В.Поляковой, председателя Оргкомитета Первых российских замятинских чтений в Тамбове.

Там же — рецензия А.Корнеева на книгу: Овчинников Д. Певец России: Очерк творчества С.А.Есенина. Тула, 1992.

Там же — рецензия А.Лебедева на книгу: Гронский И.М. Из прошлого: Воспоминания. М., 1991.

Там же — под заголовком «Есть ли русская государственность?» отрывок из доклада С.Н.Булгакова на заседании Священного Синода (опубликован в 1917 г.); публикация А.Брежнева.

Литературные новости:

В №13 — публикация 4-х писем Марины Цветаевой детской писательнице Л.В.Веприцкой (январь-февраль 1940 г.); публикация и предисловие И.Шенфельда.

Там же — статья Э.Белевской «Два камня» (об установке в Тарусе мемориального камня в память о Марине Цветаевой).

Там же — статья Ю.Гончарова «Оскомина от Горького» (о противоречиях послереволюционного периода).

Там же — статья Л.Терехова «Россия и Африка» (в частности, о путешествиях по Африке Н.Гумилева и африканской теме в его творчестве).

В №14 — рецензия В.Литвинова на книгу Ивана Ильина «О тьме и просветлении» о Бунине, Ремизове, Шмелеве (М., 1992).

В №15 — заметка Л.Терехова «Цветаевские дни в Москве» (в частности, о Международной научной конференции, посвященной жизни и творчеству М.Цветаевой).

Там же — заметка Л.Алабина «Коллоквиум у моря» (о Международной конференции «Андрей Белый и его время» в Коктебеле).

Московская правда:

В №193 — заметка Е.Дементьевой «Рерих против Сталина» об издании Международным центром Рерихов Малой рериховской библиотеки (первая книга — сборник Н.К.Рериха «Россия»).

В №197 — статья Лилиит Козловой «Отыскался последний след Марины» о поисках могилы Марины Цветаевой.

В №198 — заметка Т.Сергеевой «Мир Марины Цветаевой» о выставке «Марина Цветаева: Поэт и время» в Музее изобразительных искусств им.А.С.Пушкина, а так же о выставке, посвященной 80-летию Ариадны Эфрон, в залах Литературного музея в Трублинском переулке.

В №201 — анонимная заметка «Спектакль по пьесе В.Хлебникова “Зангези”» (театр «Чет-Нечет»).

Московские новости:

В №41 — статья Л.Наврозова «Марина Цветаева: Гениальная женственность».

В №43 — его же статья «Перевод поэзии: Largo e mesto» (в частности, о переводе 311-го сонета Петрарки О.Мандельштамом).

Московский комсомолец:

В №213 — статья В.Волина «“Будет крылышки трепать о булыжники...”: (Об одном стихотворении Марины Цветаевой)» — о «провидческом даре» Цветаевой, проявившемся в стихотворении декабря 1921 г., посвященном А.Ахматовой.

Народная газета:

В №195 — заметка А.Молодова «В Коктебель к Волошину».

В №199 — статья А.Нефедова «В “борисоглебском доме”» (о культурном центре «Дом Марины Цветаевой» в Москве).

Там же — «Голос из-под земли»: воспоминания о М.Цветаевой Серафимы Ивановны Фонской, жившей в Доме творчества Литфонда в Голицыне; публикация А.Нефедова.

Там же — отклик О.Шмелева на книгу М.Цветаевой «Лебединый стан» (М.: Скифы, 1992).

В №202 — заметка В.Мехонцева «Для народа русского...» — к выходу сборника Н.К.Рериха «Россия».

Неделя:

В №43 — статья В.Лакшина «Все должно сгореть на моем огне», посвященная 100-летию со дня рождения М.Цветаевой.

Независимая газета:

В №189 — заметка Т.Шуршалиной «Платье для Цветаевой» (о премьере под этим названием документально-художественного фильма под этим названием); автор и режиссер В.Проскурин.

В №195 — статья К.Поливанова «“Мне в ненастьи мерещится книга”: Марина Цветаева в романе “Доктор Живаго”» (полностью работа напечатана в «нулевом» номере «DV»).

Там же — «Мы с Мариной никогда не общались с юдофобами»: беседа М.Фейнберг с А.Цветаевой.

Там же — заметка Е.Михайловой о выставке в Музее изобразительных искусств им. А.С.Пушкина, посвященной М.Цветаевой.

Там же — заметка Ф.Османовой об открытии в Тарусе Дома-музея М.Цветаевой.

Там же — письмо в газету М.Шагалова о музее М.Цветаевой в Борисоглебском переулке в Москве.

В №199 — под заголовком «Андрей Белый у Черного моря» отчет Л.Кациса о проходившем с 15 по 19 сентября 1992 г. в Коктебеле Международном коллоквиуме «Андрей Белый и его время».

В №206 — заметка А.Шундрин «Париж вспоминает Цветаеву» (о международном симпозиуме «Марина Цветаева. Песнь жизни» в Сорбонне).

В №209 — интервью И.Зотова с А.А.Тахо-Годи (в частности, об А.Ф.Лосеве).

Подмосковные известия:

В №198 — под заголовком «Затуманила меня кровь-руда!» рецензия М.Шестова на книгу М.Цветаевой «Лебединый стан» (М.: Скифы, 1992).

Подмосковье:

В №42 — рецензия К.Благоевича на книгу М.Цветаевой «Лебединый стан» (М.: Скифы, 1992).

Позиция:

В №42 — статья Л.Нуретдиновой «Моим стихам... настанет свой черед» (к 100-летию со дня рождения М.Цветаевой) и подборка из четырех стихотворений Цветаевой разных лет.

Российская газета:

В №216 — юбилейная заметка В.Карповой «Не верю сам, что мне 110» о поэте А.Д.Брянском (Саше Красном), в частности, о его знакомстве с М.Булгаковым, Ю.Олешей, В.Маяковским, С.Есениным.

В №218 — под названием «Сергей Есенин: “Я пришел на эту землю, чтоб скорей ее покинуть...”» заметка Н.Бобровой о праздновании 98-летней годовщины со дня рождения С.Есенина (в том числе, об открытии в Большом Строченовском переулке в Москве мемориальной комнаты А.Н. и С.А.Есениных).

В №222 — под названием «Жизнь: распахнута радость поздороваться с утра...» отрывки из книги В.Лосской «Марина Цветаева в жизни» и сборника «Воспоминания о Марине Цветаевой»; здесь же фотография М.Цветаевой с дочерью Ариадной, сделанная в Чехии в 1924 г.

Там же — статья дьякона Андрея Кураева «Преподобный Сергей и Марина Цветаева».

В №224 — анонимная заметка «Бунинские чтения» (в г.Ельце).

Российские вести:

В №67 — под заголовком «Как одинок человек всю жизнь!» впервые публикуются дневниковые записи М.Цветаевой 1918-1919 гг.; публикация Льва Мнухина (по рукописи одного из томов подготовленного к изданию Собрания сочинений М.Цветаевой).

Россия:

В №41 — статья А.Немзера «Готика смыслов» о поэтическом мышлении М.Цветаевой.

Русская мысль (Париж):

В №3948 — предисловие Т.Лаптевой «“...Для блага России и всего мира”: Владимир Соловьев в последние годы жизни» к публикации двух неизвестных текстов Соловьева 1890-х гг. (см. №3949 и 3950).

Там же — рецензия О.М. «Ручательство любви» на книгу: Посвящается Марине Цветаевой: Сб. стих. М., 1991.

Там же — рецензия Г.Якимова на книгу: Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992.

Там же — рецензия В.Бетаки на книгу: Черубина де Габриа. Автобиография. Избранные стихотворения. М., 1989.

В №3949 — «Письмо к Николаю II» от 23 апреля 1896 г. Вл.Соловьева и «Замечания К.П.Победоносцева по поводу письма Владимира Соловьева Николаю II»; публикацию подготовила Т.Лаптева.

Там же — программа международного коллоквиума «Марина Цветаева. Песнь жизни», проводящегося Научно-исследовательским центром славянских литератур Парижского университета (Сорбонна).

В №3950 — «Несколько личных воспоминаний о Каткове» Вл.Соловьева; публикация и комментарий

Т.Лаптевой. Воспоминания Соловьева единожды опубликовались в 1897 г. в тифлисской газете «Кавказ» (из материалов №25 журнала «Наше наследие»).

В №3952 — публикация Т.Сафоновой «Бунинский вариант» (бунинский перевод стихотворения А.Исаакяна и письмо Бунина Ю.Веселовскому от июня 1906 г.)

Там же — статья Ю.Молока «Еще о бароне Майгеле, или Послесловие к выставке “Письмо Булгакову”» (о выставке работ московских художников по мотивам творчества Булгакова).

Там же — статья П.Крючкова «Завещание “господина Z”: Разрозненные впечатления о 2-ой международной конференции “Эсхатология Владимира Соловьева”».

Там же — рецензия Л.Поликовской «В аспекте отношения к этой личности”: Литературоведение в изменившихся условиях» на книгу: Федосеева Л.Г. Марина Цветаева: Путь в вечность. М., 1992.

Там же — рецензия С.Носова «Апология мудрости: Г.Федотов о судьбе России» на книгу: Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1992. Т.1, 2.

Русский вестник:

В №38 — под заголовком «Душа сбывлась» подборка из пяти стихотворений М.Цветаевой.

Санкт-Петербургские ведомости:

В №232/233 — под заголовком «Двух станов не боец: судья — истец — заложник» впервые публикуемые в России дневниковые записи, автобиографические заметки М.Цветаевой: «Аля: (Записи о моей первой дочери)», «Грабеж» (из дневника), письмо к И.Г.Эренбургу (от 21 октября 1921 г.), два письма к Ю.Ю. и Г.П.Струве (от 30 июня 1923 г.), письмо к А.И.Андреевой (от 8 июня 1939 г.); публикация писем Е.Лубянской (материалы взяты из №10 журнала «Звезда» за 1992 г., готовящегося к выходу).

В №242 — заметка секретаря Ключевского общества «Песнослов» И.Запаладова «В Вытегру, к Ключеву» о VIII Всероссийских ключевских чтениях в Вытегре.

В №247 — анонимная заметка «Здесь жил писатель» об открытии в Петербурге на доме №7 по Разъезжей улице мемориальной доски на доме, где жил А.И.Куприн.

Семья:

В №41 — стихотворение Саши Черного «Легенда» (1923).

В №42 — рассказ М.Зошенко «Самое главное» (1938).

Смена:

В №233 — под заголовком «На высоте Джомолунгмы» беседа Н.Куранцевой с А.Саакянц о Марине Цветаевой (к 100-летию со дня рождения последней).

Советская Россия:

В №127 — статья Сергея Куняева «Золотая сорви-голова» (к 98-й годовщине со дня рождения С.Есенина), в частности, о самоубийстве поэта.

Сын отчества:

В №42 — под рубрикой «Поэзия белой гвардии и эмиграции» стихотворения Б.Гисси «Гимн» и «Молитва русского воина» (из газеты «Надежда России», июль 1919 г.); публикация И.Успенского.

В №44 — заметка А.Малаховой «Маринино лето» о музее М.Цветаевой в Александрове.

Труд:

В №151 — статья Л.Озерова «“Я пишу, чтобы добраться до сути”: Неисчерпаемая поэзия, гибельная судьба Марины Цветаевой».

В №154 — статья Ю.Дмитриева «Расправа на Гороховой» о деле Петроградской боевой организации, в частности, о Н.Гумилеве.

В №156/157 — статья Ю.Азарова «Великий педагог ГУЛАГа: Макаренко и сталинизм».

Федерация:

В №41 — статья Н.Лукьяновой «Зачем моему ребенку такая судьбина?..» о М.Цветаевой и Ариадне Эфрон.

В №43 — под названием «Так просто и ясно: будут труд и совесть — будет и Россия» подборка статей И.С.Соколова-Микитова о русской деревне («Мать-земля», «Крепота и тощета», «На коленях», «Крик») из берлинской газеты «Руль».

Цирк («Экс-Арена»):

В №35/36 — под рубрикой «Публикуется впервые» окончание повести Саши Черного «Черт на свободе» (начало в №№27-32); публикация В.А.Приходько.

Час пик:

В №41 — под заголовком «Цветаева — крупнейший (после Пастернака) поэт своего поколения» впервые на русском языке публикуются фрагменты статьи Д.Святополка-Мирского «Литература русской эмиграции» (журнал «Slavische Rundschau», 1929, №4,5); перевод с немецкого В.Никитина; предисловие, примечания и публикация В.Перхина.

Экран и сцена:

В №40/41 — под заголовком «Илья Ильф, Евгений Петров: “Даешь Голливуд!”» публикация в сокращении их письма Сталину (не позднее 26 февраля 1936 г.), в частности, о строительстве «Советского Голливуда» (полностью публикуется в журнале «Искусство кино»).

Эмиграция:

В №9 — статья С.Краюхина «Эти рассеянные по белу свету Слонимские...» (в частности, о М.Л.Слонимском).

* * *

В дополнение к нашему обзору содержания тартуской газеты «Alma mater» (см.: Рогачевский А.Б. *Alma mater perfututa // De Visu*. 1992. №0) извещаем о выходе сентябрьского №3(8) газеты за 1992 г. (этот номер, как сообщил нам редактор «Alma mater» Д.Кузовкин, по-видимому, будет последним).

На первой полосе этого номера напечатаны два отчета. Первый — Э.Дмитриев, «Русская культура: Структура и традиции» — об одноименной научной конференции, прошедшей 2-6 июля 1992 г. в Киле (Великобритания) и приуроченной к 70-летию со дня рождения Ю.М.Лотмана (проаннотированы доклады М.Л.Гаспарова, Б.А.Успенского, Ю.М.Лотмана, А.М.Пятигорского, Н.Каухчущвили, И.Померанцева). Второй отчет под названием «Под знаком обезьяны» — о Международной конференции «А.М.Ремизов и мировая культура», организованной Ремизовским обществом 27-29 июня в Таллинне (выступления

А.Данилевского, Л.Спроге, С.Доценко, А.Грачевой, И.Белобровцева, А.Возняк, Х.Вашкелевич, Е.Горного, Е.Тырышкиной).

«Свой скромный вклад» в ремизоведение «Alma mater» представляет на 7-ой полосе: под шапкой «Алексей Ремизов на страницах русских газет в Эстонии» перепечатаны его письмо в редакцию ревельской газеты «Последние известия» (опубликовано там 9 сентября 1921 г.) и отчет Ярового [Штейн С.В.] «Белое сердце» об авторском вечере Ремизова 16 сентября 1921 г. в ревельском Эстонском национальном музее (опубликован в №230 «Последних известий»); предисловие и публикация О.Фигурновой.

В номере «завершается» (как уверяет редакция) дискуссия вокруг статьи Б.М.Гаспарова «Тартуская школа 1960-х годов как семиотический феномен»: напечатаны работы Ю.Левина «За здоровье ее

величества» (в содержании — «За здоровье ее величества королевы английской!») и Г.Амелина «Окалечившиеся мыслью», а также ответ Б.Гаспарова «Почему я перестал быть структуралистом».

В номере также статьи: Ю.М.Лотман «Изъявление господне или азартная игра?: Закономерное или случайное в историческом процессе»; интервью с британским славистом Д.Эндрю «Феминизм и основы общества»; эссе В.Муллина «Кладбище как культурный феномен»; Л.Столович «Встреча с губерманом» (воспоминания об Игоре Губермане); В.Шубинский «Два берега, связующие море» (к выходу Собрания сочинений А.Тарковского); И.Утехин «Как тебе-нестыдно» (о детской психологии).

На последней полосе — стихотворения К.Козлова и А.Иконникова-Галицкого.

КОРРЕКТУРЫ И РУКОПИСИ

О ситуации, сложившейся в книгоиздании сегодня, писалось и говорилось уже немало. Тотальная коммерциализация привела к тому, что издатели не решаются выпускать книги Андрея Белого, Ходасевича, Кузмина, Платонова, Сологуба и др., боясь, что они будут убыточными. Не будем говорить об историко-литературных и литературно-критических работах. Десятки (если не сотни) книг, уже подготовленных к печати и доведенных до корректуры, осели мертвым грузом в издательствах или у авторов и составителей. «DV» собирается подробно информировать о такого рода «изданиях», связанных с областью его интересов. Возможно, наши «брачные объявления» помогут найти книгам своих издателей.

Редакция «DV» просит своих читателей и издательских работников информировать о книгах, оказавшихся в сходной ситуации.

Издательство «Дружба народов». В.Г.Короленко. «Воюю только пером...». Предисловие М.Я.Гефтера. Составление, послесловие и примечания Е.И.Меламеда

Известно, что в юности В.Г.Короленко мечтал стать адвокатом, однако и не войдя в корпорацию присяжных поверенных, он фактически не изменил своим устремлениям, постоянно апеллируя к праву и законности. Не случайно почти все включенные в сборник очерки, статьи и заметки связаны с тем или иным «делом»: «мултанским», «сорочинским», «кромштинским»; делами Дрейфуса, Юсупова, Глускера, Бейлиса; делом о Кишиневском погроме и о Мариампольской «измене». А расположенные в хронологическом порядке, они представляют не только своеобразную область публицистического наследия одного из признанных мастеров жанра, но и эпизоды из жизни известного правозащитника (не важно, что термин этот в эпоху Короленко не был в ходу), о котором знаменитый некогда петербургский адвокат О.О.Грузенберг написал, что «по постоянству отклика на чужую беду, по числу спасенных им от казней он не уступит любому из политических защитников его времени».

Подбирая эти «отклики на чужую беду», как известные («Мултанское дело», «Дом № 13», «Сорочинская трагедия»), так и практически неизвестные современному читателю («Крест и полумесяц», «Вера отцов», «Котляревский и Мазепа», «О капитане

Кюкене») составитель пытался также обосновать одно принципиальное утверждение писателя, сделанное уже в послеоктябрьскую пору. «Мне случилось,— писал он в статье «Два ответа», — защищать мужиков-вотяков и Вятской губернии, русских мужиков в Саратовской, сорочинских украинцев в Полтавской — против истязаний русского чиновника. Вотяк, черемис, еврей, великорусс, украинец — для меня были одинаково притесняемыми людьми...»

Сборник общим объемом в 25 а.л. включает комментарии и послесловие составителя, а также предисловие известного историка и философа М.Я.Гефтера.

Издательство «Дружба народов», для которого он предназначался, поначалу не без энтузиазма отнеслось к рукописи. Запланированная на 1992 г., она была подготовлена к печати, но в производство так и не ушла.

Е.М.

Издательство «Лицей» (б. «Детская литература», Ленинградское отделение). Кузмин М. Сказки. Вступительная статья, подготовка текста и примечания А.Г.Тимофеева.

Иллюстрированное издание «сказок» М.Кузмина, извлеченных из книги: Кузмин М. Покойница в доме. Сказки. Четвертая книга рассказов. СПб., 1914.

При подготовке книги была произведена сверка текстов книжного издания 1914 г. с журнальными и

газетными первопубликациями (автографы «сказок», по нашим сведениям, не сохранились).

В примечаниях приводится информация о публикациях «сказок» в периодике, кратко проанализированы сводки текстологических разночтений, приведенных в издании: Кузмин М.А. Проза. <Т.> IV: Покойница в доме. Сказки. Зеленый соловей / Ред. и примеч. Владимира Маркова и Фридриха Шольца. Berkeley, 1985. В некоторых случаях удалось дополнить или исправить наших западных коллег.

Издательство «Искусство», С.-Петербургское отделение. Кузмин М. Театр. В 2-х книгах. Вступительная статья, составление, подготовка текста и примечания А.Г.Тимофеева.

Это издание, подготовленное для серии «Библиотека русской драматургии», должно было стать первым собранием драматических произведений М.Кузмина, построенным на научных принципах.

Кузмину не суждено было увидеть выпущенным обширное собрание своих пьес (за исключением двух сборников 1900-х годов — «Три пьесы» и «Комедии», его пьесы выходили отдельными изданиями — «Куранты любви», «Венецианские безумцы», «Вторник Мэри»; ряд драматических вещей увидел свет в альманахах и периодике). В конце 1910-х годов у него возник план издания «театра» в двух томах — в составе неосуществленного Собрания сочинений, которое намеревался печатать З.И.Гржебин.

В основу нашего издания был положен этот замысел. По аналогии с двумя томами, состав которых отразил авторскую волю Кузмина этого времени, четыре позднейшие пьесы — «Соловей» (опубликовано нами: Русская литература. 1991. №4), «Кот в сапогах» (опубликовано нами: Всемирное слово. 1992. №2), «Прогулки Гуля» и «Смерть Нерона» — были выделены нами в третий том. Из-за отсутствия авторских указаний здесь была выдержана хронологическая последовательность.

Четвертый том, также организованный в хронологической последовательности, составили так называемые «дополнения» — пьесы, не включенные Кузминым в число избранных двадцати пяти. В этом томе представлены также juvenilia, оригинальные оперные и опереточные тексты, незавершенные пьесы, не введенные в основное собрание, и т.д.

Грань между собственно драматическими и музыкально-драматическими произведениями М.Кузмина, как правило, неуволнима. Пьес, в которых музыкальные номера отсутствовали бы полностью, практически не существует. Ситуация осложнена тем обстоятельством, что обыкновенно Кузмин сочинял музыку для своих драматических произведений сам. В четвертой части издания мы были вынуждены руководствоваться жестким формальным критерием: в издание были включены лишь те произведения, которые, несмотря на их театральность-музыкальный характер, рассматривались М.Кузминым и в качестве собственно драматических текстов. В подобных случаях, как правило, имеет место авторская запись текста как такового. Напротив, если текст сочинения известен только по записи среди нот, он оставался за пределами книги (в противном случае, юношеские вещи значительно увеличили бы и без того немалый объем издания, который составил 38-39 а.л. —

включая вступительную статью «Театр “нездешних вечеров”» — 2 а.л., и примечания — 6 а.л.)

В примечаниях указываются все известные источники текста, в необходимых случаях дается подробное текстологическое обоснование выбора источника; приводятся сведения о творческой и сценической истории пьес, отзывы современников и обзор рецензентских откликов на постановки.

Издание не предполагалось иллюстрировать, но — при появлении заинтересованного издателя — составитель готов предоставить достаточное количество иллюстраций, в том числе неопубликованных.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. Кузмин М. Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро: Проза, критика. Сост. Л.Н.Житковой и А.Г.Тимофеева. Вступительная статья, примечания, подготовка текста А.Г.Тимофеева.

Первоначально задуманное издание литературно-критической прозы М.Кузмина, в процессе подготовки книги к печати «перестроенное» по настоянию издательства и снабженное редакционным названием (повторяющим название известного произведения М.Кузмина).

Наибольший интерес представляет второй раздел издания, который составили литературно-критические статьи М.Кузмина, впервые собранные в столь значительном (хотя, по не зависящим от составителей обстоятельствам, и не полном) объеме. Весь корпус статей, включенных в издание, был поделен на пять частей: статьи общетеоретического характера, статьи о поэтах и писателях, обзоры современной литературы, рецензии, предисловия к книгам современников и переводным изданиям.

Как известно, при жизни М.Кузмина был издан единственный сборник его статей. Книга «Условности: Статьи об искусстве» (Пг., 1923) состояла в основном из статей и заметок, посвященных театру и музыке. Статьи по литературным вопросам были представлены в ней отрывочно. Кое-где имели место цензурные (либо автоцензурные) искажения. Кроме того, за рамками сборника 1923 г. остались литературно-критические опыты, опубликованные до революции. После выхода «Условностей» Кузмин не оставил амплуа литературного критика, хотя публиковаться ему становилось все сложнее; эти немногочисленные выступления тоже нашли отражение во втором разделе нашей книги в соответствующих ее частях.

Рукописи статей М.Кузмина, сохранившиеся в редких случаях, и были, как правило, использованы в качестве основных источников текста, если в публикациях обнаруживались редакционные сокращения, правка или иные искажения. Статьи, из числа вошедших в сборник «Условности», текст которых был по цензурным условиям или автоцензурным соображениям в этом издании искажен, приводятся по первым публикациям.

В примечаниях к статьям, помимо библиографической информации и обоснования датировок, особое внимание было уделено выяснению полемиического контекста кузминской критики.

В разделе избранной прозы представлены по большей части произведения так называемого «стилизационного» направления. Прозаические опыты, извлеченные из ранних «книг рассказов», органично дополняются откомментированной заново повестью

«Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро» и рассказами пореволюционной поры, которые до недавнего времени (а именно — до появления соответствующего тома в Собрании прозы М.Кузмина, выходящем в Беркли, США) относились исследователями к «несобранной прозе».

Сборник предваряет статья А.Г.Тимофеева «Стрелы и странствия Михаила Кузмина», основанная на материалах архивных разысканий и данных новейших публикаций. Объем статьи 2 а.л., примечаний 5 а.л. Общий объем издания 27 а.л.

Книгу предполагалось выпустить с многочисленными иллюстрациями, предоставленными Литературным музеем ИРЛИ, Рукописным отделом ИРЛИ, Музеем Анны Ахматовой в Фонтанном Доме и др. Воспроизведение кузминских рисунков на полях рукописей сообщало изданию нескудный и домашний вид.

Остановлено производством на стадии верстки.

А.Т.

«СЕВЕРНАЯ ГИЛЕЯ»

Трудно представить, какое количество новых периодических изданий возникло за последние 5-6 лет. Некоторые из них выходят и по сей день, другие исчезли, успев выпустить только нулевой номер. «DV» предполагает освещать некоторые из новых изданий (как выходящих, так и прекративших существование) на своих страницах. В одном из следующих номеров — обзор газеты «Мир Есенина» (Ташкент).

Редакция «De Visu» просит сотрудников новых изданий, в сферу интересов которых входит русская литература 1890-1930-х гг., присылать эти издания для наших обзоров.

Ежемесячное литературно-художественное приложение к многотиражной газете «Бумажник» Архангельского целлюлозно-бумажного комбината (г.Новодвинск) «Северная Гилея» появилась в результате несколько неожиданного симбиоза московского литературно-художественного агентства «Гилея» при Советском фонде культуры и группы северо-российских литераторов и журналистов. Неизбежное противоречие между запросами массового читателя, на которые должна была ориентироваться многотиражная газета, и культуртрегерскими устремлениями агентства «Гилея», попытавшегося внедрить в сознание этого читателя представление о весьма сложных и порою крайних манифестациях отечественного авангарда (в основном заумно-футуристического и пост-футуристического толка), привело к относительно быстрому распаду такого симбиоза. Это противоречие обусловило и несколько эклектичный характер «северной литературной газеты», и довольно пестрый подбор материалов, и недочеты по части научной подготовки публикаций.¹ Следует признать, тем не менее, что «Гилея», получившей в руки наполовину «свой» ежемесячник, удалось использовать предоставленную возможность достаточно эффективно.

Первый выпуск «Северной Гилеи» появился в ноябре 1990 года; до конца 1991 года газета выходила регулярно, после чего издание было прекращено. Всего вышло 14 номеров ежемесячника. В 1990 году газета не имела нумерации; январский выпуск 1991 года вышел под номером 1; с №3(5) газета имела двойную нумерацию — от начала года и от начала издания. Чтобы избежать недоразумений, для выпусков 1991 г. мы также будем использовать двойную нумерацию, а ноябрьский и декабрьский выпуски 1990 года обозначим, соответственно, номерами 1 и 2.

«Северная Гилея» редактировалась Е.Радовым (Москва) и В.Шарковым (Новодвинск); в подготовке номеров газеты принимал активное участие директор

агентства «Гилея» С.Кудрявцев. Формально, однако, его имя появляется в выходных данных издания только с №7(9). Объем ежемесячника — 1 печ. лист (16 стр. in octavo); тираж колебался от 2,5 до 4,4 тыс. экз. Часть тиража распространялась в Москве через агентство «Гилея».

«Архангельская» часть газеты (всего более 30 публикаций) включает стихи и прозу северо-российских литераторов А.Ключева, Н.Лучинского, Н.Олуферова, Е.Богданова, И.Иконникова, Е.Токарева, А.Щербакова, А.Лыскова, Е.Николихиной и др. Анализ этих материалов выходит за рамки как тематики журнала «DV», так и компетенции автора. Отметим только, что для целого ряда прозаиков и поэтов публикация в «Северной Гилее» стала первым шагом в большую литературу.

Московской редакцией ежемесячника было подготовлено более 50 материалов, касающихся социологии, истории России, истории русского литературно-художественного авангарда, современной литературы, а также переводной поэзии и прозы.

Историко-социологические материалы представляют собой преимущественно перепечатки, причем, как правило, из весьма редких изданий. Следует отметить, что при нынешнем обилии переизданий труднодоступных источников перепечатки «Северной Гилеи» не дублировали ставшую теперь массовой продукцию такого рода, а предваряли будущие (и пока не состоявшиеся) издания. Так, в «Северной Гилее» были напечатаны фрагменты из книг: В.Дорошевич. Сахалин (№1); Н.Евреин. История телесных наказаний в России (№2); И.Прыжов. История кабаков в России в связи с историей русского народа (№5(7)); С.Сигеле. Преступная толпа, рус. пер. 1893 г. (№8(9)); А.Пругавин. В казематах (№9(10)); Е.А.В.Циммерман. Обзорение путешествий и открытий XVIII века, касательно земель, народов, произведений и искусств, рус.пер. 1807 г. (№11(13)); Д-р Леманн. История суеверий и волшебства

(№12(14)). Некоторое недоумение, однако, не позволяет нам оценить обилие и свежесть этих материалов с сугубо положительным знаком. Большинство из выбранных для публикации фрагментов сосредоточено на описании бесчеловечно-патологических и отталкивающих акций, будь то акции индивидуального проявления, стадного или «государственного» характера. На наш взгляд, сочетание их с публикациями русских футуристов, обзристов и пост-авангардных авторов вряд ли способствует адекватному восприятию последних. Спорной представляется нам и подборка фрагментов из книги Г.Пиккера «Адольф Гитлер без маски» (№10(12)), в которой этот персонаж вполне академически представлен в качестве эксперта по европейской культуре.

В разделе «Пережитое» впервые опубликованы воспоминания Д.С.Лихачева «Соловки» (№1(3) — 6(8)), погружающие читателя в атмосферу лагерного быта, — свидетельство редкой честности и редкой памяти русского интеллигента. Отметим только, что осторожное предположение Д.С.Лихачева о том, что А.Туфанов мог находиться в Соловецком лагере в 1929 году (№4(6), с.9), не находит подтверждения в известных на сегодня фактах биографии последнего, в том числе и в следственных делах Туфанова 1931-1932 гг. и его ходатайствах о снятии судимости в 1939-1940 гг. (см. публикацию И.С.Мальского в газете «Санкт-Петербургский Университет», 1991, 1 ноября и в журнале «Октябрь», 1992, №11; благодарим И.С.Мальского за предоставление дополнительных сведений по делу А.В.Туфанова из архивов ОГПУ).

Значительное место в газете занимают публикации современной «пост-авангардной» поэзии и прозы. Мы находим здесь новые тексты А.Еременко, С.Осипова (№4(6)), В.Эрля, Б.Констриктора (№8(10)), С.Сигея (№10(12)), Е.Радова (№№ 1, 12(14)), Е.Харитоновна (№4(6)). Литераторы старшего поколения представлены именами Р.Казаковой (№1), А.Жигулина (№ 1(3)), Г.Айги (№№2, 6(8)). Особое пристрастие редакции к разнообразным формам графомании позволило охватить широкий спектр сочинений этого рода² — от маловыразительного «эстетического графоманства» пермского «Общества Детей Капитана Лебядкина» до великолепных стихов Петра Смирнова (№ 6(8)), предваренных статьей А.Еременко — искренней данью уважения к поэту, истинное место которого в отечественной литературе еще предстоит оценить литературоведам. В отделе переводов напечатаны тексты песен Дж.Леннона (№2) и Тома Уэйтса (№11(13)), рассказы Дилана Томаса (№4(6)) и Р.Шекли (№2(4)), проза Патти Смит (№8(10)). И хотя дважды повторенное обещание, что «в газете «Северная Гилея» из номера в номер будут публиковаться лучшие образцы отечественной и зарубежной литературы прошлых лет» представляет собою явное преувеличение, нельзя не отметить, что этот раздел оставляет вполне цельное впечатление.

Наиболее сильная и яркая часть газеты — публикации материалов, связанных с русской культурой «серебряного века». Несмотря на тяготение редакции к футуристической структуре этой культуры, выбор текстов впечатляюще широк. Так, в №1(3) впервые опубликованы воспоминания И.Поступальского о Мандельштаме, в №11(13) — также впервые

— фрагменты записей Владимира Смирнского «Сологуб говорит о литературе»³, в №7(9) перепечатаны из «Летописи Дома литераторов» (1922. №8/9) «Последние мысли» В.В.Розанова, там же — стихотворение «биооксимиста» А.Ярославского из его сборника «Святая Бестиаль» (Пг., 1922) с содержательным предисловием С.Кудрявцева.

Наибольшее число материалов посвящено русскому футуризму и близким к нему тенденциям в литературе и искусстве. Начало положено в №2, где напечатан обзор работы херсонской конференции по проблемам русского и украинского авангарда 1990 года, сделанный Е.Радовым. В №2(4) под заголовком «Сонеты времен войны» впервые публикуются восемь фрагментов своеобразного цикла стихотворений (или поэм) Ильи Зданевича (авторское заглавие утеряно)⁴. Поздний Зданевич практически неизвестен в России (а поздний русскоязычный — и на Западе), и публикация эта, конечно, представляет большой интерес. Тем обиднее встречаться с крайне неточным описанием публикуемого материала. Начнем с того, что стихотворения Зданевича вовсе не являются сонетами: они представляют собой десятистишия, предпоследний стих которых не имеет рифмы внутри данного стихотворения, а рифмуется с первым стихом следующего; последнее (сотое) стихотворение заканчивается одиннадцатым стихом, совпадающим с первым стихом первого стихотворения и возвращающим читателя к началу цикла. Во-вторых, несмотря на то, что в основном цикл был написан во время войны, хронологические рамки его все же шире чем это указано в заглавии: 1941 — 1946, а последнее стихотворение датировано 18.6.<19>54. Публикация не свободна от опечаток (в стихотворениях 1 и 2)⁵; неточно утверждение во вступительной заметке о том, что из состава цикла утеряно 27 стихотворений — их в действительности 28. Неверно, что И.Зданевич жил в Тифлисе в 1921 году: он уехал в Константинополь в ноябре (по другим данным — в конце октября) 1920 года. Наконец, вопреки утверждению автора вступительной заметки, пьеса «лидантЮ ФА-рам» была опубликована не в Тифлисе, а в Париже, в августе 1923 года. Не многовато ли для одной публикации?

Впервые публикуемая «Автобиография» И.Терентьева, извлеченная из его следственного дела 1931 года, а также весьма содержательная вступительная статья С.Кудрявцева, в которой использованы ранее не известные материалы из архивов МВД и КГБ, составляют наиболее интересные страницы номера 6(8). Здесь же впервые приведены фотографии Терентьева из следственного дела 1937 года, перепечатан ряд стихотворений из его «Собрания сочинений», вышедшего в Болонье в 1988 году тиражом 800 экз. (правда, без ссылки на эту книгу). В том же номере практически целиком воспроизведено миниатюрное издание стихотворений К.Малевица «По лестнице познания», выпущенное издательством «Гилея» в 1991 году. Здесь же — обзор конференции, посвященной творчеству Малевица 1991 г. в Третьяковской галерее, написанный Е.Радовым. Напомним, что в той же газете А.Еременко представляет стихи Петра Смирнова. Кажется, из всех номеров «Северной Гилеи» этот номер — самый содержательный. Правда, и здесь не обошлось без ложки дегтя. Именно к этому выпуску газеты относится страница

исправлений опечаток, о которой шла речь в предыдущем примечании.

Номер 11(13) «Северной Гилеи» открывается статьей «Блистательный футурист» о А.Е.Крученых, за которой следует публикация трех его стихотворений 1940-1953 гг. Публикация превосходная, по первоклассному источнику (архив Г.Айги), однако комментарий снова вводит читателя в заблуждение. Все три «никогда и нигде не опубликованные стихотворения» на самом деле публиковались, причем одно из них — неоднократно: «Роман по телефону» — в «Неве» (1986. №11), и ранее в 1980 и 1983 в книгах Дм.Молдавского, «Разлука на пустырях» и «Николаю Асееву» — в сборнике «День поэзии» (М., 1986). В 1983 году два из этих стихотворений были напечатаны также в самиздатском журнале Ры Никоновой и С.Сигея «Транспонанс» (№16). Не вполне корректно и утверждение, что «в нашей стране так с того времени <т.е. с 1930-х годов> ни одной книги Крученых и не вышло»: в 1990 году объявленным тиражом 100 тыс. экз. издательство «Всесоюзная книжная палата» перепечатало «Четыре фонетических романа».

В заключение обзора «футуристических» публикаций «Северной Гилеи» упомянем три заумных стихотворения Бориса Эндера 1922-1923 гг. из его дневников, сопровождаемые заметкой С.Бирюкова «Тайнопись художника» (№12(14)).

Две публикации связаны с обзирютами: в номере 8(10) напечатаны мемуарные заметки И.Бахтерева «О себе» и два его стихотворения (присланы специально для «Северной Гилеи»); В №12(14) — впервые публикуемые ранние (1920) стихи А.Введенского из подготовленного М.Мейлахом и В.Эрлем к изданию «Полного собрания сочинений» поэта. Подборка включает все пять стихотворений Введенского из коллективного письма к А.Блоку 1921 года, однако при публикации из третьего стихотворения выпала вся центральная часть (2/3 текста); напечатанные в том же номере фотография Введенского-мальчика и надпись на ее обороте сопровождаются указанием: «Публикуется впервые», что снова не соответствует действительности: и то и другое впервые воспроизведено в журнале «Детская литература» (1989. №7) с более точным чтением надписи. Оригинал фото-

графии хранится в собрании А.Г.Герасимовой (Москва).

Упомянем в заключение еще три важных материала из номера 10(12): начало «Песни Седьмой» из неопубликованной поэмы Г.Оболдуева «Я видел», подборку стихотворений А.Егунова, подготовленную Т.Никольской, и публикацию экслибриса тамбовского коллекционера и друга Д.Бурлюка Н.А.Никифорова работы Пикассо.

Из предложенного обзора, надеюсь, читателю очевидно, что редкое издание может похвастать таким количеством интереснейших публикаций на протяжении немногим более чем годового существования. Досадные недостатки, о которых шла речь выше, остаются недостатками хорошего издания, и легко могут быть учтены в последующей работе. Кажется, начало положено. Агентству «Гилея» следует пожелать новой инициативы такого же рода.

1. Редакция попыталась «сцементировать» «Северную Гилею» сквозной публикацией текста «Дао дэ цзин», выбрав из опубликованных переводов, возможно, не лучший, но полный перевод Ян Хиншуна из книги «Древнекитайская философия» (М.: Мысль, 1972. Т.1). За время своего существования газета успела перепечатать (в №№1-7(9), 10(12)) 38 цзянов (из 81) этого замечательного текста.

2. См. публикацию стихов солдат Семеновского полка (1801) к императору Александру I в №2(4).

3. Следует исправить искаженную при публикации последнюю фразу приведенного текста: «Но поэт должен обязательно над людьми издеваться, несмотря на то, что до окружающего ему, собственно, нет никакого дела». Благодарю С.В.Кудрявцева за предоставление нам копий неопубликованных произведений В.Смиренского и И.Зданевича.

4. Сохранились лишь подзаголовки: «Сотня первая», «Сотня вторая» и т.д., где счет идет на стихотворные строки.

5. Опечатки вообще составляют бич публикаций «Северной Гилеи»; в №7(9) редакция посвятила целую страницу исправлению ошибок, допущенных в предыдущем номере газеты (при этом приведенный список отнюдь не полон).

А.Т.Никитяев.

Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения К.Г.Паустовского (1892-1968)

Конференция проходила 25 и 26 ноября 1992 г. в Москве, в Институте мировой литературы РАН (ул. Поварская, 25а). Вступительное слово было произнесено Н.Н.Воробьевой (Москва), автором одной из первых диссертаций, посвященных творчеству писателя — «Проблемы стиля К.Г.Паустовского» (1965). Исследовательница поделилась информацией о количественных показателях, связанных с изданиями произведений Паустовского и изучением его наследия (так, например, по ее данным к настоящему моменту о Паустовском защищено не менее 8 диссертаций за рубежом и около 40 — в странах бывшего СССР). Н.Н.Воробьева выразила надежду, что конференция станет новым этапом в изучении творчества писателя. Этим ожиданиям в значительной мере суждено было оправдаться.

Н.П.Антипов (Иркутск) в докладе «Художественный мир Паустовского как плодотворный момент эстетического развития литературы и действительности» показал, что писатель в своих установках как бы следовал заветам Ф.Лессинга, утверждавшего: сочинитель должен останавливать внимание на плодотворном моменте в жизни, и тогда его произведения будут плодотворным моментом в искусстве. Ученый трактовал понятие «плодотворный момент» как обращение к непреходящим жизненным ценностям и тем объяснил долговечность художественных произведений Паустовского.

В сообщении Ф.Р.Макаровой (Москва) «Эволюция национального самосознания в творчестве Паустовского: (К постановке проблемы)» было выделено три периода деятельности писателя: 1) до начала 1930-х гг., когда национальное чувство художника казалось еще неопределенным, а национальный колорит в ранних произведениях почти отсутствовал; 2) весьма продолжительный, когда после журналистских поездок по стране пробудился интерес к русской истории, истокам русской духовности, а русская культура предстала, что называется, «в лицах»; истинный же взлет национального чувства наблюдается в рассказах и очерках «мещерского» и «тарусского» циклов; 3) заключительный, когда произошло органическое слияние национальной и общечеловеческой проблематики в «Повести о жизни» и «Золотой розе».

Е.П.Чеплакова (Москва) в докладе «Концепция жизни у Паустовского», отметив обилие произведений биографического жанра в творчестве писателя, попыталась определить, что именно, по мнению Паустовского, наполняет жизнь смыслом. Основная концепция намечена романистом уже в «Романтиках»: это

— ненасытная жажда жизни, осознание творчества как реализации жизненной задачи (а не примат жизни над творчеством или наоборот). По мнению исследовательницы, Паустовский считал: жизнь приобретает смысл лишь тогда, когда написана повесть о ней.

Прямо противоположной теме был посвящен доклад В.Казака (Кельн) «Изображение смерти в произведениях Паустовского» — таких, как «Стекольный мастер», «Старый повар», «Телеграмма», «Повесть о жизни» и др. За подробным анализом картин, так или иначе связанных со смертью (описание умирания, в том числе насильственного, похорон, покойников, могил; беседы с умирающими, в том числе их предсмертные просьбы), и используемых писателем в этих картинах выразительных средств (сосредоточенность на внешних признаках приближения смерти, сопоставление черт покойного со скульптурными формами, изображение реакции окружающих, особенно — близких умирающим лиц, передача атмосферы смерти и умирания в целом) следовал вывод: вся жизнь, по Паустовскому — это подготовка к встрече со смертью, причем момент перехода в небытие неуловим. В.Казак сделал также еще одно любопытное сообщение под названием «Почему я выбрал творчество Паустовского темой своей докторской диссертации»: во второй половине 60-х гг. ощущалась потребность в преодолении одностороннего подхода к изучению русской литературы на Западе (подразумевалось, что подлинно художественных высот достигли лишь писатели-эмигранты), и произведения Паустовского как нельзя лучше подходили для этой цели.

Г.П.Корнилова (Москва) в сообщении «Паустовский и современность» рассуждала о непреходящей актуальности сочинений писателя, эстетической доминантой творчества которого было спасение красоты в мире и литературы в литературе (в сравнении с другими авторами, погруженными в скрытую или явную социальную проблематику). В подтверждение своих слов докладчица сослалась на то, что Нобелевскую премию 1965 г. должны были присудить Паустовскому, и только шантаж советского правительства заставил шведскую Академию перемнить решение. Г.П.Корнилова также привела многочисленные примеры того, как цитаты и реминисценции из произведений опальных писателей (А.Грина, М.Булгакова, И.Бабеля, А.Платонова, Б.Пастернака и др.) «хранились, будто в запасниках, в прозе Паустовского».

Данная тема предварила целую группу докладов, специально посвященных мировоззренческим и культурным связям Паустовского с русскими и иноязычными писателями.

Т.М.Бонами (Москва) говорила об общем и различном в поэтике Паустовского и И.А.Бунина, З.В.Квитко (Москва) — о сходстве общественно-гражданских позиций Паустовского и Б.Л.Пастернака по отношению к сталинским репрессиям, к необходимости восстановления писательских имен и т.п. С.Оливье (Бордо) в сообщении «Паустовский и французская культура» проанализировала контексты упоминаний Бальзака, Гюго, Стендаля, Ростана, Корбьера, Флобера и пр. в произведениях прозаика. Для Паустовского Франция, полагает исследовательница, — наследница древней Греции в отношении к красоте, понимаемой как идеал совершенства. О восприятии творчества Паустовского в англоязычной культуре и в Словакии собравшимся поведдали соответственно П.Генри и Р.Дворжакова.

Частные вопросы мировоззрения и поэтики писателя затрагивались в сообщениях Т.А.Никологорской (Москва), И.Ю.Парчевской (Пушкинские горы), В.К.Паустовского (Москва). Т.А.Никологорская в небольшом исследовании «Паустовский и эзопов язык его эпохи» на материале рассказов и очерков «Колотый сахар», «Степная гроза», «Дорожные разговоры», а также статьи в «Литературной России» 1968 г. (трактуемой как покаянное прощание с жизнью незадолго до кончины) и других произведений рассмотрела художественные приемы, с помощью которых Паустовский обращается к полузапретному религиозному аспекту действительности, незаметно «педалируя» вопросы веры. И.Ю.Парчевская в выступлении, озаглавленном «Михайловское глазами Паустовского», на основании записи Паустовского в книге посетителей музея А.С.Пушкина от 11 июля 1937 г., очерка «Михайловские рощи», дневниковых заметок писателя и иных источников реконструирует отношение художника к концепции музея: подлинное виделось ему в «пушкинской» природе заповедника и на могиле поэта; официоз же экспозиции Паустовский отвергал. В.К.Паустовский в докладе «Паустовский и “сознание писателя”», поставив «Повесть о жизни» (в до сих пор не опубликованной авторской редакции) в один ряд с «Окаянными днями» Бунина и «Несвоевременными мыслями» Горького, попытался выдвинуть объединяющий все три сочинения новый термин «сознание писателя», суть которого, однако, в достаточной мере не пояснил.

В непоименованном выступлении И.И.Комаров (Москва) говорил о перспективах издания трудов о Паустовском, его библиографии, о выходе первого номера журнала «Мир Паустовского». Отрадно то, что художественный мир писателя изучается комплексно, в ракурсе различных дисциплин. Конференция явилась очередным тому подтверждением. Большую группу составили доклады, в которых к творчеству Паустовского применялся лингвистический подход. Н.В.Брауда (Воронеж) в сообщении «Семантика сопутствующих образов в рассказах Паустовско-

го» выявила роль сопутствующих образов (артефактов — предметов, изготовленных руками человека, и натурфактов — природных объектов) в формировании образов литературных героев. Л.С.Ачкасова (Казань) в докладе «Явление синестезии в прозе Паустовского: (К постановке проблемы)» рассмотрела явления совмещенных слуховых и зрительных ощущений при восприятии окружающего мира в описаниях природы у Паустовского. Л.В.Судавичене (Вильнюс) в сообщении «Словарь языка Паустовского в Литве» рассказала о ведущейся уже в течение тридцати лет на кафедре русского языка Вильнюсского университета словарной росписи прижизненного шеститомного Собрания сочинений писателя. Вручную расписано около миллиона карточек. Вопрос об издании словаря проблематичен, тогда как накопленный материал бесценен и приводит к неожиданным открытиям — например, оказывается, что у Паустовского много слов, употребленных единожды. М.Гербер (Лейпциг) в выступлении, названном ею «Кому же в наши дни все эти сказки нужны?», изложила содержание своего спецкурса о Паустовском для изучающих русский язык студентов Лейпцигского педагогического института. Основная задача спецкурса — прикладная: улучшение речевых навыков студентов в процессе чтения и обсуждения таких произведений писателя, как «Снег», «Растрепанный воробей», «Корзина с еловыми шишками» etc.

С этим выступлением контрастировало проникновенное сообщение педагога К.Л.Демидова (с.Никольское Знаменского р-на Тамбовской обл.) «Изучение Паустовского в средней школе». Вопреки неоднократно звучавшим на конференции словам о народном признании, школьники демонстрируют слабое знание текстов писателя и не проявляют особого желания знакомиться с ними. В качестве одной из причин подобного состояния дел докладчик назвал усеченное издание произведений Паустовского для школьной программы по литературе.

На конференции прозвучал и искусствоведческий доклад — «Синкретизм литературы и живописи у Паустовского» Т.Н.Ветровой из Мичуринска. А сообщения краеведов устроители конференции выделили в особую секцию (этот материал, не относящийся непосредственно к проблематике «DV», мы не аннотировали).

В ряде выступлений — «О восприятии творчества Паустовского как некоей целостности» А.М.Борщаговского (Москва), полемизировавшего с оценкой Паустовского критиками М.Лобановым и В.Новиковым; «Мой Паустовский» Т.Н.Шаровой (Белая Церковь), обратившей внимание на антимилитаристские тенденции произведений писателя; «Паустовский в середине XX века» Л.П.Егоровой (Ставрополь); «Паустовский и мы — реквием и надежда» Г.П.Трефиловой (Москва) — недостаток «научности» с лихвой искупался искренними словами любви в адрес выдающегося мастера слова. А этим может похвастаться далеко не каждая юбилейная конференция.

А.Б.Рогачевский

«Миф и современность»

Конференция под этим названием прошла 8-10 декабря в Российском государственном гуманитарном университете, организатором ее выступил Институт высших гуманитарных исследований РГГУ. Большая часть докладов была посвящена функционированию мифа в России XX века, в частности, в 20-30-е гг. Так, на первом заседании Е.М.Мелетинский указал на сохранявшееся все 70 лет советской власти восприятие первых послереволюционных лет как мифологического «раннего времени», вполне закономерно сопровождающееся отождествлением здравствующего главы государства — Ленина с «культурным героем». Подобный подход к началу нового периода советской власти как к истоку последующих мифологических построений был продемонстрирован Т.В.Чердниченко в докладе, построенном на материале советских песен о вожде, а также М.Б.Булановой в докладе, посвященном концепту «социалистической коллективности». Из докладов, посвященных общим вопросам, необходимо отметить также

доклад М.О.Чудаковой о первом поколении «советско-рожденных» писателей, формировавших идеологический советский миф во второй половине 30-х гг.

Мифологема «женщины и железной дороги», берущая свое начало в творчестве Н.А.Некрасова и Л.Н.Толстого, была прослежена А.Г.Герасимовой вплоть до наших дней. Проблеме мифа и современности, мифа и истории в романах Булгакова был посвящен доклад Е.А.Яблокова, а поэтика «развоплощения», характерная для эпохи нетрансцендентного постутопизма, была рассмотрена Д.С.Московской на материале творчества А.П.Платонова. Расширительное толкование понятия «миф» продемонстрировал в своем докладе, посвященном ряду Овидий-Пушкин-Верлен в творчестве Мандельштама, О.А.Лекманов. Мифологические структуры в советском кино на материале фильма «Броненосец «Потемкин»» были рассмотрены В.И.Михалковичем.

С.Кузнецов

«Искусство авангарда» в Уфе

10-11 декабря 1992 г. в Уфе состоялась международная конференция «Искусство авангарда — язык мирового общения», посвященная 110-летию со дня рождения Д.Д.Бурлюка. На конференцию собрались как специалисты по литературе и искусству начала XX века, т.е. периоду «классического авангарда», так и специалисты по современному искусству (в частности, А.Глезер); на выступлениях первых мы и остановимся подробнее.

Конференцию открыл Д.В.Сарабянов (Москва), проанализировавший в докладе «Русский авангард перед лицом религиозно-философской мысли» близость русской философии начала века (Бердяева, Флоренского) и идей русского художественного авангарда (в частности, Кандинского).

В.П.Григорьев (Москва; доклад «Хлебников и авангард») сопоставил творчество Хлебникова с научными идеями его времени (Эйнштейн, Вернадский); в частности, были рассмотрены взгляды Вернадского и Хлебникова на проблему времени. В целом это сопоставление позволило докладчику определить творчество Хлебникова как сплав неклассической поэзии, неклассической науки и неклассической философии. В.П.Григорьев также предложил наряду с термином «самовитое слово» использовать понятие «самовитое словосочетание».

Р.В.Дуганов (Москва; доклад «Самовитое слово») рассмотрел семантику вынесенного в заглавие доклада понятие (от футуристических манифестов до возможного происхождения термина от украинского «несамовитый») и пытался связать теории слова у А.Ф.Лосева («Диалектика слова») и П.А.Флоренского («Мнимости в геометрии») с пониманием слова у Хлебникова.

Маргарет Тильберг (Стокгольм) в докладе «Закономерность изменяемости цветовых сочетаний: «Справочник по цвету» Михаила Матюшина» проанализировала теорию света Матюшина, возведя ее во многом к Оствальду и Гете; докладчица сравнила также теории света Матюшина и Кандинского.

О.А.Тарасенко (Одесса) в докладе «Авангард и древнерусское искусство» продемонстрировала связь приемов изобразительного искусства начала века с традициями древнерусского искусства (Васнецовских церковных росписей в Киеве, работ Врубеля в Кирилловской церкви, картин Петрова-Водкина); образная структура у русских авангардистов, по мнению исследовательницы, определяется взаимодействием христианской и языческой традиций.

Ю.А.Молок (Москва) рассмотрел два неатрибутированных эскиза, принадлежащих художнику круга К.С.Малевича («Батрак» и «Поденщина», хранятся в частном собрании) и на основании описания первой постановки «Мистерии-Буфф» Маяковского (с известной долей осторожности) предположил авторство Лаппо-Данилевского (художника, работавшего над декорациями к постановке под руководством Малевича). Это предположение было обосновано стилистическим анализом сохранившихся работ художника.

А.Е.Парнис (Москва) выступил с докладом «Илья Зданевич — первый биограф Пирсоманавили». Докладчик сообщил о недавно обнаруженных им подлинниках дневниковых записей И.М.Зданевича (они были получены из Парижа от вдовы поэта, скончавшейся в декабре 1992 г.), рассказывающих о встречах с Пирсомани. Эти дневниковые записи впервые были опубликованы К.М.Зданевичем в 1926 г. с большими искажениями и купюрами, новые

материалы позволяют установить подлинную картину открытия грузинского художника-примитивиста (лишь один из фактов, впервые оглашенных докладчиком: Зданевич зафиксировал, со слов художника, точную дату его рождения — январь 1863 г., — ранее, напомним, считалось, что он родился в 1862 г. или 1864 г.

Т.Л.Никольская (СПб., доклад «Марр Ю.Н. — поэт, драматург и прозаик») рассказала о тифлисской футуристической группировке «41^о» и взаимоотношениях ее членов с Ю.Н.Марром, привела отрывки из автобиографии и письма Д.Гордееву Ю.Н.Марра. В докладе были проанализированы графические особенности стихов Марра, связанные с использованием в них слов на различных восточных языках (в частности, на грузинском и арабском). Нельзя не отметить блестящее исполнение автором доклада стихов Марра, что само по себе, помимо удовольствия, создало некоторую иллюзию понятности текстов тифлиссских футуристов-«заумников».

В докладе Л.Ф.Кациса (Москва) был предложен анализ возможных источников текста А.Е.Крученых «О женской красоте» (опубликован в 1920 г. в Баку); по мнению докладчика, ими послужили некоторые статьи В.В.Розанова, связанные с анализом гоголевского «Рима», и его же работы «О древнеегипетской красоте» (1899). На основании сопоставительного анализа этих текстов (а также статей Василия Гиппиуса и Сергея Рафаловича из тифлиских журналов «Куранты» и «Агс») было высказано предположение, что одним из прототипов «красавицы» Крученых является Анна Ахматова.

В.А.Зарецкий (Стерлитамак) в докладе «Категория времени у Хлебникова» на основе нескольких примеров продемонстрировал близость в понимании времени у Хлебникова и Гоголя.

А.Г.Янбухтина (Уфа) рассказала о важном эпизоде художественной жизни Уфы, связанном с пребыванием здесь и работой в окрестностях Уфы Д.Д.Бурлюка и его дружбой с основателем современной башкирской живописи А.Тюлькиным. Анализ картин Бурлюка и Тюлькина свидетельствовал о творческой близости художников, продолжавшейся десятилетия спустя после отъезда Бурлюка не только из Уфы, но и из России. К этому докладу примыкал доклад Е.П.Ключевской (Казань), посвященный исключительно интенсивной деятельности Бурлюка в Казани и о его участии в художественной жизни города.

А.В.Гарбуз (Уфа) в «Заметках об авангарде в Башкирии» дал колоритную картину художественной жизни республики, проанализировав, в частности, авангардистские корни современного башкирского искусства и его связи с творчеством Бурлюка.

Е.В.Баснер (СПб., доклад «Н.Гончарова и И.Зданевич в поисках “всечества”») говорила о влиянии Зданевича на творчество Гончаровой; на основе материалов архивов Русского музея была исследована творческая история текстов Ларионова и Зданевича в сборниках «Ослиный хвост» и «Мишень».

В заключении конференции состоялась небольшая дискуссия. Ее открыл Д.В.Сарабянов, отметивший исключительную продуктивность совместных конференций искусствоведов и литературоведов, тем более, что методы исследования авангардного искусства развиваются в этих двух научных областях совершенно различно. По крайней мере, в литературоведении значительно сильнее развит семантический анализ, а многие достижения искусствоведов не находят себе места в исследованиях литературного авангарда. В.П.Григорьев, обращаясь в основном к Р.В.Дуганову, говорил о так называемом антилингвизме современного хлебниковедения, который часто ведет к необоснованным выводам о тех или иных произведениях поэта. Р.В.Дуганов отстаивал свой подход к анализу творчества Хлебникова, основанный на философских воззрениях П.Флоренского и А.Лосева, особо отмечая продуктивность использования терминов типа «энергия энтелехии» при анализе взглядов Хлебникова на слово. Л.Ф.Кацис отметил существенную опасность использования как лингвистических, так и философских концепций, если предварительно не показано, что тексты (в нашем случае — Хлебникова) действительно создавались в системе, релевантной предложенным методикам.

В целом можно констатировать, что уфимская конференция может стать импульсом к новым размышлениям о русском авангарде.

Конференция финансировалась банком «Восток»; участники конференции ознакомились с коллекцией современного башкирского искусства, собранной этим банком. В заключительный день конференции ее участники познакомились с фондами Башкирского государственного художественного музея им. М.В.Нестерова, где особый интерес вызвала коллекция картин Д.Д.Бурлюка.

Л.Ф.Кацис

Редакция «De Visu» просит научные, учебные, литературные организации и общества, музеи и др., информировать о планирующихся и прошедших конференциях, симпозиумах и семинарах, посвященных русской литературе 1890-1930-х гг. Журнал готов разместить ваши объявления и отчеты.

de visu

Содержание предыдущих номеров:

№0 за 1992 год:

- И.Г.Эренбург. Статьи 1919 года
- Е.И.Замятин. Письмо А.К.Воронскому
- «Сборник контрреволюционных произведений» Д.Хармса, А.Введенского, И.Бахтерева и др. (из их следственного дела)
- А.Е.Парнис. Вячеслав Иванов и Хлебников
- Н.А.Богомоллов. Оккультные мотивы в творчестве Гумилева
- К.М.Поливанов. Марина Цветаева в романе Бориса Пастернака «Доктор Живаго»
- А.Т.Никитаев. Ничевоки: материалы к истории и библиографии
- Тематическая текущая библиография за июль-август 1992 г.
- Хроника научной жизни

№1 за 1993 год:

- Ранние опыты Г.О.Винокура
- Р.О.Якобсон. Письмо Г.Г.Шпету
- Б.М.Эйхенбаум. Дневник 1917-1918 гг.
- В.Б.Шкловский. Письма М.Горькому 1917-1923 гг.
- И.Ю.Подгаецкая. Пастернак и Верлен
- А.Ю.Галушкин. Новые материалы к библиографии В.Б.Шкловского
- Тематическая текущая библиография за сентябрь 1992 г.
- Хроника научной жизни

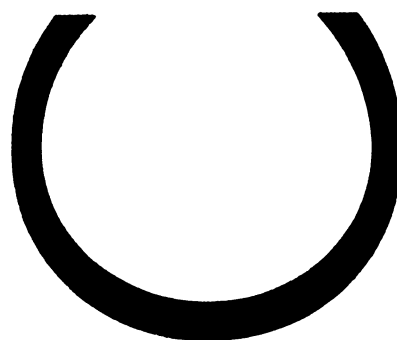
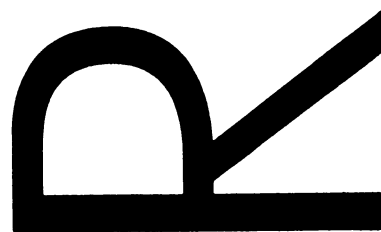
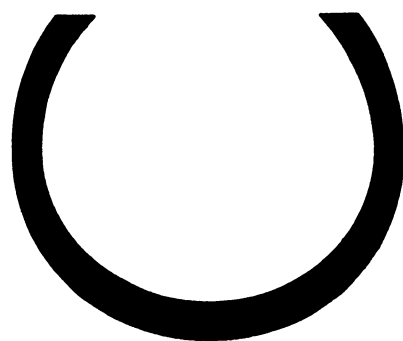

По вопросам подписки за рубежом
просим обращаться к нашему представителю:

**Galina Zlotnikova,
PO BOX 1641 Madison Square Station
New-York, NY 10159-1641 USA**

LION Ltd.
performs the computer
typesetting and
camera-ready copying
of professional, fiction
and non-fiction literature
in Russian, English,
German and other
Western languages.
We are equipped
with Apple Macintosh
and LaserMaster 1200
PlainPaper Typesetter,
so we can promise
high quality in short time
Our price per one page
of A4 CRC is **USD 2.25**
and more depending
on category of complexity.

LION Ltd.
25-2 1st Tverskaya-Yamskaya
Moscow 125047 Russia
Telephone /7 095/ 251 6667
Telefax /7 095/ 251 4411
(18.00 to 9 00 Moscow time)

В 1993 г. “De Visu”

предполагает опубликовать:

Неизвестные стихотворения В.Брюсова, К.Вагинова, М.Кузмина; рассказы Л.Липавского и Б.Садовского; переписку М.Горького и Ф.Степуна; письма Л.Андреева Н.Рериху; письма М.Арцыбашева, М.Волошина, М.Горького, М.Гершензона, Л.Добычина, В.Комаровского, А.Кондратьева, Н.Клюева, Ю.Никольского, Б.Савинкова, Б.Садовского, И.Сельвинского, М.Осоргина, В.Ходасевича, И.Эренбурга; воспоминания А.Богданова; статьи И.Анненского, Вяч.Иванова, А.Куприна, М.Осоргина, Ф.Сологуба, А.Толстого, Р.Яacobсона; рецензии К.Вагинова.

Статьи о творчестве А.Ахматовой, А.Крученых, М.Кузмина, О.Мандельштама, В.Маяковского, В.Набокова, Б.Пастернака, А.Платонова, А.Ремизова, В.Хлебникова, М.Цветаевой, К.Чуковского.

Новые материалы к библиографии О.Мандельштама, И.Эренбурга; материалы к библиографии Л.Лунца, В.Розанова, А.Тинякова, групп “Серапионовы братья” и “экспрессионистов”; “Свободный стих в критике 1900-1920-х гг.”

Материалы к биографии Б.Пастернака и Б.Пильняка.

Летопись литературной жизни Москвы и Петрограда 1918 года.

В каждом номере — тематическая текущая библиография (книги, журналы, газеты), хроника научной жизни (в ближайших номерах отчеты о конференциях в Брянске, Даугавпилсе, Москве, Санкт-Петербурге, Таллинне, Тамбове и др.).